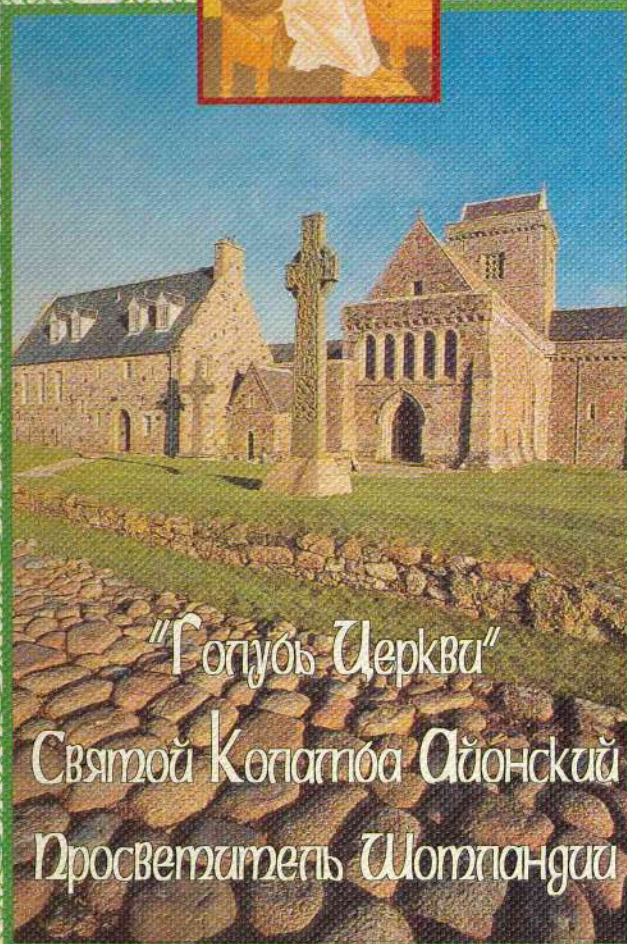

«...Кельтские святые принадлежали к той эпохе, когда Церковь мыслилась в универсальных терминах, а не как серии национальных объединений. Они стали частью европейского мейнстрима и не отличались в корне от других святых. Они разделяли апостольскую веру Востока и Запада, но более придерживались традиций восточного аскетизма. Ирландцев, шотландцев, валлийцев более взволновало православное представление о служении Богу в пустыне, чем римские идеи о необходимости установления строгой церковной иерархии. Они совершали Литургию, исполняли законы покаяния. Кельтские монахи придерживались образа жизни, напоминавшего практики отцов-пустынников Египта и Сирии и не похожего на бенедиктинские порядки континента. Они верили в силу мощей, реликвий (посохи, колокольчики, книги). Многие из них формально так и не были канонизированы римской курией, их святость признавалась традицией. Считая себя частью единой священной вселенской и апостольской Церкви, кельтские христиане почитали епископа Рима, как наследника св. Петра, но они не предполагали, что такая осведомленность означала обязательное выполнение папских указаний. Кельтское христианство расцвело до разделения церквей XI века и роковой битвы при Гастингсе (1066 г.), Когда пала Британия. До отделения Запада, поэтому все святые Кельтской церкви Шотландии, Ирландии, Уэльса, Корнуолла, Бретани, о-ва Мэн и Англии православные.»

☩ "Голубь Церкви" Святой Коламба Айонский ☩

Протоиерей Александр Шабанов

Протоиерей Александр Шабанов

**«Голубь Церкви»
Святой Коламба Айонский
Просветитель Шотландии**

**ФВПК «Миссия»
Тверь 2004**

УДК 23/28

ББК 86.37

Ш 12

*По благословению
Архиепископа Тверского и Кашинского
Виктора*

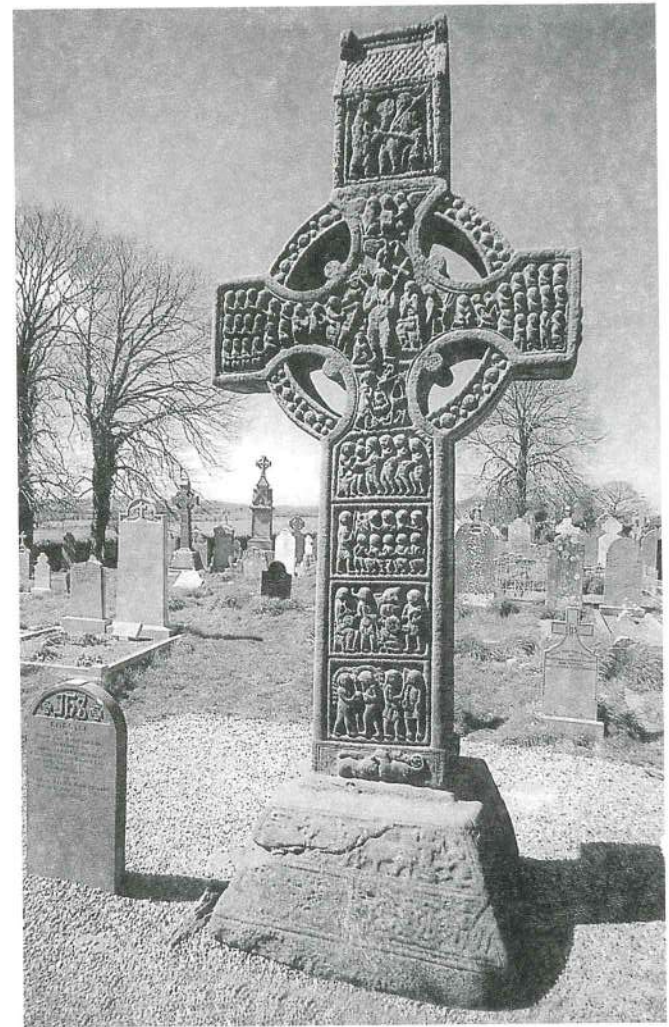
Протоиерей Александр Шабанов. «Голубь Церкви» святой Коламба Айонский Просветитель Шотландии. – Тверь: ФВПК «Миссия», 2004. – 364 с.

ISBN 5-89643-008-6

Издано при поддержке благотворительного фонда
Orthodox Florida Charity Foundation (USA).

© Шабанов А.Ю., текст, 2004 г.

© Шабанова О., оформление, 2004 г.

*«Высокий Крест» – символ Кельтской Церкви.
Ирландия. Монастербойз. VIII в.*

Светлой памяти моей мамы

ПРЕДИСЛОВИЕ

*И в Ирландии есть места, где не поют птицы
где прошлое прорастает в настоящее
где столетия трепещут листвой
где странники встречают странников
где расколота надвое обнесенная
пограничной проволокой душа
вздрагивает в такт
оркестру печали, чьи звуки приходят
из-за зазубренных стен.*

Десмонд Иган

Эта книга посвящена истории жизни одного человека, но ее не следует считать биографией. Она повествует о святом Коламбе Просветителе Шотландии, основателе знаменитого монастыря на острове Айона, поэте, наследном принце, смелом миссионере, мудром человеке и прочая, прочая. Эта книга различных по тематике и жанру очерков о нем.

Однажды в моих руках оказался текст «Жития св. Коламы», написанный преподобным Адамнаном около 698 года. Кельтский текст, созданный кельтом в кельтской стране во времена процветания Кельтской Церкви. Настоящая документальная проза средневековья. Я решил представить его русскому читателю, но не в «чистом виде», а на фоне реальных событий, развора-

чивавшихся на Северо-Западе Европы во время жизни св. Коламбы и его учеников. Затем несколько глав были посвящены наследию айонской общины и этапам «кельтского возрождения» вплоть до последних десятилетий XX века. Чтобы облегчить чтение «Жития», я рискнул сделать литературную обработку латинского оригинала: сократил обычные для средневековых агиографических произведений повторы, многословные отступления и дифирамбы описываемому святому. Также счел необходимым привести современные аналоги географических названий и некоторые, малозначимые ремарки поместить не в главах-комментариях, а сразу по ходу повествования Адамнана. Осознавая предубежденное отношение многих православных читателей к католической церкви, я предпочел использовать «восточные» варианты римских понятий. Например, «аббат» стал игуменом, «месса» – литургией, «конфирмация» – миропомазанием и т.д. «Житие св. Коламбы» приняло несколько более «облегченный» вид литературной версии и считаться переводом может с определенной долей условности. Тем не менее, надеюсь, что, во исполнение благословения преп. Адамнана (см. финал «Третьей книги»), самое главное сохранилось.

Главы, которые вначале чередуются с фрагментами «Жития», а потом размещены в самостоятельном порядке, являются популярным комментарием к основному тексту, размышлением над некоторыми аспектами его содержания и предлагают дополнительную информацию всем интересующимся историей Кельтской Церкви и ее вкладом в европейскую культуру.

Сам по себе феномен Кельтской Церкви (существование которой многими современными историками ставится под сомнение, равно как и существование вообще кельтской общины)

объясняется необычностью среды, принявшей новую веру. Со времен евангельской проповеди христианство – городская религия – впервые по доброй воле было принято в регионе, где городов, по континентальным меркам, не было вовсе.

Основателем Кельтской Церкви традиционно считают св. Патрика. Со второй половины XIX в. он стал символом Ирландии, наряду с арфой, «брошью Тарь» и пивом «Guinness». Традицию, безусловно, следует уважать. Но если придерживаться фактов, то св. Патрик, отправленный Римом и действительно совершивший равноапостольский подвиг просвещения кельтского мира, установить латинскую церковную структуру в Ирландии не смог. Здесь не сложились епархии с епископами и приходы с пресвитерами. У ирландцев был собственный, особый путь несения Креста. Через сто лет после св. Патрика, к VI в., тут утвердилась совершенно другая форма христианства. Подобно тому, как прежде кельты были организованы вокруг военных укреплений на холмах, так христиане «Зеленого острова» сплачивались подле своих многочисленных монастырей.

В русскоязычной литературе, посвященной Кельтской Церкви и ее месту в истории христианства, преобладают, как правило, кальки с западноевропейских и американских исследований, а собственных кельтологических штудий мы имеем совсем небольшое количество, те же, что существуют, за редким исключением, посвящены дохристианским событиям или эпическим текстам. У крупнейшего православного авторитета в области церковной истории протопресвитера о. Иоанна Мейендорфа можно обнаружить такое наблюдение: « В V и VI столетиях Кельтская Церковь вела несколько маргинальное существование, оставаясь в стороне от основного течения христианства. Такой

приговор, как «Британский остров впал в варварство», может показаться слишком суровым, однако, несомненно, что Кельтская Церковь, которая теперь считается «отуземленной» (т.е. церковная жизнь в ней приспособлена к местным условиям), развивалась с некоторым ущербом для вселенского сознания. Кельтская Церковь действительно стала туземной, и это создало экклезиологические и канонические проблемы. Одной из них, несомненно, был вопрос об истинной природе епископата, так же как и особые методы евангелизации, осуществляемой странствующими монахами» (Мейендорф И. История Церкви и восточно-христианская мистика. М., 2000. С. 112-114). Отец Иоанн прав. Канонические и экклезиологические «проблемы» существовали здесь, как впрочем и везде, где национальная доминанта отчетливо о себе заявляла (копты, армяне, грузины). Кельты-миссионеры путешествовали, но не покоряли. Вдохновляли, но не прибегали к насильственному убеждению. Они были дисциплинированными клириками, но слабыми администраторами. Создавали больше поэзии, чем схоластической теологии. Свв. Коламба, Давид, Колумбан начинателями нового движения или «туземных» церквей не становились. У них не обнаруживалось чувства принадлежности к отдельной конфессии, как у большинства христиан в наше время. Они принадлежали к той эпохе, когда Церковь мыслилась в универсальных терминах, а не как серия национальных объединений. Кельтские святые стали частью европейского мейнстрима и не отличались в корне от других святых. Они разделяли апостольскую веру Востока и Запада, но более придерживались традиций восточного аскетизма. Ирландцев, шотландцев, валлийцев более взволновало православное

представление о служении Богу в пустыне, чем римские идеи о необходимости установления строгой церковной иерархии. Они совершали Литургию, исполняли законы покаяния. Кельтские монахи придерживались образа жизни, напоминавшего практику отцов-пустынников Египта и Сирии и не похожего на бенедиктинские порядки континента. Они верили в силу мощей, реликвий (посохи, колокольчики, книги). Многие из них формально так и не были канонизированы римской курией, их святость признавалась традицией. Считая себя частью единой священной вселенской и апостольской Церкви, кельтские христиане почитали епископа Рима как наследника св. Петра, но они не считали, что осведомленность в этом предполагает обязательное выполнение папских указаний. Кельтское христианство расцвело до разделения церквей XI века и роковой битвы при Гастингсе (1066), когда пала Британия. До отделения Запада, поэтому все святые Кельтской Церкви Шотландии, Ирландии, Уэльса, Корнуолла, Бретани, о-ва Мэн и Англии – православные.

Я выражаю глубокую признательность друзьям, без участия которых эта работа не могла быть завершена: главному переводчику доктору филологических наук Юрию Варзону, автору многих идей и стихов священнику Стефану Красовицкому, американскому кельтологу-энтузиасту священнику Сергию Козину, и З. Тельновой, борющейся с авторской «каллиграфией».

Отдельная благодарность художнику, литературному и техническому редакторам книги.

ВО ИМЯ ИИСУСА ХРИСТА Первое предисловие

Желая дать ответ своим настойчивым собратьям, я, с помощью Божией, решил описать жизнь нашего благословенного покровителя. Прежде всего мне хочется убедить всех, кто станет читать эти страницы, в истинности изложенных историй и призвать более полагаться на суть, нежели на слова, которые, конечно, грубы и малого стоят. Царство Божие, как известно, не в красноречии, но в процветании веры. Тем более из-за непривычного ирландского наречия – бедный язык! – которым обозначены племена и местности, нельзя упустить из внимания самое главное: великие дела святого мужа.

Мы также сочли, что читателя следует предупредить и о том, что ради краткости, во избежание пресыщения, здесь опущено довольно многое, касающееся преподобного игумена. Число совершенных им чудес велико и разнообразно. Свидетельством тому слава, достигшая дальних пределов.

Теперь после первого небольшого предисловия, я перехожу к началу второго, собираясь рассказать об имени нашего предстоятеля.

ВО ИМЯ ИИСУСА ХРИСТА Второе предисловие

Был муж жизни достойной и памяти благословенной. Множество монастырей считают его своим отцом и почитают как основателя, чье имя подобно пророку Божию Ионе. На трех языках, хотя оно и звучит различно, но то, что по-еврейски произносится как «иона», по-гречески – «перистера», а на латинском называется «колумба», означает одно и то же. Самое славное и великое имя не случайно, но по промыслу Творца, было дано этому человеку. Как известно из евангельского благовествования, Дух Святой исходил на Единородного Сына от Предвечного Отца в виде той малой птицы, которая зовется голубем. Отсюда в священных книгах голубь часто понимается как таинственный символ Святого Духа.

А Господь наш Иисус Христос наставлял апостолов иметь в себе простоту, наподобие вложенной в чистое сердце голубя, ибо это действительно простая и невинная птица. Так что милосердный и незлобивый человек был по праву назван этим именем, ведь, подобно голубю, он дал в себе обитель Св. Духу. Слово о нем говорил Соломон в книге Притчей: «Лучше имя доброе, чем богатства великие».

Но не только этого, по дару Божию, удостоился наш предстоятель со дней своего младенчества. Еще до рождения его имя прозвучало в откровении Св. Духа Воину Христову, изрекшему чудесное пророчество.

От древних людей мы знаем, как некий прозелит-британец, ученик святого епископа Патрика, по имени Мауктей так сказал о нашем отце: «В последние дни мира родится младенец, имя которого «Коламба» станет знаменито среди всех провинций островов Океана и которое ярко просияет над конечными временами земли. Поля двух наших монастырей будет разделять лишь небольшая роща. Человек этот дорог Богу и велик в заслугах».

Повествуя о жизни и делах нашего изумна, я кратким образом упомяну некоторые из важных событий и чудес святого. Ниже все это будет описано так, что из первой книги читатель узнает о пророческих откровениях преподобного, вторая расскажет про некоторые совершенные через него чудеса, а в третьей мы приведем свидетельства явлений святому ангелов и Божественного света. И пусть никто не подумает, что о столь достопамятном человеке я дерзну написать неправду, вымысел или сказать что-то неточное. Мне хотелось, чтобы читатель понимал, что мое знание основано на сохранившейся традиции, переданной благочестивыми предшественниками, и опирается не только на рассказы участников событий, но и на то, что нам удалось обнаружить среди рукописей, изученных нами тщательно. Также я слушал осведомленных пожилых людей, которые излагали свои истории безо всякого колебания.

Святой Коламба родился от знатных родителей – отцом его был Фегелмитх, сын Фергуса, мать но-

сила имя Этна, а отца его по-латыни можно было назвать «сын овцы», по-ирландски – Мак-Науэ. Во второй год после битвы при Кул Дребне, в возрасте 42 лет, Коламба отправился в плавание из Ирландии в Британию, желая стать странником Христа ради.

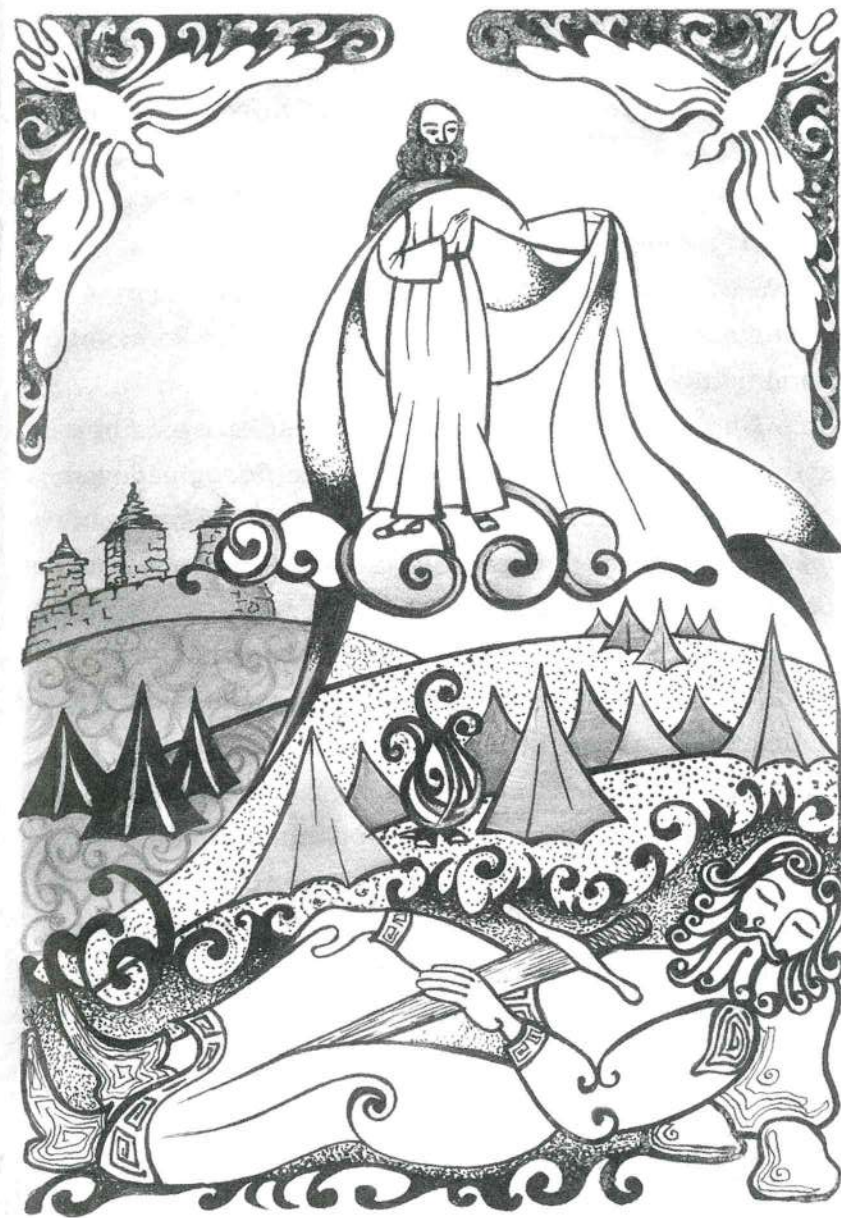
С самого детства преданный христианскому послушанию и изучению премудрости он, по милости Божьей, сохранил целомудрие и душевную чистоту. Живя на земле, он был готов взойти к небесам. Его внешность была ангельской, речи искусны, а советы глубоки. В течение 34 лет, как воин, живя на острове, он и одного часа не мог провести без молитвы, учения, письма или другого дела. День и ночь непрерывно он испытывал себя постом, бодрствовал так продолжительно, что это казалось превыше человеческих сил. Но, тем не менее, с каждым гостем преподобный оставался мил, приветлив. Святое лицо являло радость, оттого что в сердце его пребывала благодать Святого Духа.

КНИГА ПЕРВАЯ
ПРОРОЧЕСТВА СВЯТОГО КОЛАМБЫ

О короле Освальде

Удивительны и разнообразны чудеса, совершаемые Господом через нашего святого покровителя. В страшных сражениях, по его молитве, огни правители повергали в прах других. Для подтверждения этой особой чести, которой Всемогущий жаловал благословенного человека, мы расскажем про важное событие. Оно приключилось с английским королем Освальдом за день до его сражения с могущественным королем бриттов Катлоном.

Накануне неминуемой битвы Освальд спал в своем шатре и во сне увидел св. Коламбу. Подобно ангелу, святой сиял, касаясь головою облаков. Он открыл королю собственное имя, после чего, встав посередине лагеря, развернул блистающий плащ, который покрыл всех воинов, кроме малой части.

Затем святой произнес слова ободрения, те же слова, что говорил Господь Иисусу Навину в день смерти Моисея: «Будь тверд и мужественен, не страшись и не ужасайся; ибо с тобою Господь, Бог твой, Везде, куда ни пойдешь» (И.Нав. I, 9). И добавил еще: «Грядущей ночью выступи на сражение. Твои враги обратятся в бегство, Катлон погибнет, и ты вернешься победителем, чтобы счастливо царствовать».

Проснувшись, Освальд пересказал видение собравшимся на совет воинам. Все воодушевились и обещали креститься после окончания битвы, ведь вплоть до того времени английская земля находилась во мраке невежества. Христа принял лишь сам король и с ним еще двенадцать мужей, когда они были в ирландской ссылке. Указанной ночью малочисленное войско Освальда напало на противника. Победа оказалась легкой. Катлон погиб, а Освальда Господь произвел в императоры всей Британии.

Все это в точности рассказал мне, Адамнану, мой предшественник, аббат Фаилбе, узнавший о видении из уст самого короля, через аббата Сегена.

О святом игумене Финтене, сыне Таилхана

Святой Финтен, которого впоследствии высоко почитали все церкви Ирландии, с детства, по милости Божией, сохранял телесную и душевную чистоту. Будучи молодым, он много времени провел за изучением Св. Писания. И вот однажды, загоревшись желанием обрести еще большую мудрость, Финтен решил отправиться к нашему благословенному отцу. Но прежде чем совершить задуманное, он посетил своего друга, старейшину племени, почтенного священника, которого по-ирландски звали Колум Краг. Юноша просил совета, и старец сказал ему: «Никто не может противиться твоим планам, они, как и твоя вера, вдохновлены Самим Господом. Что остановит тебя от путешествия ко святому Коламбе?»

В тот же самый час случилось так, что прибыли монахи из обители острова Ио. Когда их спросили о проделанной долгой дороге, они ответили: «Недавно, на Веслах, мы приплыли из Британии, а сегодня вышли из дубовой роци Калкаха (=Дерри)». «Все ли в порядке с отцом нашим Коламбой?» - поинтересовался у гостей Колум Краг. Опечаленные и в слезах, они сказали: «Да, действительно, ему сейчас хорошо, игумену нашему, ибо два дня назад его душа возшла на Небо». Услышав грустную новость, все, кто там находился, заплакали. Затем Финтен задал вопрос: «А кого преподобный оставил своим преемником?»

«Байтена, духовного сына», – ответили иноки. И когда собравшиеся воскликнули: «Достойный наследник!», – Колум обратился к Финтену: «Что ты, брат, станешь делать теперь?» «Если позволит Господь, поплыву к Байтену – мудрому и святому человеку, быть может, он согласится стать моим игуменом», – ответил юноша. После этого он обнял Колума Крага и распростился с товарищами.

Не откладывая намеченное, Финтен снарядил судно для путешествия. Вскоре он сошел на берег Ио. Поскольку имя гостя в тех местах не было известно, то его приняли, как простого паломника. На следующий день Финтен отправил к Байтену посредника с просьбой назначить встречу. Новый игумен согласился принять ирландского peregrina. По традиции, Финтен склонил колени и поднялся лишь, когда настоятель попросил его об этом. Гость присел, а Байтен, еще не знавший ни племени паломника, ни провинции, откуда он родом, ни даже имени, стал спрашивать о цели столь непростого путешествия. Финтен смиренно ответил на все вопросы и попросил разрешения остаться в монастыре. Байтен слушал гостя и догадывался, что перед ним именно тот человек, о котором в свое время пророчествовал святой Коламба. И в ответ на просьбу Финтен услышал от игумена: «Сын мой, я действительно должен благодарить Бога за твой приход, но тебе никогда не стать моим монахом».

Юноша сильно опечалился и спросил: «Видимо, мое недостойнство тому причина?» «Нет, Финтен, – произнес настоятель, – я, наоборот, был бы рад видеть тебя среди братьев, но не осмелюсь пренебречь повелением нашего благословенного отца, который, вдохновленный Св. Духом, говорил про тебя: «Как только Господь призовет меня к вечности, из Ирландии в наш монастырь придет брат по имени Финтен, сын Таилхана, и станет смиренно просить принять его в общину. Но, по воле Божией, он давно избран к игуменству и наставничеству в другой обители. Передай ему эти слова и с миром отправь в Ирландию. Пусть он построит монастырь на побережье Лагина, возрастит стаго овец Христовых и приведет бесчисленное количество душ к Небесному Царству».

Выслушав эти слова, Финтен заплакал, возблагодарил Бога и сказал: «Да станет со мною все по пророчеству благословенного Коламбы».

В ближайшие дни, получив напутствие Байтена, он отплыл к ирландскому берегу.

Все это я знаю точно от пожилого священника Оиссена, сына Эрнана из семьи Нетх-корб. Он свидетельствовал, что лично слышал эти слова от св. Финтена, сына Таилхана, монахом которого и являлся сам.

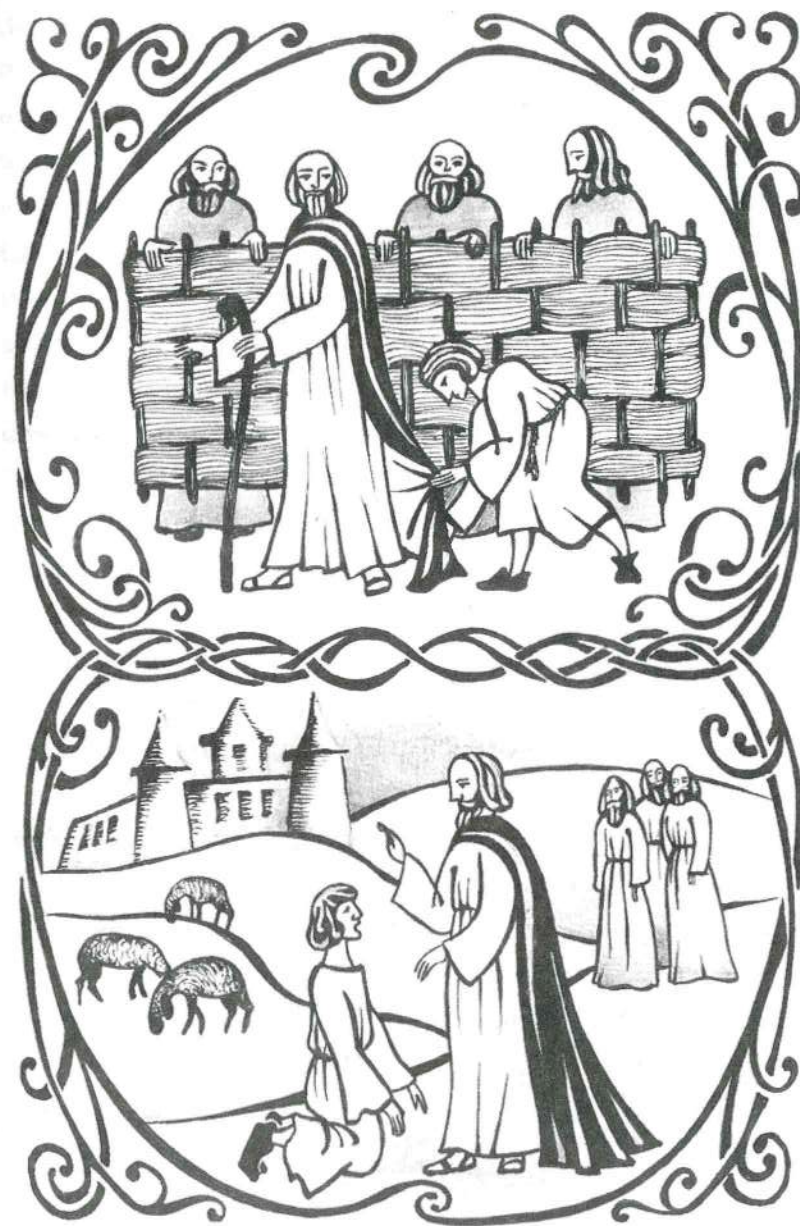
Пророчество о Эрнене, сыне Кразена

Несколько месяцев, по Воле Божией, благословенный человек находился в центральной части Ирландии. Он был занят основанием монастыря, что по-ирландски называется Доурмаг (=Дурроу). И вот однажды ему захотелось навестить братьев, живших в Клоине (=Клонмакнойз), обители святого Сиарана (монастырь основан в 504 г. – Авт.).

Узнав про это, иноки Клоина собрались со всех полевых и хозяйственных работ. Присоединившись к своему настоятелю Алитеру, они вышли навстречу св. Коламбе, словно он был Ангелом Господним. Завидя святого, братья начали петь гимны, возносить хвалы, а когда он подошел, то расцеловала и повела в церковь.

Вокруг гостя четыре человека несли специально сплетенную из ветвей изгородь, чтобы многочисленные встречающие не беспокоили его. Тем временем один юноша, который еще не успел утвердиться в общине, и старшие смотрели на него свысока, приблизился к святому. Тайно он намеревался коснуться полы плаща Коламбы, надеясь, что никто ничего не заметит. Но попытаться скрыть от благословенного человека такой замысел было большой оплошностью. То, что святой не видел телесными глазами, открывалось ему через духовное зрение.

Коламба вдруг остановился, протянул руку и, схватив юношу за шею, вывел, поставив его перед собой. «Прогони, прогони озорника, – кричали монахи, –

зачем он тебе?» Святой ответил: «Пускай братья, пускай будет здесь». Юноше же, который сильно трепетал, преподобный велел: «Сын мой, теперь открой уста и высунь свой язык». Испуганный отрок выполнил сказанное. Тогда Коламба осенил крестным знаменем уста послушника и пророчески произнес: «Хотя этот человек Вам сегодня кажется жалким и ничтожным, не отвергайте его. С этого часа все изменится. В добрых делах изо дня в день он будет возрастать, и мудрость начнет собираться в его сердце. Господь пошлет юноше дар красноречия и тем еще более прославит Вашу обитель».

Это был Эрнен, сын Кразена, позднее ставший знаменитым в церквях Ирландии и за ее пределами. Он рассказал аббату Сегену о происшедшем, а я все записал.

Во время своего пребывания в монастыре Клоин св. Коламба, по откровению Святого Духа, изрек множество пророчеств. Он говорил о Великом споре, который через некоторое время возник среди ирландских церквей и касался различного способа счисления Пасхи. А также святой упоминал про особые места внутри обители, что часто тогда посещали Ангелы.

Пророчество Святого о Байтене, искавшем морскую пустыню

Человек из семьи ниа-Талоирк, которого звали Байтен, собрался вместе с товарищами отыскать пустынное место среди океанских Волн. Прежде чем отправиться в плавание, он пришел за благословением к преподобному. Прощаясь с Байтеном, св. Коламба произнес такое пророчество: «Человек, с которым мы сегодня расстаемся, не будет похоронен в пустыне. Его прах ляжет в другое место, и однажды женщина проведет скот через ту могилу».

Накружившись под ветрами в морях, так и не найдя пустынного места среди островов, Байтен вернулся в Ирландию. Много лет он служил при небольшой церкви, которая по-ирландски называется Латрег-инген. После кончины его тело предали земле в дубовой роще Калках (=Дерри). В это самое время на местных жителей напали враги, и женщины с детьми искали прибежище в той самой церкви.

Так вот, однажды несколько человек видели, как некая крестьянка гнала своих овец через недавнее погребение Байтена. Священник, что оказался среди наблюдавших за этим, сказал: «Теперь исполнилось давнее пророчество св. Коламбы». Он же и поведал мне, Адамнану, про все приключившееся. Звали его Маиллогран, воин Христа из семьи моку-Курин.

О прибытии святого игумена Каиннеха, которое предсказал преподобный

Случился на море сильный шторм, и высокие волны разбивались о берег Ио. В тот день благословенный человек сидел у себя в хижине, а когда к нему пришли братья, он дал такое распоряжение: «Нужно незамедлительно приготовить гостевой дом. Ступайте и принесите воды для омовения ног дорогому гостю». Один из монахов тогда возразил: «Разве может кто-нибудь в столь бурный и опасный час миновать узкий пролив, оставшись целым?»

Коламба на эти слова ответил: «Для одного святого избранника, что еще до вечера прибудет к нам, Всемогущий Господь дарует покой даже среди разъяренного моря».

И вот, в тот же самый день приплыл корабль, на котором находился уже давно поджидаемый св. Каиннех. Пророчество нашего отца исполнилось. Вместе с братьями преподобный сошел к гавани и, совершив должные почести, встретил ирландского игумена. Когда монахи стали спрашивать моряков, что были с Каиннехом на судне, о путешествии, те отвечали, в точности подтверждая предсказанное Коламбой. Они поведали инокам про шторм и штиль, что соседствовали в одном море, в одно время, но, по Божиему промыслу, оказались разделенными, и объяснили, что не чувствовали бури, хотя видели ее вблизи.

Об опасности епископу св. Колману моку-саилни близ острова Рехру (=Ратлин)

Сходным образом в другой раз преподобный отец, находившийся в храме обители, с улыбкой вдруг воскликнул: «Колман, сын Беогны, вышел под парусом к Ио, но сейчас ему грозит опасность в коварном водовороте Брекана. Стоя на носу корабля, он простирает руки к небу и благословляет разбушевавшееся море. Господь испытывает его страхом. Волны могли бы захлестнуть и разрушить судно, но

Властитель стихий именно так поощряет нашего собрата к ревностной молитве, чтобы, обретя милость и поддержку Неба, святой епископ преодолел искушения и добрался к нам.

Пророчества святого о путешествии Кормака, Внука Летана

Воин Христов, Кормака, о котором как-то упоминалось, собрался отправиться в путешествие. Он мечтал отыскать пустынное место среди безбрежного океана. В день, когда его судно на полных парусах вышло из гавани, отец находился за Британским горным хребтом. Он наставлял короля Бруда в присутствии его вассала, короля Оркнейских островов: «Один из наших монахов совсем недавно отправился в море, желая между бурными волнами найти необитаемую землю. Пусть же, король, твои подданные позаботятся о том, чтобы возлюбленные собратья, если после долгих странствий пристанут к Оркнейским островам и сойдут на берег, сохранились от любых напастей».

Так говорил святой Коламба, ибо Духом предвидел, что, спустя несколько месяцев, корабль Кормака достигнет Оркнеев. По прошествии времени его предсказание исполнилось, и если бы не наставления святого, то все путешественники наверняка бы погибли.

Много недель еще миновало, и, когда блаженный человек уже вернулся на Ио, во время беседы один из монахов вспомнил Кормака: «Как там наш собрат, успешно ли закончилось его странствие? Неизвестно». Св. Коламба ответил: «Если ты говоришь о Кормаке, то именно сегодня он посетит обитель Ио». Прошло чуть более часа и, действительно, невредимый мореплаватель вошел в часовню. Все собравшиеся были удивлены и благодарили Господа.

Поскольку мы кратко упомянули пророчество святого отца о втором путешествии Кормака, внука Летана, то стоит написать несколько слов и о его чудесном предвидении относительно третьего плавания. В этом новом путешествии Кормака встретил такие опасности, что чуть было не погиб среди волн Океана. Гонимый южным ветром его корабль стремительно двигался от земли прямо в сторону северного неба. Четырнадцать дней и ночей море увлекало судно дальше и дальше в места, из которых нет возврата. Наконец, после десятого часа четырнадцатого дня ветер стих, и остановившийся корабль¹ окружили жуткие, безобразные существа. Эти маленькие злобные создания, которых прежде никто не видел, набросились на судно. Из всех сил они старались повредить кожаную обивку корабля. Люди, бывшие на борту, впоследствии рассказывали, что эти существа размером приходились с лягушку,

¹ Корабль – маленькое судно, легкий каркас которого обтягивался кожей.

имели жало, не могли летать, но очень быстро плавали. Им удалось повредить лопасти Весел.

Видя такую и прочую химеру, о которой сейчас не время рассказывать, Кормак вместе с товарищами слезно обратился к Творцу Мира.

В тот час и наш благословенный отец, хотя и находился телом далеко, духом пребывал на корабле с несчастными. Колокол, по его велению, собрал братьев в часовню, переступив порог которой, св. Коламба произнес: «Иноки Ио! Изо всех Ваших сил теперь молитесь за Кормака, человека, достигшего диких пределов моря и ныне страждущего от ужасных существ океанской пучины. Мысленно мы должны разделить испытания наших соратников и вместе с ними обратиться за помощью к Господу, дабы Христос сжалился над путешественниками и обратил южный ветер на северный. Тогда корабль выйдет в безопасные воды».

Сказав так, он преклонил колени перед алтарем и начал просить у Творца стихий даровать Спасение мореплавателям. Закончив молитву, св. Коламба быстро поднялся и, радостно возблагодарив Всевышнего, воскликнул: «Теперь мы можем поздравить наших друзей, Господь сейчас переменяет ветер, и судно Кормака двинется к берегам Ио».

Именно так все и произошло. Корабль Кормака вскоре появился в гавани острова, путешественников встретили монахи, и пусть читатель задумается, сколь был велик человек, призывавший Имя Спасителя для управления ветрами и океаном.

Пророчество святого о сыновьях короля Айгана

Как-то благословенный человек спросил у короля Айгана о наследнике трона. Король затруднился ответить. Он еще не решил, кто именно из трех сыновей - Артуир, Эхоид Финг или Домингарт - займет престол после него. Тогда святой сказал Айгану: «Никому среди старших детей не суждено стать твоим преемником. Каждый в свое время погибнет, сражаясь с врагами. Но если у тебя есть младшие, то приведи их сюда. Тот, кого Господь избрал для королевского трона, тотчас побегит к моему колену». Айган приказал привести детей, и когда в зал вошел Эхоид Буид, этот мальчик сразу бросился к святому Коламбе. Наш отец благословил ребенка, поцеловал и передал королю со словами: «Вот кому суждено уцелеть. Он займет твой трон, и его сыновья будут править долгие годы».

Пришло время, когда пророчество полностью совершилось: Артуир и Эхоид Финг погибли в сражении при Миатхи, Домингарт был убит во время бегства из боя в Англии, а Эхоид Буид получил королевство от своего отца.

Пророчество о короле Родерке

Однажды король, что правил на горе Клотх (=Клайд) и считал себя другом св. Коламбы, решил отправить к благословенному человеку с особой

просьбой Лугба моку-Мина. Родерку хотелось узнать, погибнет ли он от рук своих Врагов. Лугба пришел к святому, но тот Вдруг сам начал расспрашивать его о делах короля и народе Клотха. Несколько огорчившись, посланник обратился к преподобному: «Почему, отче, ты хочешь узнать про несчастного правителя, ведь в любой час Враги могут убить его?» Тогда Коламба ответил: «Родерк никогда не падет от Вражеской стрелы или меча. Королю суждено скончаться на своей подушке в собственном доме».

Предсказание святого в точности совершилось. Когда пришло время, Родерк мирно отошел к Господу, окруженный родными и близкими.

Как святой предсказал появление большого кита

Инок, по имени Берах, пришел одним утром к нашему отцу за благословением. Он намеревался отплыть с Ио на остров Этх (=Тирее). Святой внимательно посмотрел на монаха и сказал: «Сын мой, будь осторожен и сегодня не пытайся даже пересекать открытое море в сторону земли Этх. Иди кругом, через малые острова, иначе тебе грозит встреча с огромным морским чудовищем, бежать от которого почти невозможно».

Получив благословение и такой совет, Берах отправился в гавань. Там он сел на корабль, но почему-то решил плыть вопреки указаниям святого. И вот,

когда судно шло открытыми просторами, моряки с ужасом увидели как из воды, подобно горе, поднимается животное. Невероятных размеров кит, открывая пасть с многочисленными зубами, двигался им навстречу. Перепуганные гребцы опустили парус и на веслах поспешили в другую сторону. С большим трудом им удалось скрыться от грозного существа, и они еще долго дивились, вспоминая пророческие слова святого.

На следующий день Коламба рассказал про кита Байтену, что собирался отправиться к той же земле: «В середине прошлой ночи из глубины океана всплыло жутких размеров существо. Сегодня оно окажется между островами Ио и Этх». Байтен в ответ произнес: «Я и это животное во власти Господней». «Иди с миром, – сказал преподобный, – твоя вера во Христа защитит тебя от всех опасностей».

Заручившись благословением святого, Байтен покинул Ио. Посередине океана он с товарищами увидел того кита. Все пришли в смятение, но Байтен, твердо стоя на палубе, простер обе руки к небу, а затем благословил море и рыбину. В тот же миг огромная бестия нырнула в пучины и более не появлялась.

Пророчество о Немане, притворно кающемся

Однажды благословенный человек, желая проведать братию, приплыл на остров Хинба. Ради встречи он разрешил устроить некоторое послабление в обычном посте даже для кающихся паломников. Среди тех, кто нес епитимью, был некто Неман, сын Катхера, и вот он отказался выполнить благословение святого, касающееся поста. Тогда, обращаясь к упрямцу, Коламба пророчески произнес следующее: «Неман, сегодня ты не принимаешь моего разрешения приостановить строгое воздержание в пище, но придет время и тебе придется в лесу вместе с ворами есть мясо краденой кобылы».

Прошло время и, действительно, Неман, что вернулся в мир после покаяния на Хинбе, был однажды схвачен с другими преступниками. Они расположились на лесном пастбище и ели конское мясо из глиняной тарелки. (Употребление конины считалось в Ирландии не только грехом, но и тяжким преступлением. — Авт.).

О несчастном грешнике

Однажды, глухой ночью, спеша разбудить братию, наш отец стал звонить в колокол. Когда все собрались под сводами храма, св. Коламба сказал: «Иноки, мы незамедлительно должны обратить свои молитвы к Господу, потому что прямо сейчас совершается неслыханный грех сего мира, наказание за который самое ужасное».

На следующий день несколько монахов спросили преподобного о происшедшем накануне и тот ответил: «Человек, повинный в большом злодеянии, через несколько месяцев прибывает на Ио вместе с ничего не подозревающим Лугайдом».

Прошло означенное время и как-то святой, призвав келейника Диормита, распорядился: «Ступай скорее на берег. Уже приближается корабль Лугайда. Скажи ему, пусть вышвырнет на острове Мале (=Малл) того негодяя, что плывет вместе с ним. Даже нога преступника не должна коснуться нашей благословенной земли». Выслушав повеление Коламбы, Диормит пришел в бухту и передал все подплывшему Лугайду. Став свидетелем суровых слов, несчастный грешник поклялся, что не сойдет на Ио вместе с другими паломниками, покуда не поговорит со святым человеком.

Диормит вернулся в монастырь и рассказал нашему отцу о своей встрече. Коламба отправился к

морю и, когда сопровождавший его Байтен, ссылаясь на некоторые слова Св. Писания, предложил принять покаяние пилигрима, преподобный произнес: «Байтен, этот пришелец совершил братоубийство, подобно Каину, и вступил в связь со своей родной матерью». Тем временем преступник сошел на берег и, преклонив колени, дал обет исполнить все, что требует закон покаяния по слову святого. Тогда Коламба сказал: «Если ты в слезах и стенаниях 12 лет будешь каяться среди бритонцев, и никогда, вплоть до самой смерти, не вернешься в Ирландию, может быть, Господь простит тебе грехи».

А затем, уже повернувшись к подошедшей братии, заключил: «Смотрите, вот человек – сын погибели. Он не выполнит обещанного, но вскоре поспешит в Ирландию, где его убьют враги».

Все случилось так, как и пророчил святой. Негодяй оказался на родине и в местечке, которое зовется Ле, был казнен. По родству он принадлежал внукам Туртре.

Про опрокинутую чернильницу

Однажды около острова Ио громко кричал какой-то человек. Св. Коламба тем временем сидел в келье за работой. Услышав голос незнакомца, он прервал дела и сказал: «Тот, кто поднял весь этот шум, похоже, не слишком учтивый гость. Сегодня он

появится здесь и опрокинет мою роговую чернильницу».

Диормит, келейник святого, запомнил слова настоятеля и встал около двери, ожидая появления неуклюжего паломника. Он хотел уберечь чернильницу, но что-то помешало ему оставаться на своем посту. Как предсказывалось, беспокойный посетитель прибыл и, бросившись к святому, чтобы его расцеловать, краем одежды опрокинул и разлил рожок с чернилами.

О бедном человеке, кричавшем у острова

Некий мирянин, приближаясь однажды к острову Ио, кричал так громко, что святой Коламба сказал братии: «Нужно пожалеть несчастного гостя. Он прибыл к нам за телесным исцелением, хотя сегодня ему больше необходимо духовное, через искреннее покаяние и молитву. Ибо в конце этой недели Господь призовет его в мир иной».

Монахи, слышавшие святого, пересказали все бедному человеку, когда тот добрался до обители. Но, не желая даже задуматься над словами преподобного, гость взял лекарство и тут же покинул Ио.

Как и пророчествовал св. Коламба, к концу недели мирянин, что кричал у острова, внезапно скончался.

Пророчество святого о римском городе, уничтоженном серным огнем

Молодой человек из семьи Моку-Мин, по имени Лугбе, направлялся к нашему отцу за какой-то надобностью. Заглянув в келию, он увидел святого, чье лицо в ту минуту словно пылало красным светом. Придя в смятение, Лугбе побежал прочь, но св. Коламба легкими хлопками ладоней позвал его обратно. Когда тот вернулся, отец спросил о причине столь быстрого бегства. «Я решил оставить тебя, – ответил юноша, – потому что сильно перепугался».

По прошествии некоторого времени Лугбе все же собрался задать вопрос св. Коламбе: «Отче, быть может, в тот час ты имел какое-нибудь страшное видение и оттого твое лицо переменилось?» «В далеком крае земли, – ответил благословенный отец, – совершилось неминуемое Воздаяние». «За что и в какой части света оно произошло?» «Сегодня серное пламя излилось с небес на город, что находится в римском владении, внутри границ Италии; почти три тысячи мужчин, не считая женщин и детей, погибли. Еще до конца этого года из гальской провинции придут моряки, и от них ты услышишь то же самое».

Спустя несколько месяцев пророчество святого полностью подтвердилось. Лугбе встретил гальских моряков, и они рассказали о погибшем городе и его жителях.

Видение святого отца о Лаисране, сыне Ферадаха

Одним холодным зимним днем, охваченный большой печалью, св. Коламба плакал в своем жилище. Его келейник Диормит задал вопрос о причине столь большой грусти и услышал в ответ: «Неслучайно, сынок, льются эти слезы. Я отчетливо сейчас вижу, как игумен Лаисран изнуряет моих монахов на строительстве большого дома. Они истощены и устали от тяжелого труда, но не смеют прекратить работу. Вот отчего моя печаль».

Удивительно, именно в это мгновение Лаисран, что жил очень далеко, а точнее, в «дубовой роще» (монастырь Дурроу, то есть в Ирландии. - Авт.), почувствовал, будто в его груди загорелся огонь. Он тотчас же велел монахам остановить все дела. После чего распорядился приготовить им сытную пищу и отдыхать не только до вечера, но и далее, пока не установится хорошая погода. А святой Коламба слыша, в духе, как Лаисран утешает уставших иноков, перестал плакать и рассказал Диормиту о случившемся, благословив игумена Лаисрана.

Пророчество о некоем Артбранане

Как-то несколько дней преподобный проводил на острове Ски (=Скай). Гуляя вместе с несколькими братьями вдоль морского берега, он вдруг оста-

новился и недалеко от воды воткнул свой посох со словами: «Дети мои, не удивляйтесь, но сегодня именно здесь будет крещен, умрет и будет предан земле один престарелый язычник. Этот человек прожил долгую жизнь, но остался добрым и праведным».

И вот, примерно через час, в соседнюю бухту зашел маленький корабль, на корме которого сидел ослабевший старец, глава племени Геона. Двое юношей осторожно перенесли его на берег и посадили перед св. Коламбой. Через переводчика наш отец говорил со старцем, и тот, искренне уверовав, принял святое крещение. Лишь только спасительное таинство завершилось, не сходя с того же места, старик скончался. Спутники погребли его тело и на свежей могиле сложили пирамиду из камней. Там и теперь можно увидеть это сооружение, которое местные жители называют «добур (=вода) Артбрана».

*Пророчество о священнике Финдхане,
основателе монастыря, что по-ирландски
называется Артхаин в земле Этх (=Тире)*

Священник Финдхан однажды привез с собой из Ирландии незнакомца, облаченного в рясу, по имени Ауг Черный. Этот Ауг был царской крови и собирался на несколько лет стать пилигримом в монастыре Финдхана. Кровожадный и жестокий Черный Ауг недавно убил сына Сербалла Диормита – ирландского короля.

Пробыв некоторое время смиренным паломником, Ауг изъявил желание принять священный сан. Пригласили епископа, но тот не осмелился возложить руку на голову преступника, прежде чем сам Финдхан (любовь которого к Аугу была земной) не совершит миропомазание странного гостя.

Когда о хиротонии (возведении в сан), произведенной таким образом (здесь, видимо, пропуск переписчика. – Авт.), сообщили святому Коламбе, тот произнес страшный приговор: «Правая рука, что, вопреки Закону Божию и церковным правилам, возложена Финдханом на голову сына погибели, скоро загниет, и после нестерпимых мук священник похоронит ее в землю. Ему предстоит прожить еще много лет, а вот Ауг, как пес, вернется к своей блевотине. Он вновь станет кровавым разбойником пока, наконец, пронзенный копьем, не упадет в воду и не утонет. Убийца короля Ирландии давно заслуживает такой участи».

Это пророчество святого сбылось в отношении обоих: загнившую руку Финдхан закопал на острове Оммон, и жизнь его длилась долго, а священник лишь по названию, Ауг Черный, обратившийся к своим прежним злодеяниям, был ранен и, свалившись с корабля в озеро, погиб.

О духовном утешении, которое святой послал трудившимся монахам

Кроме всех памятных пророческих откровений, о которых шла речь, уместным будет здесь поместить рассказ про замечательное духовное утешение, которое получили наши монахи однажды в пути, повстречав дух святого Коламбы.

Как-то вечером, возвращаясь после сбора урожая в монастырь, и уже дойдя до места, по-ирландски называемого Куул-Эилне (считается, что оно располагается посередине между западной долиной Ио и благословенной обителью), братья, каждый сам по себе, почувствовали нечто чудесное и необычное, но не отважились рассказать об этом друг другу. В течение нескольких дней в том же месте и в тот же вечерний час они переживали схожее ощущение. Старшим над иноками был поставлен тогда св. Байтен. И вот однажды он сказал: «Послушайте, братья, нужно признать, что каждый из нас на полпути от поля в монастырь начинает чувствовать что-то совершенно удивительное». Один почтенный монах ответил ему: «Действительно, все последнее время, да и сейчас, стоит нам здесь оказаться, я начинаю обонять восхитительно сладкий запах множества цветов, словно собранных воедино. Потом мое тело наполняется теплом, жаром, который не обжигает, хотя и силен, а еще вдохновенная радость

поселяется в сердце. Она оживляет меня и веселит так, что я забываю всю печаль и усталость. Груз за плечами, сколь тяжелым ни был, вдруг теряет вес (как я не знаю), и с этого места до самого монастыря я не чувствую ноши».

Что еще говорить?! Все сборщики урожая признались в совершенно схожих впечатлениях и чувствах. Как один, они склонили головы, опустили на колени и стали просить св. Байтена объяснить им, невеждам, причину и происхождение такого чудесного утешения. Байтен сказал следующее: «Вы знаете, что наш дорогой отец Коламба всегда волнуется за своих детей, печалится, если мы подолгу задерживаемся. Он не выходит встретить нас телесно, но его дух спешит к нам навстречу, освежает и радует тружеников Христовых». Слыша эти слова, иноки простерли руки к Небесам и, ликуя, благодарили Спасителя, даровавшего Свою милость в праведном игумене Коламбе.

Вот что еще нельзя обойти молчанием. Нам про то рассказано людьми, знавшими наверняка истинный ход событий. Речь идет о голосе святого человека при пении псалмов. Когда в храме совершалась служба и Коламба с братьями славил Господа, то голос преподобного возвышался несравненным образом и был слышен на отдалении четырех стадий, т.е. пятисот шагов, а иногда даже и восьми стадий, значит, тысячи шагов. Удивительно, но те, кто

стоял в церкви, не замечали ничего необычного. В то же время, находившиеся за тысячу шагов, слышали так ясно, что могли различить каждый слог пения. Это чудо происходило не каждый раз, но по особой милости Духа Божиего.

И следует добавить следующее. Проявление этого несравненного голоса однажды случилось за крепостью короля Бруда. Наш отец вместе со своими спутниками, во время проповеди среди народа пиктов, остановился неподалеку от королевской крепости. По обычаю, иноки начали псалмопение, но к вечеру неожиданно пожаловали Волшебники, желавшие помешать молитвам. Магической силой они пытались устроить так, чтобы Божественные гимны не достигали языческих стен. Распознав коварные намерения, святой Коламба запел сорок четвертый псалом, и в тот же миг его голос прогремел в воздухе, словно страшный раскат грома, так что сам король и его люди исполнились великого страха.

О богатом человеке, которого звали Лукуидом Хромым

Однажды святой несколько дней был в Ирландии. Находясь в долине Брега, он увидел некоего клирика, который с очень самодовольным видом проезжал мимо на колеснице. «Кто это?» - спросил Коламба у своих спутников. «Его зовут Лукуид Хромым, он

состоятельный и почтенный человек», - так ответили нашему отцу. Но преподобный возразил: «Мне совсем иначе представляется этот клирик. В день, когда смерть придет за беднягой, случится следующее. На его землю забредут три чужие коровы. Он не вернет их соседям, а прикажет забить одно из животных и приготовить ужин. Когда мясо сварят и принесут к ложу, где он будет возлежать с падшей женщиной, все закончится: Лукуид набьет рот пищей и, подавившись большим куском, умрет».

Как свидетельствовали знающие люди, пророчество святого в точности исполнилось.

Пророчество святого об одном священнике

Во время очередного посещения Ирландии наш отец оказался в монастыре, называемом по-ирландски Триот (=Тревог). В тот день некий священник совершал Божественную Евхаристию. Братия, считая, что он человек глубоко религиозный, избрали его для тайнодействия. Войдя в храм, святой Коламба сказал молящимся: «Вот мы видим, как чистое смешалось с нечистым: святая жертва приносится осквернившимся человеком. Нераскаявшийся грешник дерзает стоять у престола». Монахи, собравшиеся в церкви, от испуга оцепенели, а тот, к кому относились эти слова, был вынужден исповедоваться перед всеми в своем преступлении.

Услышав раскаяние священника, братия дивилась и славила Божественное предвидение святого Коламбы.

Пророчество о Воре Эрке, Моку-Друиди, жившем на острове Колосс (=Колл)

В другой раз, когда святой человек жил на Ио, в один из дней он призвал к себе рано утром иноков Лугбе и Силнана. «Переплывите пролив, – распорядился Коламба, – и там, на острове Малл, в маленькой долине около моря, вы отыщете некоего Эрка. Он Вор и старается прятаться среди песчаных холмов. Днем его можно найти под перевернутой лодкой, что хитро прикрывается травой. Ночью разбойник собирается переправиться на островок, где мы разводим тюленей, убить животных и вернуться в свое убежище».

Выслушав святого, братия переправилась на Малл, обнаружила Эрка и доставила преступника в монастырь. Святой вышел к пойманному со словами: «Почему, человек, нарушая заповедь Божию, ты все время крадешь то, что принадлежит другим людям? Если у тебя есть нужда, – приходи к нам в обитель и получишь помощь».

Затем Коламба благословил забить двух овец и отдать их Эрку, чтобы несчастный Вор не вернулся домой с пустыми руками.

Спустя несколько лет, предвидя скорую смерть этого человека, наш отец повелел отправить посыльного к Байтену, который тогда был настоятелем в долине Лонг. Он просил Байтена доставить Эрку жирное животное и десять мер зерна в качестве последнего дара. Просьба была исполнена, но в тот день, когда все привезли, бывший Вор неожиданно скончался. Так что подарки пригодились уже на похоронах.

Пророчество святого о поэте Кронане

Как-то святой Коламба вместе с братьями расположился на берегу озера Сеи (=Лох Кей) около устья реки, по-латыни называемой «бык» (=Бойле), и к ним подошел некий человек, оказавшийся поэтом из Ирландии. Его звали Кронан. После непродолжительной беседы с нашим отцом Кронан удалился, и монахи спросили святого: «Отче, почему, когда этот филиг решил нас покинуть, ты, вопреки обычаю, не попросил его спеть песню собственного сочинения? «Как же я могу, – ответил Коламба, – просить стихи у несчастного, который уже убит жестокими врагами?»

И, как только он произнес эти слова, с другого берега реки какой-то неизвестный закричал: «Тот поэт, что недавно покинул вас, теперь мертв. Его убили разбойники».

Все слышавшие смутились и с удивлением смотрели друг на друга.

О епископе Кронане

В другой раз на Ио оказался чужестранец из провинции людей Муму. Он скромно держался вдали от монахов, и никто не знал о его епископском сане. Только святой отец сразу понял, что за гость посетил их обитель.

В ближайший Воскресный день он попросил паломника приготовить Божественную Евхаристию,

и тогда чужестранец пригласил Коламбу себе в сослужение, чтобы как два пресвитера они могли преломить Хлеб Господень. Когда пришло время Святого Причастия, Коламба остановился около Престола и, посмотрев на гостя, сказал: «Благослови тебя Христос, брат. Теперь преломи Хлеб один, как и подобает епископу. Отчего ты пытался скрыть свое пастьрское первенство и мы не могли оказать тебе полагающееся почтение?»

Услышав слова преподобного, скромный пилигрим очень удивился, почитая Христа во святом муже. А все бывшие там восхищались, славя Господа.

Пророчество о священнике Эрнане

Своего родного дядю, уже пожилого пресвитера Эрнана, святой Коламба решил отправить настоятелем монастыря на остров Хинба. Много лет назад он сам основал эту обитель. При расставании наш отец поцеловал Эрнана, благословил и произнес такое пророчество: «Друг, отплывающий сегодня, уже верно не предстанет живым предо мною в этом мире».

Минуло совсем немного времени как священник вдруг заболел, и его повезли обратно на Ио. Возвращению дяди святой очень обрадовался, так что поспешил встретить его в гавани. Эрнан, хотя и сильно ослабевший, на своих ногах вышел из коракла навстречу Коламбе. Когда же их разделяло не более 24 шагов, он внезапно умер, упав на землю прежде,

чем святой смог взглянуть в его живое лицо. Так что ни одно слово нашего отца не оказывалось напрасным. Потом на этом месте водрузили крест, который стоит и сегодня.

О журавле, прилетевшем из Ирландии

Одним утром, когда святой жил на Ио, он призвал к себе некоего инока и дал ему поручение: «На третий день от теперешнего рассвета, ты станешь сидеть на морском берегу, наблюдая за западной частью нашего острова. После девятого часа с севера Ирландии придет гость – измученный ветрами журавль. Его силы истощены, и он упадет на берег. Ты должен будешь осторожно поднять птицу, отнести в домик неподалеку, а затем в течение трех дней и ночей кормить и ухаживать за ослабевшим пилигримом. По прошествии необходимого времени журавль отдохнет и соберется в милую Ирландию, откуда прибыл. Я так серьезно наставляю тебя, поскольку птица из мест наших отцов».

Брат отправился исполнять послушание Коламбы. На третий день он ожидал появления гостя. Когда журавль прилетел, монах бережно взял изнуренного путешественника и отнес в жилище. Там инок накормил птицу, а сам вечером возвратился в монастырь. Встретив собрата, св. Коламба сказал: «Благослови тебя Бог, сынок, ибо ты хорошо обошелся с нашим посетителем. Он не останется здесь и скоро вернется домой».

Все исполнилось в точности, по словам святого. На третий день журавль на глазах своего попечителя поднялся с земли, затем взлетел ввысь, некоторое время искал путь среди воздушных потоков и, оказавшись над просторами Океана, при тихой погоде полетел назад в Ирландию.

Предвидение святого о битве в крепости Сетерн и об источнике

Возвращаясь в долины морского побережья с горного края Сете, где происходила встреча королей Аида, сына Аинмура, и Айдана, сына Габрана, святой Коламба решил отдохнуть невдалеке от крепости Сетерн. В том пути его сопровождал игумен Комгелл. Так вот, святые остановились, для омовения рук им в бронзовой чаше принесли воду из ближайшего источника. Коламба принял сосуд и сказал сидящему рядом спутнику: «Комгелл, придет день, когда нельзя станет черпать воду из этого источника, она будет непригодной». «Но как, – спросил Комгелл, – может испортиться вода, бьющая из-под земли?» Святой ответил: «Человеческая кровь однажды прольется сюда. Мои друзья по родству и твоя родня по плоти (т.е. потомки Уи Нейла и народы Крутена) начнут враждовать, а около крепости Сетерн состоится большое сражение. Один из моих родственников погибнет, и его кровь наполнит источник».

По прошествии нескольких лет то, о чем говорил святой, в точности произошло. Аид, сын Домналла, тогда одержал победу, а в воде нашли убитого родственника Коламбы.

Воин Христа, по имени Финан, долгое время живший в затворе около «дубовой рожи» (=Дурроу), описал мне, Адамнану, некоторые события того сражения. Он сам видел обезображенное тело в упомянутом месте. А когда в тот же день Финан возвращался в монастырь св. Комгелла, который по-ирландски называется Камбас, то встретил двух пожилых монахов. Он им рассказал о воде, испорченной человеческой кровью, на что иноки воскликнули: «Истинным пророком был св. Коламба. Мы слышали, как он предсказывал все, о чем ты говоришь, много лет назад, когда со св. Комгеллом отдыхал близ крепости Сетерн».

О различии между дарами, что были принесены святому

В то же самое время Коналл, епископ Кул-ратина (Колераина), собрал с народа Эйлене бесчисленные дары и подготавил нашему отцу особую келию. Коламба возвращался со встречи упомянутых королей, и, когда прибыл, пожертвования разложили во дворе монастыря для благословения. Осеня крестным знаменем и разглядывая приношения, святой указал на дар богатого человека и произнес: «Пусть Божия милость пребудет с христианином, который столь щедр к бедным братьям».

Затем преподобный указал на другое пожертвование со словами: «К сожалению, я не могу принять то, что доставлено мудрым, но жадным мирянином. Ему необходимо чистосердечно раскаяться в своих грехах и прежде всего в безмерной скупости». По толпе собравшихся быстро разнесся слух о пророчестве святого, и, услышавший суровое наставление, сын Аида Куламб тотчас подбежал к нашему отцу. Устыдившийся, он упал на колени, принес искреннее покаяние, обещав, что впредь не будет жадным, а переменит сердце на щедрость и доброту. Святой поднял Коламба, и с тех пор этот человек исцелился от прежнего порока, ибо он был мудрецом, как открылось нашему игумену через пророческий дар.

А благородный паломник, по имени Бренген, о чьем приношении речь шла выше, тоже слышал слова

святого о себе. Приблизившись к преподобному, он стал просить его молитв пред Господом. Коламба сперва сделал Бренгену порицание за его грехи, и тот заверил святого в своем желании исправиться. Так что каждый был исцелен от своих недостатков.

В другой раз наш настоятель распознал среди пожертвований, принесенных в церковь Диатриб, дар алчного мирянина по имени Диормит. Пусть будет достаточно того, что написано на страницах этой первой книги о пророческой силе святого, хотя это лишь часть от общего числа. Многие сокрыто навсегда и не может стать достоянием людской молвы. Как из трещин кувшина, наполненного молодым, бродящим вином, иногда вытекают лишь капли, так и мы только кое-что сподобляемся узнать о происшедших чудесах. Ибо святые и апостольские мужи, удаляющиеся от тщетной славы, очень часто старались скрыть сокровенные тайны, которые доверял им Господь. Но, хотя бы они того или нет, Бог, в той или иной мере, по Своему Промыслу, делает тайное явным, желая прославить святых, хвалящих Его, Которому слава во веки веков.

ГЛАВА I. СТРАЖ СТА ЦЕРКВЕЙ

*Он родился под Гартаном.
Его нянчили в Цилл-ник-Неоше.
Сын доброты был крещен
в Тулах Дубхглейзе Господу Богу
(св. Мура, IX в.)*

«В одну из ночей приемный отец благословенного младенца, добрый священник Круитнехан, Возвращаясь после службы к себе домой, увидел, что его жилище все залито ярким светом. Над тем местом, где спал ребенок, стояло чудесное свечение. Пораженный таким зрелищем, Круитнехан в сильном смятении преклонился к земле и лишь тогда понял, что благодать Св. Духа снизошла с неба на его приемного сына».

(Агамнан. «Житие св. Коламбы»)

Когда принимаешься писать о событиях, свидетелем которых тебе быть не пришлось, про героев, с которыми никогда не встречался, и временах особенно отдаленных, то попадаешь в некоторую зависимость от чужих идей, комментариев и цитат. В культуре, подобно нашей, где не упускается возможность низвергнуть авторитет людей уже умерших (тем паче живущих), поставить критический, негативный диагноз минувшей эпохе, трудно понимать подход, когда репутацию скорее укрепляют, нежели наоборот. Учебники истории имеют свою задачу: изложить ход происшедших событий и оправдать современное положение вещей. От этого многие из них безумно скучны. Я хочу рассказать

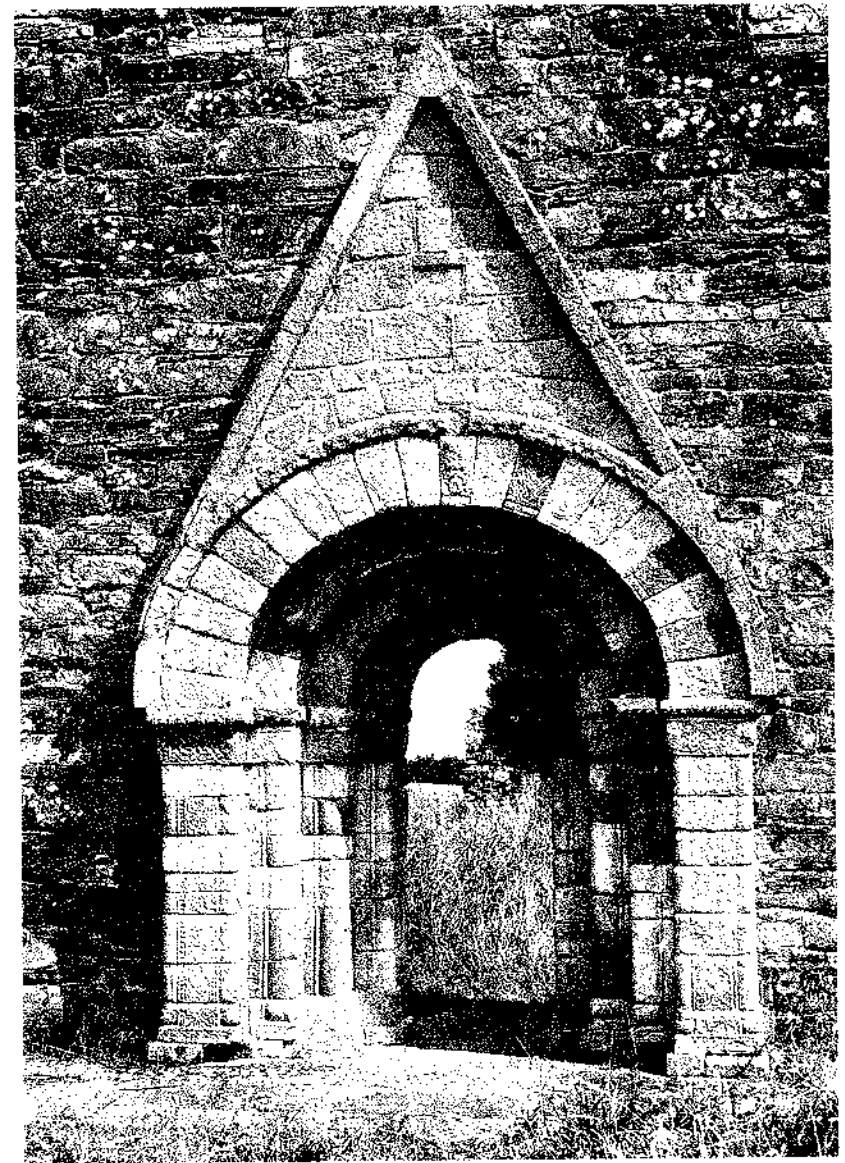
о том, какой мне представляется история «золотого века кельтской святости», и пытаюсь оценить ее роль в духовных и политических судьбах европейского Северо-Запада.

Исчезли древнеирландские монастыри, под чьими руинами погребены бесценные манускрипты, засыпаны чудесные колодцы, пересохли источники, собиравшие тысячи паломников. Нам осталось любоваться высокими кельтскими крестами, бродить между скал неизменных северных островов и читать сохранившиеся повести о легендарных святых подвижниках Вселенской Церкви, одним из которых был наш герой – Просветитель Шотландии Коламба, игумен Айонский. О преподобном говорили, что «он как историческая личность выделяется на фоне своих соратников по святости так, что последние словно тени движутся в стране сумерек»¹. Само по себе понятие «Кельтская Церковь» или шире, «кельтское христианство», совершенно неотделимо от «века святых». Приблизительная хронология говорит, что последний начался в первой половине пятого столетия с прибытия в Ирландию св. Патрика, продолжался до середины VII в. и нашел свое завершение к 651 г. вместе с кончиной св. Айдана Линдисфарнского. Подобное исчисление, конечно, условно, но именно на означенные годы пришелся расцвет кельтской святости Британских островов. Величайшие подвижники неразделенной Вселенской Церкви, любившие и знавшие православный Восток, соединили миссионерское рвение, духовную культуру и простую евангельскую веру в исключительных пропорциях. Святые Сиаран из Клонмакнойза,

¹ См.: Bradley. Celtic Christianity. NY., 1999.

Финдбар из Корка, Кевин из Глендалока, Бригита Килдарская, Брендан Клонфертский, Колумбан Младший, Давид Уэльский, Коламба Айонский и еще сотни других Богом прославленных людей создавали свой уникальный христианский мир. Тем, что сейчас принято мыслить в подобных категориях, мы во многом обязаны писателям и художникам, трудившимся гораздо позже этого периода. В свою очередь, для родившихся в раннее средневековье сообщество святых было живой реальностью, а не просто назидательным фактом. Святые присутствовали, действовали. Разделение между прошлым и настоящим оказывалось размытым. Этот мир отделяла от другого лишь тонкая пелена. Жития можно даже считать «видом религиозного романтизма». Они писались и для того, чтобы учить нравственности, давать образцы, привлекать паломников, и для поддержания престижа конкретной парухии,² то есть с целью обеспечения связи духовного наследия святого с наследием земным, монастырским, относящимся к его имени. Агиографический текст нес в себе закодированное сообщение о среде, где его составили и восприняли. Он говорил изнутри общины. Распознать такую информацию среди чудес, видений и мелких деталей повествования, значит вскрыть цели и устремления определенной монастырской «семьи» в конкретный период ее истории. Но при этом нельзя упускать из виду, что житийное сочинение является сознательной литературной композицией, а не только хранилищем свидетельств для историка и археолога. Святые исцеляли больных, вершили справедливость, владели собственностью,

² Парухия (parochia) – монастырская федерация нескольких церквей во главе с одним аббатом. Противовес континентальным епископским диоцезам – епархиям.

Глендалоу. Монастырь св. Кевина. VI в.

принадлежали к известным фамилиям, пророчествовали. Агиография же давала призму, через которую христианский читатель, чаще слушатель, смотрел на драгоценные реликвии, она толковала их, но сам литературный жанр никогда не мог избрести присутствие святых покровителей.

Чем Британские острова, а Ирландия в особенности, отличались от континента, так это степенью прославления и количеством преподобных мужей и жен. (Святители, мученики – кельтским святым известны в ограниченном числе.) Европейская агиография, вообще, развивалась медленно и несколько неровно. На ее становление сильное влияние оказали Сульпиций Север, автор повествований о св. Мартине Турском (IV в.), а также переводы с греческого – «Житие св. Антония» Афанасия Александрийского, «Лавсаик» Палладия, «Луг» Иоанна Мосха (VII в.) – и некоторые другие тексты. В целом, Римская Церковь относилась подозрительно к распространению литературы подобного рода (декреты пап Дамаса 380 г., Геласия 496 г., Франкфуртский капитулярный 794 г.) и вплоть до IX в. просто не имела никаких параллелей к ирландской Мартирологии Таллагха (Martyrology of Tallaght, 800 г.), где подробно представлены имена множества национальных святых Ибернии. Безымянный ирландский поэт девятого столетия иронично замечает:

Отправиться в Рим –

Проку мало, а муки много.

Учителя, что ты ищешь в Риме,

Дома найдешь, или ищешь напрасно.³

(перев. с англ. Ю. Варзоница)

³A little Book of Celtic wisdom. Belfast, 1995.

Да и православный Восток, откуда кельты восприняли основы агиографического творчества через знакомство с произведениями Афанасия, Кирилла Скифопольского и прочих писателей, только к концу VIII в. (на фоне иконоборческих дискуссий) создал богатый корпус житийных рассказов. Так что можно считать ирландскую литературу о раннесредневековых святых явлением не только ярким, но и во многом уникальным.

Теперь, вернувшись к главному герою этой книги, мы встречаемся с некоторым количеством затруднений. Жизнь св. Коламбы можно разделить на две части: до и после оставления преподобным родины. С большим трудом представляется возможность восполнить существующий пробел в нашем знании о его первых сорока двух годах, проведенных на ирландской земле, и разобраться в интригующих обстоятельствах отъезда святого к британскому берегу. Биографическое замечание Адамнана во втором предисловии «Жития» сообщает, что Коламба отправился в Альбу спустя два года после сражения при Кул Дребне в возрасте сорока двух лет и оставшиеся тридцать четыре года провел там как «странник Христа ради». Серьезных оснований для сомнения и точности хронологии айонской общины нет, а поскольку «Житие», анналы и традиция календаря называют 9 июня 597 г. датой его кончины, прибытие в Британию приходится на 563 г. В «Церковной истории народа англвов» св. Беда Достопочтенный, несколько изменив последнюю временную границу, пишет: «В год воплощения Господа 565-й, когда Римской империей после Юстиниана начал править Юстин Младший, из Скоттии в Британию явился священник и игумен по имени Коламба, живший подлинно монашеской жизнью. Он возвестил

Слово Божие провинциям северных пиктов, которые отделены от южных крутыми и обрывистыми горами... Коламба прибыл в Британию, когда пиктами уже девятый год правил могущественный король Бриди, сын Мелхона. Словом и собственным примером он обратил их в веру Христову и получил от них упомянутый остров (Ии = Айона) для устройства там монастыря. Остров этот невелик и занимает всего пять фамилий, по измерению англов. Преемники Коламбы владеют им и до сего дня, и он сам был похоронен там в возрасте 77 лет, через 32 года после того, как пришел проповедовать в Британию. До того он основал в Ибернии славный монастырь, называемый на языке скоттов Дермах, имя это переводится как «поле дубов» и происходит от обилия дубов в том месте. Ученики его из обеих монастырей основали множество обителей в Британии и Ибернии, но над всеми ими первенствует та, где покоится его тело» (Книга 3. Гл. 4)⁴.

Суммируя различные источники, прежде всего «Житие Адамнана» и «Житие» XII в., написанное по-ирландски (ВСС – 1100) – о нем подробнее ниже, а также предания, легенды, сообщаемые некоторыми авторами, я постарался заполнить упомянутый пробел.

Итак, 7 декабря 520 г. в местечке Гартан северо-западной ирландской провинции Донегал родился мальчик, которого назвали Кримтханн (Crimthann), что означает «лисица». При крещении, совершенном над младенцем, священник или даже епископ Круйтнехан, сын Селлаха, нарек его Колум Килле (Colm Cille). Отцом ребенка был Федлимид, сын Ферга, сына Коналла

⁴Здесь и далее цит. по: Св. Беда. Церковная история народа англов. С-Пб., 2001. С. 76–77.

Гулбана, сына короля Ниалла Нойгиаллаха (Ниала Девяти Заложников). Мать, по имени Этна, принадлежала к династии королей Лейнстера (юго-восточная провинция). Судя по всему, новорожденный являлся наследным принцем и мог оспаривать первенство Верховного короля Ирландии.

Для дальнейшего повествования следует сделать небольшое отступление историографического свойства. Во времена, о которых идет речь, в Ирландии доминировал целый ряд мощнейших династий, большинство из которых сложились в годы гибели Римской империи и переселения народов. Воинственные ирландские князья, пользуясь европейским кризисом, собирали отряды соплеменников и вторгались на западное побережье соседней Британии. Устроенные ими колонии зафиксировали следы этих завоеваний в массе топонимов и надписях, сделанных ирландским наречием гэльского на мегалитических камнях в Конуолле, Уэльсе, Шотландии и острове Мэн. Одни уходили в рискованные рейды, но кто-то оставался и пытался заняться переделом политического порядка на родине. Возвращавшимся результаты такой ревизии подчас казались сомнительными, и они, закаленные походами, активно вмешивались в домашние дела. Семья св. Коламбы принадлежала к одной из таких династий – Уи Нейллов («потомки Нейлла»), и хотя она к началу V в. разделилась на различные ветви, тем не менее занимала часть северной и центральной Ирландии. Весь Уи Нейлл восходил к Ниаллу Девяти Заложников, которого традиция изображает одновременно покровителем поэтов и отважным флибустьером, сражающимся у британского побережья.

Наследником Ниалла в Таре стал его сын Лоэгайре, тот

самый правитель, с которым вел дискуссии св. Патрик. Тара (Temaigr) считалась центром ирландской монархии. Это древнейшее докельтское (IV – III вв. до н.э.) культовое место в долине Бойне имело сакральное значение, а его наместник пользовался «правом чести и первенства»⁵. Дети Лоэгайре разделили сферы влияния: на севере задержались Еоган и Коналл, основавшие королевство Айлех, на юге – потомки Кримтана, третьего сына. Первые известны как «северные Уи Нейллы», вторые, считавшие Тару своей столицей, как «южные». С 506 года между двумя Северными ветвями шла борьба за власть в Айлехе, пока в 734 г. род Еогана (Cénel Eugain) не одержал победу над родом Коналла (Cénel Conaill). Одной из частей королевства Айлех было небольшое княжество Дал Риата, располагавшееся на самом севере гр. Антрим (совр. Ольстер). Ее правители считали себя потомками «эринов» – докельтского народа. С Дал Риатой будет связана судьба св. Коламбы во второй половине его жизни. Первая представляет самостоятельный интерес.

Ранние годы, согласно как латинским, так и ирландским источникам, преподобный провел в доме крестившего его священника Круйтнехана. По бытовавшему тогда (довольно мудрому) обычаю, детей часто отдавали приемным родителям, как правило, дальним родственникам, а с принятием Ирландией

⁵ В «Житии св. Патрика» Муирчи (IX в.) изображает Тару как языческий город, а Патрика как ветхозаветного пророка, побивающего идолов и друидов-жрецов. После христианизации Ирландии значение Тары не умаляется. Адамнан писал о короле южного Уи Нейлла, умершем в 565 г., как о «Божией волею властителе Ирландии». Однако этот великолепный титул до X в. не имел отношения к политической реальности, так как ни кто не мог собрать достаточной силы для правления над всем Островом.

христианства – в специальные монастырские школы. Считалось, что ребенок, вырастая среди соплеменного окружения, быстрее становится активным членом не только одной конкретной семьи, но и всего рода (клана), то есть проникается устремлениями общины, Церкви. Для наследников благородных фамилий исключений тем более не делалось. Будущие правители должны были представлять, чем и как живут их потенциальные подданные.

Повзрослев, св. Коламба отправился учиться в Мовилл, где наставник многих кельтских миссионеров св. Финниан основал свой монастырь. В Мовилле юноша принял диаконский сан и, по словам Адамнана, находился в послушании у св. Финдбарра. Затем Коламба оказывается в Лейнстере у св. Геммана (Геммана) за изучением Св. Писания и постижением мастерства переписчика книг. Из Лейнстера его дорога лежит в другую известнейшую обитель Клонард – под руководство второго св. Финниана. Здесь Коламбу рукополагают во священники.

Ирландские предания рассказывают, что каждый из клонардских монахов имел благословение молоть на общинной мельнице муку, но за Коламбу эту работу выполнял Ангел Господень, ввиду знатного происхождения святого. А игумен Финниан однажды получил чудесное видение: от Клонарда возшло две луны – золотая и серебряная. Золотая пошла на север острова, освещая Ирландию и Шотландию. Серебряная поднималась, пока не достигла Шеннона, пролив свет на центральную часть страны. Св. Финниан понял, что «первая предвещала мудрость Коламбы и милость его знатной семьи, а вторая имела отношение к монастырю св. Сиарана в Клонмакнойзе, его многочисленным добродетелям и благим делам».

Тяга ли к путешествиям, желание ли познать что-то новое или все это вместе взятое подвигли Коламбу оставить Клонард и отправиться дальше, теперь к преподобному Мобби Клайрному в Глазенвин. Некоторое время он оставался там, но после кончины Мобби решил основать собственную обитель. В 546 году св. Коламба строит свой первый «любимый монастырь» Дерри⁶.

Ирландская поэма XII в. приписывает святому такие строки:

Была бы вся Альба моей –
от центра до самых границ,
я бы все равно хотел иметь дом
в самом сердце прекрасного Дерри.
Вот за что я люблю Дерри –
за покой и его чистоту
и за сонмы белых ангелов
от края до края.

(пер. с англ. Ю. Варзонина)

Находясь в Дерри, Коламба размышлял о возможности паломничества в Иерусалим и Рим, но в конце концов он отправился в Тур (Адамнан про это умалчивает), где поклонился мощам св. Мартина. Причем не просто воздал должное почитаемому кельтами святому епископу, но и доставил в Ирландию «Евангелие, сто лет пролежавшее в земле на груди св. Мартина».

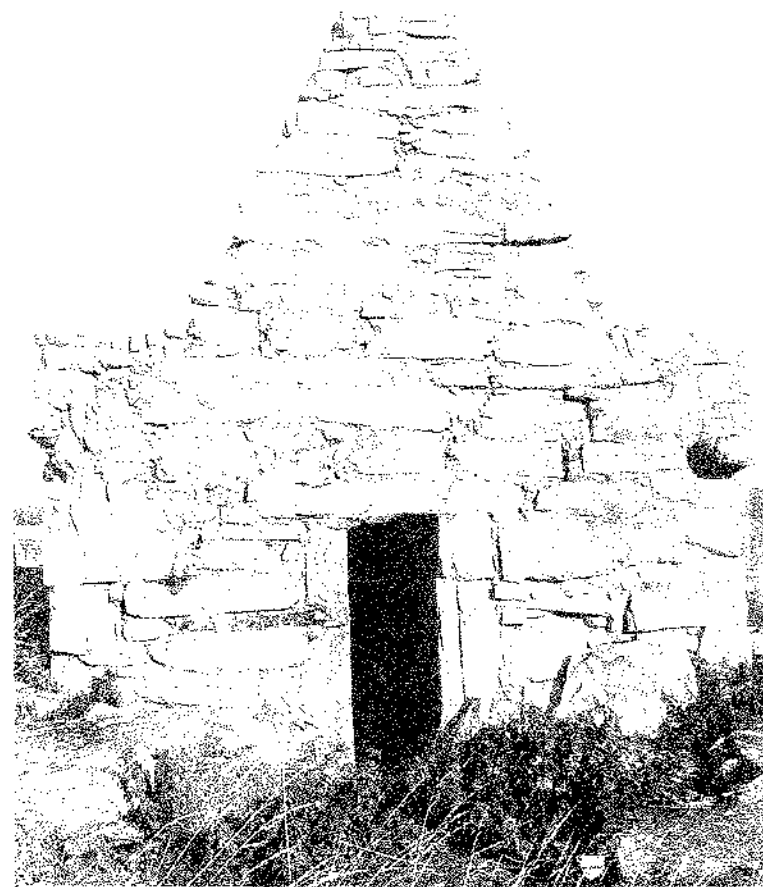
Множество чудес произошло в новом монастыре. Однажды Коламба послал монахов рубить деревья для строительства но-

⁶В «Житии» Адамнана Дерри часто называется «дубовой рощей», а Дурроу – «полем дубов». Некоторые комментаторы предполагают, что Коламба строил свои обители в местах языческих поклонений (друиды поклонялись дубу).

вой церкви. Лес валили на земле одного воина, жившего по соседству. Тот рассердился на братию, не спросившую разрешения. Когда преподобный узнал о гневе хозяина, то сказал своим людям: «Возьмите ячмень на стоимость леса, отдайте тому человеку, и пусть он посевт семена». В то время наступила середина лета, но воин согласился выполнить благословение святого, и ко сроку обычного сбора урожая ячмень вырос и вызрел.

Около десяти лет Коламба провел в Дерри. Обитель окрепла, и святой решил посетить короля Теффи. Монарх из коламбовской родни пожаловал ему место, называемое Дурроу, где в 556 г. был возведен храм и кельи для новых монахов. Предания также рассказывают о путешествии преподобного в Монастербойз, закладке города в долине реки Шеннон и приводят впечатляющие цифры: «Огромное количество церквей хранят память о благословенном человеке, огромное количество книг написано им – всего 300 церквей и 300 книг». Даже если здесь имеет место некоторое преувеличение, неоспоримым остается одно: Коламба был человеком действия.

Мир, в котором ему приходилось совершать свое служение священника и принца, по нашим меркам, управлялся военными. Подобно чуме, засухе, эпидемиям, постоянная угроза – разбой. «Житие» рассказывает о насилии и жестокостях той эпохи: на глазах у святого копьем убивают женщину, княжеский потомок грабит дом бедного человека, другой нападает на самого Коламбу. Тем не менее высоко ценились семейные связи, права наследования, и знать, опиравшаяся на силу оружия, все-таки придерживалась представлений о благородстве, гостеприимстве и покровительстве. Это был культурный мир, по крайней мере

Лейнстер. Ирландия. XI в.

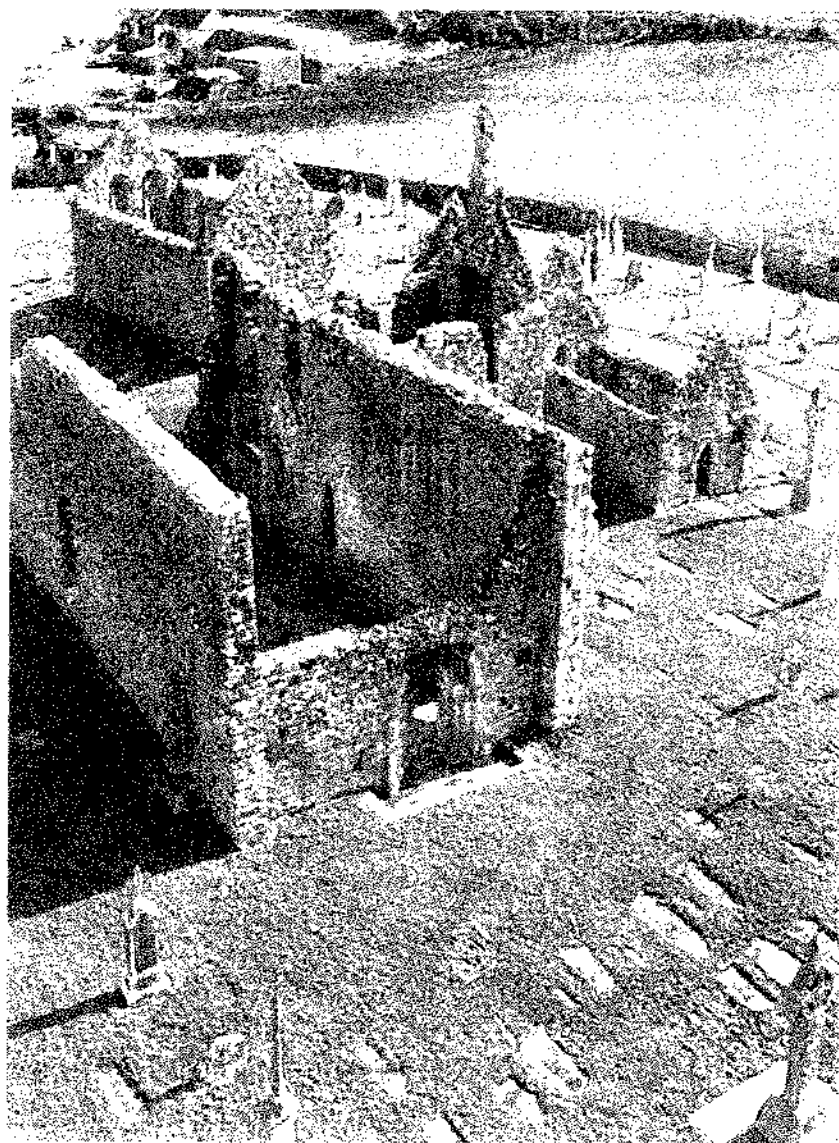
Ирландия, имевшая почти универсальную правовую систему, в VI–VIII вв. являла континентальным странам пример того, как сложноорганизованное общество может быть восприимчивым к закону и зависеть от сохранения семейных ценностей. Когда закон нарушался, общество не бездействовало, но давало свой ответ, исходя из представлений, на первый взгляд, даже парадоксальных. История, приведенная ниже, тому свидетельство.

В «Предисловии» Адамнан пишет, что святой отплыл к Британскому берегу «на второй год после битвы при Кул Дребне». Хронологическая последовательность между сражением и началом странствий преподобного наводила многих исследователей на мысль о возможной связи между двумя этими событиями.

Средневековая ирландская легенда (у Адамнана ее нет) рассказывает, что св. Финниан, у которого учился Коламба в Мовилле, привез из Рима ценную копию Псалтири. Книгу торжественно поместили на престол монастырского храма, где однажды ее и увидел святой. Манускрипт настолько потряс Коламбу своей изысканностью и красотой, что он пришел к Финниану с просьбой сделать с Псалтири копию. Финниан отказал, но желание было очень сильным, и Коламба решил ночью тайно проникнуть в храм. Ему удалось переписать книгу, о чем сообщили настоятелю. Разгневанный Финниан потребовал вернуть копию. Коламба с возмущением отказался отдать список. Тогда Финниан обратился с жалобой к Диармиту, Верховному королю Ирландии. Правитель встал на защиту «авторских прав», рассудив так: «Для каждой коровы – свой теленок; для каждой книги – ее копия». Коламбу обязали доставить нелегальную рукопись Финниану. Вдобавок к и без того накаленной ситуации сын князя Коннахта

убил в Таре некоего человека из свиты Диармита, после чего сбежал к своему дальнему родственнику, которым оказался Коламба. Юноша рассчитывал на покровительство святого и прятался в одной из его церквей. Но королевские солдаты выследили преступника и казнили. Теперь Коламба рассердился окончательно. Верховный король дважды оскорбил потомка Ниалла. Учитывая высокое происхождение и вспыльчивый характер преподобного, о примирении речи не могло быть. Коламба спешно собирает войско, готовится к битве. Ночью он постится и молится Господу о даровании победы. Наконец, под утро в чудесном видении к нему приходит Архангел Михаил, чтобы сообщить: молитва услышана, отряды святого сокрушат противника, но в наказание за столь недостойный повод обращения к Богу, сам Коламба навсегда отправится в изгнание. Следующим днем у подножия горы Бен Булбен, неподалеку от коламбовского монастыря Дройм Хлиабх, войско святого, возглавляемое его родней О'Донеллами, разгромило короля Диармита. Три тысячи человек погибло на том поле. Ирландская Церковь ужаснулась кровопролитию и на Соборе 561 г. в Таилтиу постановила удалить Коламбу в наказание с «Зеленого острова». Причем святой должен был не просто странствовать, но «привести ко Христу три тысячи душ взамен убитых».

Согласно ирландским анналам, король Тары Диармит (Diarmid) мак Сербаилл, действительно, потерпел крупное поражение от альянса северных Уи Нейлов, среди которых находились дядя и первый кузен святого. Вопрос о причастности самого Коламбы к битве остается у историков предметом дебатов. Конечно, человек знатного происхождения, пусть даже и обла-

*Группа памятников Клонмакнойза.
Монастырь св. Сиарана. VI в.*

ченный в монашескую рясу, вполне мог иметь прямое отношение к политике своей династии. Но для столь стремительной мобилизации военных отрядов в Ирландии, лишенной тогда не только городов, но и приличных дорог, церковного авторитета и каллиграфических навыков явно недостаточно⁷.

Всего сто лет прошло после смерти св. Патрика, и каким бы глубоким и динамичным ни казалось принятие кельтами христианства, они все равно жили по законам «гражданского общества». Поскольку Церковь «Зеленого острова», в отличие от римской, не имела и не стремилась иметь политической власти или привилегий Кесаря.

Адамнан упоминает порицание, сделанное Коламбе в Таитиу, но не связывает его с прошедшим сражением. Некоторые исследователи (например, *Brady и Binchy*) считают, что не Собор, а ярмарка, проводимая ежегодно в Таитиу, стала местом встречи духовных и светских деятелей королевства Южного Уи Неилла. Правитель Тары Диармит, после поражения от рук родственников святого, мог отомстить тем, что вынудил клириков из подвластных ему владений (а не всей Ирландии) изгнать или наложить прещение на северного игумена.

Итак, сорокадвухлетний Коламба покидает Эйре, чтобы начать свое служение вдали от дома. Ирландское «Житие» XII в. сообщает про внушительных размеров свиту, сопровождавшую кельтского миссионера: 20 епископов, 40 священников, 30 диа-

⁷ Ни один из источников не сообщает о том, что Коламба обучался воинскому искусству. Я думаю, что, если бы он сам не предпочел служение Богу государственной карьере или на то изъявили волю его родители, скорее всего Коламба стал бы вождем туата и вполне мог занять место Верховного короля Ирландии. — *Авт.*

конов и 50 учеников. В ночь под Троицу экспедиция достигла шотландского берега, который оказался обитаем. «Навстречу ирландским паломникам вышло два человека, представившихся епископами. Они стали требовать, чтобы монахи удалились с их острова, но Господь открыл святому нечестивый обман. Коламба немедленно уличил проходивцев в лжепастырстве, и самозванцы бежали. Святой отец тогда произнес: «Для нас хорошо будет пустить корни на этой земле». И доныне то место зовется Хай ог Коломб Киэль – Айона Колмцилла».

Согласно Адамнану, который для нас предпочтительный источник информации, все происходило иначе, но, прежде чем начать рассматривать «Житие св. Коламбы», несколько абзацев необходимо посвятить самому автору и его другим двум книгам.

Родившийся в 624 г. Адамнан принадлежал семье Cénel Conaill северных Уи Нейлов и был правнуком двоюродного брата преподобного. О его жизни известно совсем немного. Возможно, после обучения в Ирландии, Адамнан прибыл на Айону, где проходил монашеское послушание до 679 г., пока не стал десятым по счету после Коламбы игуменом «Святого Острова». В 704 г. он скончался и довольно скоро Кельтской Церковью стал почитаться как святой⁸. «Житие» готовилось спустя 95 лет после смерти Коламбы. Это, конечно, слишком большой срок для того, чтобы иметь возможность контакта с кем-либо знавшим отца-основателя. Адамнан сообщает, что при составлении «Жития» им использовались «предания старцев и опытных духовных мужей... переданные письменно и устно». К письменным ис-

⁸ Его житие на ирландском датируется 964 г.

точникам относится манускрипт Куммена, умершего за 10 лет до игуменства Адамнана. Куммен навряд ли был знаком с современниками Коламбы. Учитывая два этих обстоятельства, критики считают, что Адамнан не обладал ни способностью, ни желанием представить правдивое сочинение, но трудился исключительно над пансгириком, идеализирующим Коламбу. Совершенно поверхностное мнение. В 1928 г. было обнаружено, что среди безграмотных африканцев еще сохранились живые воспоминания о Давиде Ливингстоне, который проходил через дикие джунгли в 1868 г. (то есть за 60 лет). Период между смертью Коламбы и книгой Адамнана (690 г.) всего лишь в полтора раза превышает означенный срок. А ведь монахи Айоны блистали ученостью, и великий человек не просто «двигался мимо», но тридцать четыре года жил в своем монастыре. Можно ли сомневаться в том, что необычные чудесные случаи и удивительные пророчества были записаны; и очевидец случившегося «рассказал (о чуде. – *Авт.*) людям, с которыми я затем лично беседовал – в частности, с сыном сестры того человека»; и что вообще все происшедшее еще живо сохранилось в памяти людей к тому времени, как Куммен и Адамнан взялись за работу.

При чтении книги Адамнана возникает впечатление, словно в основе той или иной ее части лежит обширный материал, переданный устно или письменно от человека, который сам фигурировал в ключевых эпизодах повествования, в частности, от Байтена, преемника Коламбы, или Диормита, келейника преподобного. Адамнан старался быть точным и, по мере возможности, лаконичным. Талант документалиста и мастерство проповедника превосходно соединились в другой его работе «О святых местах».

Средневековая церковь была под большим впечатлением, когда в первой половине VIII в. стали повсеместно распространяться копии этого манускрипта. Книга оказалась уникальной. О ней мы узнаем от Беды Достопочтенного, который рассказывает про галльского епископа Аркульфа (Книга 5. Гл. 15-17). Возвращаясь из паломничества по святым местам Востока, Аркульф оказался «выброшен яростной бурей на западное побережье Британии» и «после многих приключений прибыл к служителю Христа Адамнану, который открыл в нем ученость в Писании и хорошее знакомство со святыми местами». Проведя в беседах с путешественником долгое время, айонский игумен создал своего рода библейский путеводитель. Аркульф рассказывал ему о Палестине и Иерусалиме. Адамнан сравнил полученную информацию с той, что уже имелась в монастырской библиотеке⁹, и получилась книга, которая не только удовлетворяла читательское любопытство, но пыталась разрешить некоторые проблемы, возникающие при внимательном изучении как Нового, так и Ветхого Заветов.

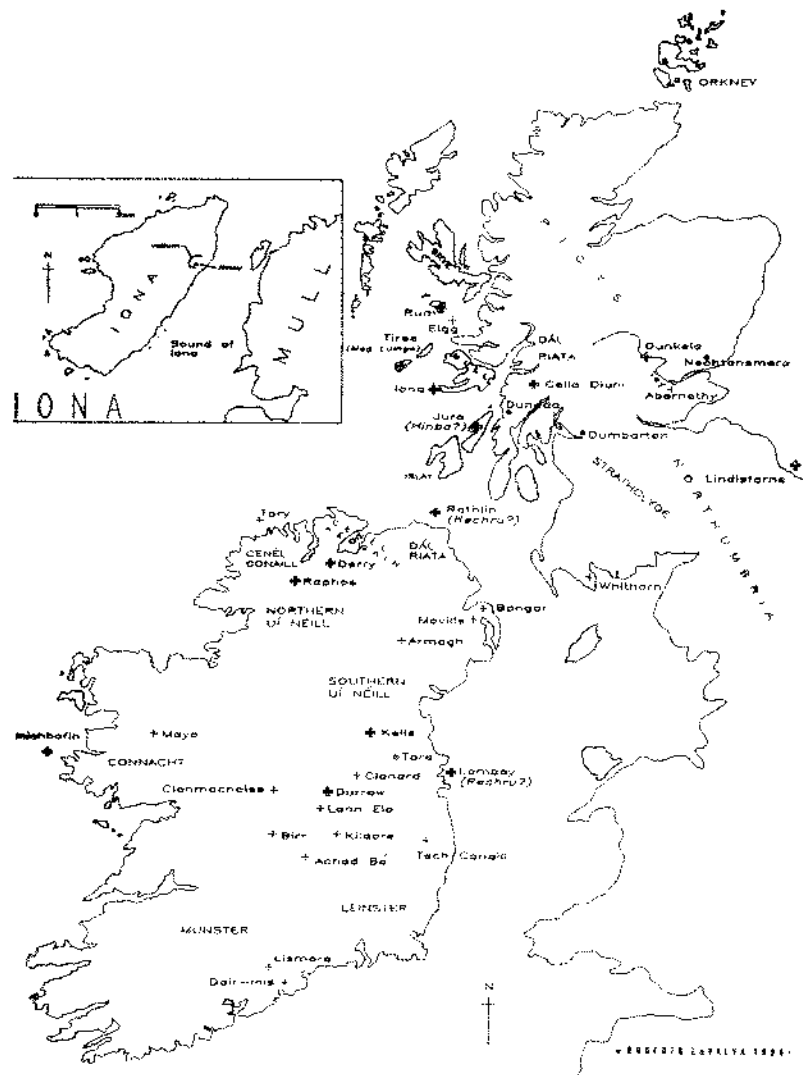
Адамнан подробно расспрашивал своего гостя о захоронении Рахили, точном местонахождении дубравы Мамре. Цитируя слова евангелиста Матфея (Мф. 3,4), касающиеся Иоанна Крестителя, пищею которого «были акриды и дикий мед», он сообщает, что Аркульф обнаружил в пустыне легко поддающихся ловле акрид и растения, из которых делают тот самый мед. Адамнана интересовала не только география, но и то, каким

⁹ На Айоне мог храниться «*Onomasticon*» св. Иеронима (IV в.) – переработанный им апнотированный список всех географических мест, составленный ранее церковным историком Евсевием.

образом священность конкретного места отразилась в постройке церкви. Особое внимание он уделит иерусалимским храмам, возведенным на гробницах христиан, и церкви горы Елсонской. Не задерживаясь на уточнении или подтверждении топонимических деталей, Адамнан довольно изящно использовал этот материал для проповеди, в которой подчеркивал непреходящее значение Истории Спасения, касающееся его современников. Вот как, например, привлекал он внимание к видимым проявлениям Божественной Силы и Присутствия на масличной горе: «Каждый год в день Вознесения Господня после окончания Литургии по церкви проносится сильный порыв ветра, который валит с ног всех, кто там находится». Или, рассказывая про камень, орошенный «водой омовения младенца Иисуса», пишет о «вечном потоке», как о «первом чуде Спасителя, предреченном еще Псалмопевцем: «Из скалы извлек потоки, и воды потекли как реки» (Пс. 16,17). Айонский игумен, глубоко убежденный в духовной пользе паломничества, с нескрываемым трепетом сообщает, что Аркульф мог собственными глазами видеть копьё, произившее тело Христа, и целовал Его Плащаницу «в переполненном храме, с множеством людей».

Св. Адамнан, живший на уединенном шотландском острове вдали от торговых путей и больших дорог, похоже, верил, что, следуя за повествованием Аркульфа, делая свои записи, размышляя и сопереживая нечаянному гостю, он совершает своего рода паломничество к Святым Местам. Из его творчества видно, что игумена всегда волновала связь между Айоной и остальным христианским миром. Таким образом, книга сбли-

Ирландия и Шотландия.
Кельтские монастыри V – VII вв.

жала центр «коламбовской церкви» с библейской землей, а «Житие» подчеркивало преемственность между делами основателя общины и подвигами пророков, апостолов и самого Спасителя¹⁰.

Вторая книга, автором которой считается Адамнан, – это «Видение Адамнана», дошедшее до нас в источнике X в. Кельтологи (Н. Чедвик, Ч. Босуэлл) очень высоко оценивают это произведение, считая, что в нем «автор превзошел всех других предшественников Данте». В классическом исследовании по истории и литературе ирландской цивилизации, наконец-то появившемся на русском языке (Кельтские королевства. СПб., 2002), М. Диллон и Н. Чедвик пишут: «Текст «Видения» выразителен и прост; по стилю и структуре это лучший образец ирландской прозы вплоть до XII века». В несколько сокращенном переложении содержание «Видения» выглядит так.

«Душа Адамнана оставила тело и перенеслась в сопровождении ангела-хранителя на Небо». Вышний чертог описывается следующим образом: «Вокруг Христа Пресвятая Богородица и апостолы. По правую руку от Пречистой – святые девы. Удивительное сияние повсюду. Господь восседает на троне из драгоценных камней. Три величественные птицы, чья обязанность внимать Создателю и петь Часы, находятся рядом. Хор архангелов вторит их пению. Описать могущественного Вседержителя невозможно. Куда ни помотришь: на север, юг, запад или восток – всюду будет прекрасный лик, что в семь раз ярче солнца. «Вы не увидите человеческих черт, – говорит Адамнан, – не увидите

¹⁰ Более подробно см.: Denis Meehan. Adomnan's. De locis Sanctis. Dublin, 1958.

головы или ног, но только пылающий огонь, огромный, как весь мир, всегда перед вами; и все в огне, и все трепещет Его взором». После рассказывается о тех, кто стоит за воротами цитадели в ожидании последнего суда. У самого входа стена огня и стена льда секутся друг о друга с нестерпимым для грешных ушей звуком, который для небожителей превращается в сладчайшую музыку. Адамнану показали сначала Ад. Он увидел долину огня в стране мучений, увидел всевозможные испытания, которым подвергались нераскаявшиеся грешники. Затем его душа поднялась в Рай и уже собиралась там остаться, но ангел-хранитель приказал вернуться на землю и рассказать всем о «блаженстве Рая и страданиях Ада».

Подобно многим своим собратьям, Адамнан был человек богатого духовного опыта и глубоких знаний. С некоторыми особенностями его взглядов мы познакомимся ниже, а завершить эту главу я хочу публикацией текста X в., известного как «Молитва Адамнана»:

Пусть Колум Кил меня представит Богу,
Когда отправлюсь в путь последний свой,
Туда, где ангелы небесного чертога
Поют хвалы Творцу. А с ними наш святой
В твердых горных молится участно
Меж праведных мужей за добрых христиан –
Защитник в бедах, войнах и напастях
Прощение грехов пусть вымолит он нам.

(перевод с латинского Ю. Варзонины)

КНИГА ВТОРАЯ

Здесь начинается следующая книга,
содержащая чудеса,
часто сопровождаемые
пророческим предвидением

О вине, произведенном из воды

Было так, что наш любимый отец, еще юношей, жил в Ирландии у святого епископа Финдбарра. В трудах, молитвах, за изучением Писания проходило его время. Одним праздничным днем, когда в церкви готовились к совершению Божественной Литургии, служители алтаря не смогли обнаружить необходимого вина и жаловались друг другу на досадное недоразумение. Святой Коламба, тогда еще диакон, взял кувшин и отправился к источнику. Он собирался набрать воды для Евхаристии. Сосуд наполнился, и наш отец благословил его, с верою призвав имя Господа Иисуса Христа, который чудесным образом превратил воду в вино, когда посещал Кану Галилейскую. Через руки св. Колаамбы произошло подобное превращение. Вода стала вином, а диакон вернулся ко храму и поставил

кувшин за алтарем, сказав при этом служителям: «Идите, вот там вино, которое Господь послал нам для совершения таинства». Священники и все бывшие в церкви, убедившись в истинности слов Колаамбы, благодарили Всевышнего за нечаянную милость. Святой же юноша не себе приписал происшедшее, но молитвам епископа Финдбарра.

Вот так Господь засвидетельствовал через своего ученика начало будущих знамений и чудес.

Об одном гонителе невинных людей

Когда св. Коламба был молодым диаконом и, постигая Божественную премудрость, жил в провинции Лагина у почтенного Геммана, случилось следующее. Некий жестокий человек однажды преследовал молодую девушку. Несчастливая бежала от него по равнине и, увидев Геммана, поспешила за помощью. (Старец и его ученик тогда читали поодаль друг от друга.) Гемман, встревоженный происходящим, окликнул св. Колаамбу. Желая укрыть девушку, иноки заслонили ее своими широкими плащами, но злого преследователя это не задержало. Он метнул копье, и беглянка была убита. Совершив преступление, убийца молча начал удаляться прочь.

Тогда опечаленный старец обратился к нашему отцу: «Скажи мне, святой отрок, станет ли Господь, праведный Судия, терпеть это злодеяние и наше бесчестие до отмщения?». Коламба в ответ произнес

приговор преступнику: «В час, когда душа невинной девушки взойдет на небеса, пусть душа убийцы достигнет ада». И быстрее, чем слова святого были произнесены, гонитель невинных замертво упал на землю, словно Анания перед апостолом Петром.

Слава об этом внезапном и ужасном отмщении немедленно разнеслась по многим провинциям Ирландии вместе с признанием и других чудес святого диакона.

О горьком плоде с древа

Около монастыря в дубовой долине (=Дурроу – Ирландия) на южной стороне росло дерево. Каждый год оно приносило множество прекрасных на вид плодов. Но местные жители всегда жаловались на их невыносимую горечь. Узнав про это, однажды осенью

св. Коламба пришел к странному дереву. Он увидел действительно замечательный урожай, напрасные плоды которого только причиняли неприятности всем, кто их пробовал. Наш отец поднял руку, благословил дерево и сказал: «Во имя Всесильного Бога, ты, горькое древо, оставь всю свою горечь, а плоды твои пусть станут сладкими» И вот чудо: меновенно все фрукты потеряли былой вкус и, по слову святого, превратились в изумительно приятные.

О заразном облаке и исцелении многих людей

Как-то в те годы, когда святой Коламба жил на острове Ио, случилось следующее. Наш отец поднялся на холм, что по-латински именуется «большая крепость», и увидел грозное дождевое облако, которое выросло с моря на север, хотя все небо было ясно. Наблюдая за тем, как туча увеличивается в размерах, он сказал сопровождавшему монаху Силлану: «Вот это облако сильно навредит людям и животным. Оно станет еще больше, быстро продвинется и уже нынешним вечером прольется чумным дождем над частью Ирландии – от пролива, называемого Аилбине, до Атхклиатха (=Дублин). Смертоносный ливень вызовет гнойные язвы на телах людей и поразит вымя животных. Крестьяне и скот станут жестоко страдать, а многие даже умрут. Мы должны проявить жалость к несчастным и, взывая к милости

Божией, помочь в их немощи. Ты, Силнан, пойдешь сейчас со мною готовиться к завтрашнему путешествию. Если сейчас будем живы и Господь нас не оставит, то больные получают от меня благословенный хлеб. Тебе следует опускать его в Воду и кропить несчастных. Так излечится чума».

Наутро, предприняв все необходимое, Силнан принял из рук Коламбы святой хлеб, чтобы отплыть с миром. Когда его судно отчаливало, наш отец произнес: «Будь спокоен, сын мой. Тебе сопутствует свежий ветер. И днем и ночью он будет дуть, пока ты не достигнешь провинции, называемой Ард-сеаннахте, где прежде всего требуется помощь».

После быстрого и удачного путешествия Силнан оказался в назначенном месте. На берегу моря там стоял дом, в котором шесть человек доживали последние часы. Монах без страха вошел под кровлю, окропил больных благословенной водой и призрак смерти их покинул. Слух о внезапном исцелении быстро облетел всю область, и многие тогда пришли к посланцу св. Коламбы. Силнан часто опускал в Воду хлеб, привезенный с Ио; щедро кропил немощных крестьян, они выздоравливали, приводили для исцеления домашних животных и с благодарностью славил Господа Иисуса Христа во святом Коламбе.

В записанной истории, как я думаю, ясно соединены две вещи: дар пророчества в отношении облака и сила чуда в исцелении больных. А то, что

это Верно, так упомянутый воин Христа Силнан, посланник Коламбы, сам свидетельствовал в присутствии аббата Сегена и других старейшин.

О святой деве Маугин, дочери Даимена

В другой раз, когда благословенный человек пребывал на Ио, в первом часу дня он призвал Лугауга, чтобы сделать распоряжение. «Готовься к срочному путешествию в Ирландию, – сказал святой монаху, – тебе предстоит стать моим посланником в Клохере сыновей Даимена. Минувшей ночью, возвращаясь домой после службы, святая дева Маугин споткнулась, неловко упала и сломала ногу. От сильной боли она все время стонет и повторяет мое имя, надеясь, что Господь через меня дарует исцеление».

Лугауг тотчас начал собираться в путь, и как только он был готов к отправлению, св. Коламба дал ему сосновую коробочку и напутствовал: «Когда ты придешь в Клохер, пусть Благословение, находящееся здесь, опустят в Воду. Призвав имя Божие, вылей эту воду на сломанное бедро девы. Поврежденная кость соединится, срастется, и Маугин станет здоровой». Также он добавил: «Смотри, при тебе на коробочке я пишу число двадцать три. Именно столько лет проживет дева Маугин после исцеления».

Все исполнилось, как и пророчествовал святой. Лугаид окропил благословенной водой бедро страдавшей, и Маугин немедленно выздоровела. Она горячо благодарила нашего отца, славил Господа и еще двадцать три года прожила на свете, творя различные добрые дела.

О каменной соли, которую не мог поглотить огонь

Сын Селлаха Колку просил святого благословить соль ради своей сестры, страдавшей Воспалением глаз. Коламба дал Колку освященную соль, а тот отнес мешочек сестре, которая повесила его над кроватью. Через несколько дней случилось несчастье – в деревне начался пожар. Беспощадный огонь поглотил все, в том числе и дом этой женщины.

Удивительно, но из всей постройки сохранилась лишь одна стена. Именно та, где на двух колышках висел мешочек. Пламя не посмело тронуть соль, благословенную святым человеком.

О написанной святым странице, которую не повредила вода

Я полагаю, что нельзя обойти вниманием еще одно чудо, что совершилось при обстоятельствах противоположного свойства.

Уже миновало несколько десятилетий после

блаженной кончины нашего отца. И вот, один молодой человек, переправляясь через реку, которая по-ирландски называется Боэнг (=Боине), упал с лошади и утонул. Двадцать дней тело несчастного покоилось на дне. Еще сидя на своем коне, он держал одной рукой кожаный футляр с книгами, но даже когда погиб, футляр остался при нем. Через указанное количество времени волны вынесли останки юноши на берег. Люди, его обнаружившие, предали тело земле и открыли хранилище с книгами. Все манускрипты сильно пострадали от воды, хотя и не уничтожились полностью. Среди них оказалась страница, написанная рукой святого Коламбы, и она была совершенно сухой, так, словно находилась в запечатанной камере.

Об упавшей книге

У одного юноши находилась книга Божественных гимнов, переписанных рукою св. Коламбы. И вот ему пришлось как-то переходить мост через реку в районе Лагина. Книгу юноша нес на плече, но нечаянно поскользнулся, и драгоценная вещь упала в воду. С начала Рождества Христова и до конца Пасхальной седмицы манускрипт оставался на речном дне, пока сильной волной его не выбросило на берег.

Женщины, что однажды прогуливались около моста, нашли книгу и отнесли ее священнику по имени Иогенан, пикту, которому она и принадлежала. Свя-

ценник открыл сумку, служившую хранилищем для рукописи, с радостью обнаружил, что книга Гимнов совершенно суха, словно находилась в специальной камере. Сама же сумка полностью размокла, став совсем непригодной.

Мы слышали от людей, без сомнения, осведомленных, похожие истории и о других книгах, написанных рукой св. Коламбы, происходившие в разных местах. Манускрипты, находясь в воде, оставались совершенно неиспорченными. Так Господь являл славу этого благословенного человека.

О воде, что, по молитве святого,
забила из скалы

Коль скоро мне пришлось упомянуть воду, стоит вспомнить и другие чудеса, связанные с этой стихией, которые, хотя и в иное время и в других местах, Господь явил через св. Коламбу.

Однажды наш отец находился в длительном путешествии, и жители той земли принесли к нему младенца с просьбой совершить над ним таинство крещения. Коламба согласился, но так случилось, что нигде в округе не оказалось воды. Тогда святой приблизился к одной из скал, опустился на колени и некоторое время пребывал в молитве. Затем он поднялся, благословил место, около которого молился, и в тот же миг из каменной расщелины забила небольшая ключ.

Св. Коламба крестил младенца и пророчески изрек: «Этот малыш проживет долго. Ему суждено скончаться в глубокой старости. Будучи юношей, он послужит похотям своей плоти, но после обратится на истинный путь, оставаясь преданным Христу до самой смерти». Как говорил святой – так и вышло. Тот ребенок вырос, и мы знаем его под именем Лигу Сен-Калад из Артга-Муирхол (=Арднамурхан, Северный Аргайл, Шотландия). Там и сейчас виден источник, сила которого в молитве св. Коламбы.

О плохой воде из источника, который святой благословил в стране пиктов

Во время посещения благословенным отцом провинции пиктов до него дошел слух, что среди местных жителей, чьи разум и чувства ослепил диавол, широкую славу приобрел некий источник. Словно божеству, пикты поклонялись этим водам, хотя те, кто пил из него или омывал в нем руки, возвращались полуслепыми, парализованными или страдали другими недугами. Но при всем этом язычники воздавали торжественные почести источнику.

Узнав про это, в один из дней св. Коламба босиком отправился в почитаемое место. Волшебники, которых святой часто отгонял от себя посрамленными и поверженными, очень обрадовались, увидев, на что решился их противник. Они надеялись, что, коснувшись воды, наш отец станет страдать

жестоким недугом. Св. Коламба приблизился к источнику, поднял руки в призывании имени Христова, благословил воды, после чего умылся и вместе с другими братьями испил из ключа.

С того часа демоны отступили от источника, и опасная прежде вода сделалась целебной.

О смирении шторма

Случилось однажды нашему отцу на небольшом суденышке пересекать бурный пролив между островами. Волны трепали коракл, раскачивали и заливали его. Моряки пытались вычерпать воду, удержать суденышко, и святой бросился им на помощь. Но отважные гребцы закричали: «Отче, не делай этого. Мы в большой опасности и сейчас твои усилия не принесут пользы. Лучше помолись за нас гибнущих». Услышав такие слова, благословенный муж перестал лить горькую воду в морские волны и начал изливать сладкую молитву к Господу. О чудо! В тот же самый миг, когда св. Коламба, поднявшись на нос коракла, возносил псалмы к небесам и молился Всевышнему, весь хаос ветров и свирепость моря стали затихать, и, прежде чем молитва закончилась, наступил штиль. Все собравшиеся на судне были удивлены и с благодарностью славилы Бога в этом святом достопамятном человеке.

И еще об опасности святому на море

В другой раз, когда приключился свирепый шторм, спутники св. Коламбы стали просить нашего отца о заступничестве перед грозным Небом. Он ответил им: «Сегодня не я, а праведный игумен Каиннех должен молиться за нас Господу».

Теперь знайте о восхитительных делах. Тем временем, будучи у себя в монастыре, который по-латыни зовется «поле коровы», а по-ирландски Ахедбоу (=Агхабоэ), святой Каиннех внутренним слухом своего сердца различил слова Коламбы. А поскольку совпало так, что, закончив девятый час, он уже начал преломлять хлеб в трапезной, то, получив известие, Каиннех вскочил из-за стола, успел надеть один ботинок и побежал в церковь со словами: «Братия, мы не можем обедать, покуда в море грозит опасность кораблю св. Коламбы». В эти самые мгновения наш отец повторял имя Каиннеха и просил о молитвах.

Вбежав в часовню, игумен преклонил колена и некоторое время горячо обращался к Господу. Всевышний услышал его, и шторм сразу же прекратился, море успокоилось. Тогда св. Коламба, чудесным образом видя, как Каиннех спешит в церковь, хотя тот и был очень далеко, сказал: «Теперь, Каиннех, я знаю, что Бог принял твою молитву и твой бег в одном ботинке нам сильно помог».

В этом Великом чуде, мы думаем, молитвы обоих святых стали залогом спасения мореплавателей.

О забытом посохе

Тот самый святой Каиннех, о котором шла речь выше, как-то, отправляясь с острова Ио в Ирландию, оставил в гавани свой посох. После его отплытия братия нашла забытую вещь и отнесла посох святому отцу. Коламба удалился в часовню вместе с находкой и долго пребывал там на молитве.

Тем временем, приближаясь к острову Оидех, св. Каиннех стал искать свой посох и, не найдя, пришел в большое смятение. Достигнув земли, он спустился на берег и преклонил колена, чтобы обратиться к Господу. Поднимая глаза к небу, Каиннех вдруг заметил в отдалении небольшой холм, на котором стоял посох, забытый им в гавани Ио. Сильно удивившись, благочестивый монах возблагодарил Бога за чудесное перемещение посоха.

Об изгнании демона, притаившегося в молочном кувшине

Юноша по имени Колман однажды возвращался после дойки коров в монастыре. Его путь проходил мимо хижин, где наш отец был занят письмом. Остановившись около открытой двери, Колман попросил святого благословить сосуд с молоком, что висел у него за спиной. Таков соблюдался обычай. Не прерывая работы, Коламба сотворил крестное знамение вытянутой рукой и, призвав имя Божие,

благословил молочник. В тот же миг сосуд качнулся, ручка отлетела в сторону, крышка упала, и большая часть молока пролилась на землю. Причитая, юноша опустил кувшин к своим ногам и виновато склонил голову перед святым. «Встань, Колман, – сказал Коламба, – знай, что сегодня, выполняя послушание, ты был невнимателен. Прежде чем влить молоко в сосуд, его следовало осенить знаменем Господа и таким образом изгнать демона, притаившегося на дне. Видишь, когда я сделал это, злобный дух не смог вынести силу креста. Трепеща, он растряс молочник и, вылетев, многое выплеснул. Принеси сосуд ближе для благословения». Юноша повинился, и кувшин чудесным образом вновь оказался наполненным свежим молоком.

О сосуде, который Волшебник Силнан наполнил бычьим молоком

Рассказывают, что это произошло в доме богатого человека по имени Фортгерн, жившего на горе Каинле. Наш отец гостил там, и однажды ему пришлось рассудить двух поселян, которые поспорили, можно ли доить молоко у быка. Силнан, так звали одного, был Волшебником и по велению святого каким-то дьявольским способом сумел набрать молоко у находившегося поблизости быка. Святой допустил случиться такому делу не для того, чтобы подтвердить силу Волшебства, но с целью развен-

чать бесовские козни при множестве свидетелей.

Итак, Коламба повелел принести к его ногам сосуд, который был наполнен, как казалось, именно молоком. Крестным знаменем преподобный осенил кувшин и сказал: «Теперь смотрите. Здесь не молоко, но кровь, отбеленная хитрым демонским образом. Так обманываются легковверные люди». В то же мгновение жидкость обогрилась. Потом святой подошел к лежащему на земле быку, который так сильно истощал за один час, что уже умирал, и окропил его благословенной водой. Животное, к удивлению многих, очень быстро стало набирать силы и, наконец, поднялось.

Об исцелении Лугне моку-Мине

Однажды очень способный молодой человек по имени Лугне (который в почтенном возрасте станет настоятелем монастыря острова Элен) пришел к святому с жалобой на кровотечение. Время от времени, вот уже несколько месяцев подряд, у него носом сильно шла кровь. Коламба велел Лугне приблизиться, благословил его, а потом пальцами правой руки сдвинул обе ноздри юноши. И с того часа до самого последнего дня Лугне никогда не страдал прежним кровотечением.

О рыбах, которые Господь предназначил святому

Как-то монахи, особенно любившие рыбную ловлю, поймали пять рыб в реке Сале. Осмотрев улов, святой сказал им: «Бросьте сеть еще раз, и вы достанете то, что приготовил для меня Господь». Они тут же последовали указанию Коламбы и действительно вытащили из воды огромных размеров лосося.

А в другой раз, когда наш отец проводил несколько дней за озером Сеи (=Лох Кеи), его спутники собрались порыбачить. Но преподобный их удержал словами: «Сегодня и завтра ничего не сможете выудить из реки. Отправляйтесь утром третьего дня и добудете двух больших лососей». По прошествии означенного времени монахи забросили сети в воду и вскоре достали на берег

Бо (=Боше) двух рыб исключительной величины. Тогда святой Коламба вместе с ловцами воздал молитвенную благодарность Богу.

В упомянутых случаях читатель может видеть, как проявляется сила чуда, сопровождаемая пророческим провидением св. Коламбы.

О судьбе злодеев, смеявшихся над святым

Наш благословенный игумен очень любил человека по имени Колман. Мы уже рассказывали, как он помог ему избежать тягот бедности, и в ответ Колман оказал святому множество различных услуг.

В то время жил некий злодей, гонитель добрых простолюдинов Иоан, сын Коннала, сына Домнала. Хотя он происходил из королевской семьи Габрана, все знали о его жестокостях. Так вот, этот человек постоянно притеснял друга св. Коламбы. Дважды он опустошал дом Колмана, захватывая все, что смог там найти. В третий раз разбойника постигло справедливое Воздаяние.

Возвращаясь на корабль с награбленным, Иоан повстречал нашего отца и принялся над ним грубо насмехаться. Его подручные, люди, лишённые совести, поддержали своего главаря. Святой человек смиренно укорил королевского родственника и потребовал оставить добычу на берегу. Но, словно обезумев, Иоан забрался на корабль и уже оттуда продолжил свои глумливые выкрики. До самых прибрежных волн следовал за разбойниками Коламба, а потом даже вошел по колено в океан и, воздав руки к Небесам, принялся усердно молиться Господу, который всегда прославляет избранных своих, хвалящих Его.

Гавань, где все описываемое происходило, находится в местечке, по-ирландски называемом Литхамбас. Закончив молитву, святой вернулся на сушу и, расположившись с братией на вершине небольшого холма, произнес страшное пророчество: «Жалкий смертный, отвергший Христа в слугах Его, никогда не вернется обратно. Ему не удастся

достичь и других земель. Гибель поджидает всю разбойничью команду. Сегодня же Вы увидите, как из облаков обрушится на море град и северный шквал потопит преступников. Никто не спасется даже для того, чтобы рассказать о постигшей их каре».

Хотя день стоял тихий, через некоторое время от океанских Волн поднялась темная туча, задул сильный ветер. Туча росла прямо на глазах монахов, мчалась все быстрее, а, найдя злодеев между островами Мале (=Малл) и Колосс (=Колл), разразилась штормом и потопила судно. Как и говорил святой, ни один человек не избежал наказания.

Удивительно, но Вокруг тех островов Волны оставались спокойными. Буря потопила только грабителей, сбросила их в ад – жалкая, но справедливая судьба.

О Волшебнике Брохаине, которого поразила болезнь

Проповедуя в землях язычников-пиктов, святой Коламба узнал о Волшебнике Брохаине, захватившем в плен ирландскую женщину. Наш отец посетил Волшебника. Он предложил освободить рабыню, а когда жестокий язычник отказался, святой произнес пророчество: «Знай, Брохаин, если ради Господа милосердного не отпустишь бедную ирландку, то, прежде чем я оставлю эту провинцию, смерть настигнет тебя».

Свидетелем сурового предупреждения оказался сам король Бруд. Чуть позже Коламба покинул королевский дом и отправился на берег реки Нес (=Несс). Там из воды он достал белый камень и обратился к своим спутникам: «Запомните этот камень. Через него Господь исцелит многих больных среди пиктов-язычников». А затем продолжил: «Вот сейчас Брохаин получил свое наказание. Посланный с небес ангел сильно ударил его и разбил на множество осколков сосуд, из которого волшебник собирался пить. Злодей еле дышит, чувствуя близость кончины. Мы задержимся здесь, чтобы дождаться двух посланников от короля Бруда. Они спешат за помощью для Брохаина, который теперь готов освободить рабыню».

Не успел святой произнести эти слова, как прискакали два человека из крепости. Их рассказ в точности подтвердил пророчество нашего настоятеля. Всадники просили: «Благословенный человек, король и люди его двора огорчены болезнью волшебника, который считается приемным отцом Бруда. Сделай что-нибудь». Тогда Коламба отправил двоих монахов с тем белым благословенным камнем и таким напутствием: «Если сначала Брохаин пообещает дать пленнице свободу, погрузите камень в воду, и как только он выпьет ее – болезнь отступит. В случае отказа – волшебника постигнет смерть».

Иноки пришли в замок и передали слова святого. Король и его приемный отец, сильно испугавшись, велели немедленно отпустить ирландскую женщину. Тогда монахи опустили камень в чашу с водой. И вот чудо! Вопреки природе он не утонул, а плавал, словно яблоко или орех. Выпив этой воды, Брохаин почувствовал, как прежние силы стали возвращаться к нему, и смерть отступила.

Впоследствии чудесный камень хранился среди сокровищ короля. Когда его погружали в воду, он не тонул и, по милости Божией, исцелял многие болезни среди пиктского народа. Но если его пытались найти больные, чье время уже пришло, то отыскать его не могли. И в день смерти короля Бруда камень хотели достать, но тайник оказался пуст.

О некоем Ферадахе, унесенном внезапной смертью

В другой раз святой передал изгнанника по имени Тараин под покровительство некоего Ферадаха, богатого человека, жившего на острове Иле (=Ислэй). Тараин принадлежал к знатному пиктскому роду, но принял крещение, и Коламба просил его несколько месяцев пожить под опекой. Ферадах выполнил просьбу нашего отца, принял Тараина, а потом вдруг приказал убить изгнанника.

Когда паломники рассказали святому о коварстве

и жестокости Ферадаха, он пророчески изрек: «Это несчастное существо солгало не мне, но Богу; его имя будет вычеркнуто из Книги Жизни. Сейчас середина лета, вот осенью, прежде чем обманщик успеет вкушать мясо свиньи, откормленной фруктами, его настигнет внезапная смерть и встретит преисподня».

Узнав о словах Коламбы, Ферадах стал насмехаться над святым человеком и говорить всякие непристойности. Наступили осенние дни, и он, намереваясь посрамить преподобного, приказал заколоть свинью, что питалась лишь одними фруктами. Мясо должны были зажарить на вертеле и принести хозяину. Когда жаркое подоспело, Ферадах решил попробовать блюдо, но, прежде чем он поднес кусочек свинины ко рту, смерть забрала его из этого мира. Обманщик упал на спину, испустил дух, и все, кто видел происшедшее, страшно перепугались. Они знали о пророчестве нашего отца и дивились, прославляя Бога в благословенном Коламбе.

О другом нечестивце, имя которого по-латыни «Правая рука»

Возникла большая необходимость, и святой отец отправился на остров Хинба, чтобы изгнать оттуда людей, преследовавших монашескую общину, а именно: сыновей сына Коналла Домнала (среди преступников обретался Иоан, чья история помещена выше).

Разбойники угрожали монастырю, и один из них, по наущению дьявола, забежал с копьем в храм, собираясь убить св. Коламбу. Намереваясь помешать злодейству, инок, по имени Финдлуган, одетый в рясу преподобного, загородил собою нашего отца и брошенное жестокой рукою копье попало в него. К Великому удивлению многих свидетелей монах и одеяние святого ничуть не пострадали. Смертоносное оружие не причинило вреда, а разбойник, прозванный «Правая рука», скрылся, думая, что Коламба мертв.

С того дня прошел целый год, и, будучи на Ио, благословенный человек сказал следующее: «Вот исполнилась годовщина, как Лам Десс пытался убить Финдлугана вместо меня. А в этот час смерть пришла за ним самим».

Так и было. Когда святой говорил, на острове, по-латински называемом «Длинный», шла битва, и с двух сражавшихся сторон погибшим оказался только Лам Десс. Его пронзило копье, брошенное (как считается, во имя Коламбы) сыном Байтена Кронаном. Лишь только злодей «Правая рука» погиб, схватка закончилась.

О Венре с острова Скай

Однажды несколько дней наш отец жил на острове Скай. Желая уединения, он решил удалиться в густой лес. Монахи, что были с ним, не смея

тревожить молитв преподобного, остались на опушке. Бродя среди деревьев, святой вдруг наткнулся на огромного Вепря, за которым гнались охотничьи собаки. Коламба остановился и стал разглядывать дикого зверя. Через некоторое время он поднял свою руку и, призвав имя Божие, обратился к твари: «Стой, ты более не ступишь ни шагу и погибнешь там, где сейчас ешь!» После этих слов, Вепрь замертво упал около ног преподобного отца.

О Водном животном, которого изгнал Коламба

Посещая провинцию пиктов, наш отец должен был переправиться через реку Нес (впадает в озеро Лох Несс). Добравшись до берега, святой встретил там похоронную процессию. Местные жители готовились предать земле тело юноши. Они рассказали Коламбе, что совсем недавно несчастный плавал в реке, но его схватило и жестоко покусало водное животное. Крестьяне слышали крики, но слишком поздно сумели прибежать на помощь. Узнав печальную историю, святой тем не менее велел одному из своих спутников переплыть к противоположному берегу, где стояла пустая лодка, и вернуться обратно, но уже на веслах. Сбросив одежду и оставшись в одной тунике, монах, по имени Лугне моку-Мин, без промедления прыгнул в воду. Злобное существо, чей аппе-

тит еще не удовлетворился, тем временем притаилось на глубине. Когда Лугне достиг середины реки, оно метнулось вверх. С открытой пастью, издавая жуткое рычание, животное погналось за пловцом.

Сстоявшие на берегу пикты и братья застыли от ужаса, а святой Коламба поднял руку и, сотворив крестное знамение, воскликнул: «Замри на месте, злая bestия! Не прикасайся к человеку и убирайся прочь!» Между зверем и монахом оставалось чуть меньше длины короткого багра, но, словно замороженное, существо прекратило свое преследование и стало погружаться ко дну.

Позднее, когда bestия исчезла, а Лугне вернулся на лодке невредимым, изумленные иноки прославляли

Господа в нашем благословенном настоятеле и язычники-пикты с трепетом величали Бога христиан.

О благословении острова

В один из дней лета, незадолго до блаженной кончины, св. Коламба решил навестить братьев, возводивших каменные ограждения. Он отправился в западную часть Ио, где в небольшой долине шло строительство. Приветствовав своих монахов, святой сначала благословил их добрые труды, после чего произнес такое пророчество: «Возлюбленные дети, я знаю, что с этого часа вы никогда более не сможете увидеть меня таким, как сейчас. Всему приходит свой срок». Услышав эти слова, иноки сильно огорчились. Желая, насколько возможно, утешить братьев, Коламба со своего возвышения осенил крестным знаменем весь остров и сказал: «Отныне любой змеиный яд будет бессилен причинить вред людям и скоту на этой земле, покуда живущие здесь не перестанут соблюдать заповеди Христовы».

О кинжале, осененном крестным знаменем

Монах, которого звали Мо-луа, потомок Бруна, как-то раз заглянул в келию св. Коламбы. Благословенный человек был занят переписыванием книги. «Отче, – попросил Мо-луа, – благослови инструмент, что держу я в руке». Святой на мновение прервал

свое занятие и, не отрывая глаз от манускрипта, пером сотворил знак креста. Названный брат довольный ушел с благословенной вещью, а Коламба спросил келейника Диормита: «Что за инструмент я только что осенил крестным знаменем?» «Ты, – ответил тот, – благословил кинжал для забоя быков и коров». «Ну что ж, – произнес Коламба, – я верю Господу моему, и пусть будет так, что этот кинжал не поранит ни человека, ни животное».

В тот же день подтвердилось, насколько сильно слово нашего отца. Мо-луа отправился за монастырские стены, чтобы зарезать корову. Трижды изо всех сил он пытался совершить намеченное, но не смог проколоть даже шкуру животного. Узнав про случившееся, монахи-кузнецы закалили металл кинжала в огне, после чего расплавили его и распределили по другим железным инструментам. Но действие благословения продолжалось. Так что ни одним из этих предметов нельзя было даже ранить животную плоть.

Об исцелении Диормита

Однажды преданный келейник святого Коламбы Диормит смертельно заболел. Наш отец поспешил к несчастному и, видя, что душа Диормита уже готова покинуть тело, стал молиться у изголовья постели: «Господи, прошу Тебя, услышь эти слова и, покуда я жив, не забирай из мира моего преданного друга и

слугу». После, немного помолчав, святой произнес такие слова: «Вот теперь знаю, что Диормит не только не умрет, но еще проживет много лет после меня самого».

Молитва Коламбы была принята Господом. Келейник Диормит вскоре выздоровел и прожил не один год спустя день кончины благословенного человека.

О сопротивлении благословенного человека Волшебнику Броихаину и о Встречном Ветре

После всех событий, что описаны выше, в один из дней Броихаин подошел к святому отцу с вопросом: «Скажи, Коламба, когда ты собираешься, наконец, покинуть наши земли и отплыть обратно?» Преподобный ответил: «Если Господь благословит, и мы будем живы, то послезавтра взойдем на корабль». Волшебник смело возразил: «У тебя ничего не выйдет, потому что я смогу поднять Встречный Вам Ветер и навести кромешную мелу». Коламба не спорил, но сказал так: «Всеми делами и намерениями правит Всемогущество Творца. По его слову и Промыслу устраиваются наши дни».

В назначенный срок преподобный вместе с братией пришел к месту, где река Нес впадает в озеро (=Лох-Несский залив). За ними следовала большая толпа народа и несколько пиктских Волшебников:

языческие чародеи радовались, видя, как опускается мгла и крепчает Встречный Ветер.

Иногда Господь попускает демонам творить хитрые козни. Даже Волны могут подвергаться вражескому насилию. Так орды злых духов однажды набросились на святого епископа Германа, когда он плыл из Галлии в Британию ради проповеди спасения людей (имеется в виду миссия св. Германа Осерского IV в. – Авт.). Они бурлили водами, насылали штормы, сгущали туман, закрывали небо и дневной свет. Но каждый раз, раньше чем заканчивалась молитва св. Германа, непогода смиралась, и мгла отступала. Вот и наш Коламба, видя, что стихии поднялись против него, призвал Христа Господа. Он уверенно вошел в лодку и приказал медлившим мореплавателям ставить парус против сильного ветра. Когда все было исполнено, на глазах изумленной толпы корабль с чрезвычайной быстротой двинулся по волнам, и через некоторое время ветер неожиданно переменился на благоприятный. В течение того дня гонимое мягкими и попутными бризами судно путешественников достигло желанной гавани.

Пускай теперь читатель поразмыслит, сколь велик был наш благословенный отец, через которого Господь засвидетельствовал языческому народу Свою Славу знаками чудесной силы, что описаны выше.

О внезапном открытии дверей

При первом посещении пиктского короля Бруда нашим святым отцом случилось так, что снедаемый гордостью король повел себя надменно и отказался открыть двери своего замка Коламбе. Распознав такое намерение властителя, святой вместе с товарищами подошел все же к запертым воротам. Он осенил их крестным знаменем, постучал, а после коснулся рукой тяжелых створок. Немедленно отодвинулись все засовы, двери легко распахнулись, и св. Коламба со спутниками вошел в крепость. Услышав о приключившемся, Бруд чрезвычайно встревожился. Он оставил зал совета и, сопровождаемый свитой, отправился навстречу благословенному человеку. Приблизившись, король почтительно поклонился. Его слова для гостей были словами мира, и с тех пор до конца жизни этот правитель очень почитал святого. Впрочем, так и должно быть.

О похожем открытии церкви в земле двух потоков (=Терри Гласс)

А в другой раз, когда благословенный человек несколько дней жил в Ирландии, он отправился по приглашению навестить братьев, занимавших монастырь земли двух потоков. Но как-то случилось, что, когда святой прибыл в обитель, не смогли найти ключей от церкви. Коламба услышал жалобы и

причитания относительно досадной пропажи. Тогда он сам подошел к запертым дверям и сказал: «Господь имеет власть и силу открыть дом Свой для слуг Своих даже без ключа». При этих словах запоры вдруг неожиданно разомкнулись, двери отворились, и, пока все восхищались случившимся, святой первым вошел в храм. Братья гостеприимно принимали нашего отца, воздавая ему большие почести.

О бедном мирянине, для которого святой сделал пику и благословил ее на добычу диких животных

Очень бедный человек, живший со своей семьей на берегу озера в провинции Лохабер, однажды пришел к святому Коламбе за помощью. Наш отец, зная, что крестьянин не в силах прокормить жену с детьми, оказал ему большую милость. Он повелел мирянину отправиться в лес и принести длинную жердь. Тот послушался, и принесенную палку св. Коламба заострил так, что вышел острый зубец. Благословив охотничье оружие, святой сказал бедняку: «Храни эту пику с осторожностью. При ее помощи ты сможешь убивать только диких животных, рыбу, но не людей или скот. Нужды в пище не будет, куда острога останется с тобою». С радостью человек вернулся домой. Он хитро спрятал пику в месте, где появлялись лесные звери, и с тех пор каждое утро, навещая западню, ему удавалось обнаружить оленя, косулю или другое животное, наколовшееся на зубец.

Когда дом наполнился дичью, удачливый охотник стал продавать излишки соседям, но коварство дьявола настигло его, как и Агама, через жену. По глупости она сказала мужу: «Пойди, вытащи пику. Если случится, что люди или скот погибнут, то нас с детьми продадут в рабство или даже убьют». Супруг поначалу ей возразил: «Такого не может быть, ведь святой обещал, когда благословлял оружие, что оно не поранит ни человека, ни домашнюю живность». Но после он все же отправился за острогой и, принеся оружие в дом, поставил его около стены. Вскоре домашний пес погиб, наколотившись на зубец. Женщина перепугалась и заплакала: «Смотри, теперь кто-нибудь из наших детей может нечаянно погибнуть».

Тогда мирянин унес пику в лес и оставил ее в колючих густых зарослях, куда, он надеялся, не забредет никакое животное. На следующий же день крестьянин обнаружил, что зубец пронзил чью-то заблудившуюся козу. Забрав острогу, он поставил ее в реку, которая по-латыни может быть названа «черной богиней» (=Лохи), спрятав под водой у берега. Утром огромный лосось был найден, и человеку пришлось тащить домой тяжелую рыбку. Пикой он решил водрузить на крышу своего дома. Но когда ворон, пролетая мимо, поранился о зубец и замертво упал на землю, мирянин, оплошно послушавшийся своей жены, снял острогу, изрубил на мелкие кусочки, которые потом бросил в огонь.

С того дня он вновь начал бегствовать. Благословенная св. Коламбой пика могла бы заменить ему любые силки и сети, охоту и рыбалку, останься этот человек благоразумным и послушным словам святого.

Пророчество святого о Либране из тростниковой роши

События, о которых пойдет здесь рассказ, произошли в те годы, когда благословенный отец жил на острове Ио. Однажды из Ирландии к нам в монастырь прибыл некий мирянин, только что облачившийся в рясу клирика. На следующий день св. Коламба нашел его сидящим в гостевой комнате. Святой, по обычаю, стал расспрашивать пилигрима о семье, родине и причинах дальнего путешествия. Человек объяснил, что, желая получить прощение от Господа, он покинул свою провинцию Коннахт и отправился в паломничество. Тогда св. Коламба, стараясь понять природу раскаяния гостя, поведал ему о суровой дисциплине и тяготах монашеской жизни.

«Я готов, – выслушав, ответил ирландец, – к любому послушанию, наложенному тобой, каким бы оно ни было». Короче говоря, в тот час, преклонив колени, он исповедовался во всех своих грехах и обещал исполнить все, что требует закон раскаяния. «Ну, что ж, – сказал наш отец, – тебе следует в течение

семи лет жить в земле Этх (=Тирее). Там ты и совершишь свое покаяние». Обрадовавшись этим словам, пилигрим воздал благодарение Богу, но спросил у святого: «Отче, а что мне делать с принесенной лжеклятвой? На родине я убил человека, меня заковали в цепи, и один состоятельный родственник решил прийти на помощь. Он выкупил меня, спасая от смерти, за что я обещал служить ему во все дни своей жизни. После нескольких лет в рабстве я предпочел послушание Господу, нарушил клятву и отправился сюда, на Ио».

Видя, как озабочен случившимся пилигрим, Коламба ответил пророческими словами: «Когда пройдет время, семь лет исполнятся, ты вернешься сюда в дни Великого поста и на Пасху примешь святое Причастие». Подчинившись Воле святого, ирландец отправился в монастырь долины Лонг, где и провел положенный срок.

Великопостными днями он вернулся на Ио, смог приблизиться к алтарю, причаститься Св. Тайн, а встретившись с благословенным мужем, спросил о своей давней клятве. Преподобный сказал: «Твой земной хозяин жив, твои отец, мать и братья еще в здравии, так что собирайся в путешествие». После этих слов он достал меч, украшенный резьбой из слоновой кости, и продолжил: «Возьми это оружие. Оно станет подарком, который ты предложишь своему родственнику за избавление. Он ни за что его

не примет, потому что послушает совета своей благородной жены и дарует свободу безвозмездно. Но избежав одной ответственности – другой не миновать. Родные братья потребуют от тебя исполнения сыновнего долга по отношению к отцу. Ты должен подчиниться и начать ухаживать за престарелым человеком. Служение окажется кратким. Через семь дней отец умрет, и ты его похоронишь.

Тогда братья станут говорить о долге перед матерью, но здесь на помощь придет самый младший из вашей семьи. Он согласится помогать матери вместо тебя».

Либран взял благословение и отправился на родину. Там все произошло в точности так, как и предсказал святой. Встретившись с родственниками, Либран предложил меч бывшему хозяину. Тот подарку обрадовался, хотел было взять, но его жена сказала: «Мы не достойны принять то, что прислал Коламба. Освободи слугу, и милость святого принесет больше пользы, чем любой выкуп». Муж послушал совета супруги и безвозмездно снял пояс пленника с Либрана.

Затем, по пророчеству Коламбы, Либран ухаживал за отцом, а когда тот умер, предал тело земле. О матери вызвался заботиться младший брат, сказав остальным: «Не следует удерживать в Ирландии того, кто семь лет трудился ради спасения своей души».

Вот так, избавившись от всех печалей, став человеком свободным, Либран простился с родными и

отправился в местечко, называемое по-ирландски Даире-Калкиг (=Дерри). Там он нашел корабль, отправляющийся в Британию. Но моряки, как ни просил пилигрим, отказывались взять его на борт. Мысленно Либран обратился к святому Коламбе (который хотя был далеко, но духом присутствовал в Дерри, как позднее выяснилось): «Угодно ли тебе, отче, чтобы эти люди, отвергающие твоего монаха, плыли на полных парусах при попутном ветре?» Стоило ему так произнести, как ветер изменился на встречный, и моряки, видя бегущего по берегу за кораблем человека, решили остановиться. Они спросили у незнакомца, не он ли причина такой перемены, и если команда возьмет человека с собой, наполнятся ли вновь паруса? «Святой Коламба, к которому я направляюсь, – ответил им Либран, – сможет заручиться у Господа попутным ветром, если вы примите меня». И когда моряки подошли к суше, а пилигрим оказался на палубе, быстрое плавание к британским берегам тотчас же началось.

Благополучно достиг Либран острова Ио, и благословенный муж с радостью его встретил, после чего сказал: «Ты будешь зваться Либраном, потому что свободен. Долгая жизнь ожидает тебя, но твое Воскрешение совершится не в Британии, а в Ирландии». Либран опечалился и, опустившись на колени, горько заплакал. Коламба же стал его утешать: «Вставай, не стоит унывать. Ты скончаешься

В одном из моих ирландских монастырей. Среди избранных монахов будет твое место до дня всеобщего Воскресения». Утешившись, Либран с миром удалился в ту обитель, где провел семь покаянных лет.

И это пророчество святого полностью сбылось. Спустя много лет, по каким-то монастырским делам Либран был отправлен в Ирландию. Он сошел на берег и через долину Брега добрался до дубовой рощи (=Дурроу). Там его радушно приняли, но вскоре он заболел и на седьмой день отошел ко Господу. Либрана похоронили на монашеском кладбище, как и предсказывалось раньше.

Вот такие чудесные события произошли с человеком, которого называли «Либран из тростниковой рощи», поскольку много лет до всего этого он работал на сборе тростника.

О молодой женщине, которая как дочь Евы страдала сильнейшими муками при родах

Однажды, когда святой проводил время в своей хижине на Ио, он вдруг оторвался от чтения и с улыбкой сказал: «Мне нужно поторопиться в часовню нашего монастыря. Сейчас в Ирландии некая молодая женщина рождает ребенка. Она охвачена тяжелейшими муками, кричит и призывает имя Коламбы с надеждой, что Господь облегчит страдания через меня, ее дальнего родственника. Эта несчастная

происходит из родни моей матери». Сказав так, святой (чувствуя жалость) побежал в церковь и, преклонив там колени, молился за роженицу Христу, Сыну Человеческому.

Спустя некоторое время благословенный игумен вышел из храма, и монахи, собравшиеся его встретить, услышали следующее: «Вот, Господь Иисус, рожденный от женщины, явил Свою милость и освободил тяжко страдавшую. Она благополучно произвела на свет ребенка и в этот раз не умрет».

Именно тогда, согласно пророчеству святого, несчастная, призывавшая имя благословенного человека, почувствовала облегчение и выздоровела.

Обо всем происшедшем рассказали несколько позднее люди, которые пересекли море – они были из той же ирландской провинции, где жила эта женщина.

О мудреце Фехне и его покаянии

В другой раз святой отец сидел на вершине холма, откуда хорошо виден наш монастырь. Повернувшись к своему келейнику Диормиту, он произнес: «Удивляюсь, что корабль из Ирландии приближается так медленно, ведь под его парусом плывет мудрый человек со слезами раскаяния из-за совершенного преступления».

Спустя немного времени Диормит разглядел судно, с южной стороны подгоняемое ветром. Когда

оно вошло в гавань, келейник сообщил об этом святому. Коламба тотчас же поднялся и сказал: «Идем скорее, встретим пилигрима, чье покаяние действительно примет Христос».

Оказавшись в гавани, они увидели, что сошедший на берег Фехне бежит к ним навстречу. Встав на колени около нашего отца, ирландский мудрец зарыдал, а потом исповедовался перед всеми, бывшими там. Св. Коламба, чьи глаза были полны слез, поднял Фехну со словами: «Вставай, сын мой, и утешься. Грехи твои прощены, ибо написано: «Сердце сокрушенного и смиренного Ты не презришь, Боже».

Фехна радостно благодарил святого, а через несколько дней его отправили к Байтену, который тогда был настоятелем в долине Лонг. Мудрец ушел с миром.

О Лугне Тудикле, которого ненавидела жена

На острове Рехру, где однажды гостил св. Коламба, жил лоцман по имени Лугне. Он был женат, но супруга питала к нему настолько сильное отвращение, что отказывалась разделять брачное ложе. И вот Лугне отправился к нашему отцу с жалобой на строптивую суженую. Святой, выслушав лоцмана, призвал эту женщину для беседы. «Почему, – спросил ее Коламба, – ты хочешь отвергнуть твою собственную плоть? Господь говорит о браке: «Да будут два едины». Плоть мужа

твоего – твоя плоть». Жена горячо ответила: «Благословенный человек! Я готова нести любое послушание, каким бы тяжелым оно ни было, только не заставляй меня подниматься на супружескую постель с Лугне. Вся домашняя работа станет выполняться как и прежде, и если ты повелишь мне пересечь море, чтобы стать монахиней в каком-нибудь монастыре, я сделаю это». Выслушав женщину, святой сказал: «Ты говоришь о невозможном, твой муж еще жив, и вы связаны законом. Бог соединяет людей в семью, и ничто не должно разрушить благословенное свыше. Поступим так: сегодня втроем будем соблюдать строгий пост и молиться». Супруги согласились, а жена смирилась со словами: «Я знаю, что если ты попросишь, то исполняется самое маловероятное и даже невозможное».

Итак, Лугне с женой и наш отец этим днем начали поститься и читать священные псалмы. В наступившую ночь святой Коламба даже во сне молился за семью лоцмана, а на следующее утро спросил у пришедшей женщины: «Ну что, готова ли ты и сегодня отправиться монахиней в дальнюю обитель?» «Отче, – ответила она, – Господь услышал твою молитву, и тот, кого я вчера не могла терпеть, теперь мне бесконечно дорог. Не знаю как, но прошлой ночью мое сердце переменилось с ненависти на любовь».

С той поры чувства жены к мужу до самой ее кончины оставались неизменными, и она никогда не отвергла своего супруга Лугне Тудикла.

О том, как почтенный человек ехал на колеснице без чеки

В другой раз, когда по церковным делам святой некоторое время находился в Ирландии, ему предстоял длительный путь. Наш отец благословил запряженную колесницу и дал распоряжение к отъезду. По чьему-то недосмотру в колеса не доставало нужных креплений к оси (=чеки). А колесничим со св. Коламбой в тот день был праведный муж Колман, сын Эхуида, – основатель монастыря, который по-ирландски называется Снам Лутхир (=Сланор). И за целый день езды, а им пришлось много проехать, колеса не только не отвалились, но даже не расшатались, хотя, как уже сказано, держались без необходимых приспособлений. Так одна Божия милость помогла Коламбе следовать в нужном направлении без препятствий и опасностей.

Пусть будет уже достаточно написано о чудесах, которые Господь осуществил через сего достопамятного человека в его земной жизни. Теперь следует упомянуть о таких удивительных делах, что с помощью Божией произошли после блаженной кончины святого.

О дожде, оросившем жаждающую землю после нескольких месяцев засухи

Чудо, о котором пойдет речь, было явлено в наше время (то есть при жизни самого Адамнана. – Авт.), и мы видели все собственными глазами. Лет семнадцать

тому назад, по Весне, на монастырских полях приключилась страшная засуха. Она была столь длительной и суровой, что казалось, будто на людей, словно преступников, сошло произнесенное в книге Левит проклятие Господне: «Я дам вам небо над вами, подобное железу, и землю, подобную бронзе. Земля откажет родить, и деревья не принесут плодов». Помня про грозные слова, мы решили поступать так: старейшины должны были взять белую тунику, в которой скончался благословенный отец, книги, написанные его рукой, чтобы трижды обойти недавно вспаханную и уже засеянную долину. Затем на холме ангелов, где святой Коламба однажды беседовал с небожителями, троекратно поднять и опустить тунику, а после зачитать из его манускриптов.

Когда все задуманное совершилось и старейшины закончили свое дело, произошло невероятное: небо, остававшееся весь март и апрель безоблачным, затянуло пришедшими с Океана тучами. Начавшийся сильнейший дождь лил день, а после ночь. Вся земля наполнилась влагой, так что в назначенный срок мы сняли обильный урожай зерна.

Смотрите, как воспоминание имени благословенного человека, принесение его книг и белой туники оказали спасительную помощь многим народам и областям.

*О Встречных Ветрах,
что стали попутными*

Достоверность чудес, происшедших в давние времена, которых мы видеть своими глазами не могли,

подтверждается другими, и о них нам, свидетелям, стоит подробно рассказать. Трижды Встречные морские ветры сменялись попутными.

В первый раз на берегу лежали сосновые и дубовые бревна, из них можно было построить дом или соорудить корабль. Так вот, мы в церковном алтаре поместили книги и одежды святого отца. С псалмопением и молитвой братия просила его стать нашим заступником перед Господом и заручиться попутными ветрами. Милостивый Создатель жаловал своему преподобному все необходимое, и в тот день, когда монахи собрались буксировать по морю дровесину, ветер, что все предыдущее время был Встречным, переменился. С Божией помощью, благоприятными бризами на полных парусах драгоценный груз прибыл в бухту острова Ио.

Через несколько лет, когда начался ремонт нашего монастыря, корабль вез из устья реки Сале необходимую дровесину. Стоял тихий день, и судно шло на веслах, покуда вдруг не задул Встречный ветер Фавоний, который именуется также Зефиром. Мы спешно повернули к острову Аиртраиг, чтобы найти там гавань и переждать. Среди моряков начались жалобы, и, как это бывает, кое-кто стал упрекать святого Коламбу: «Тебе, благословенный отец, похоже, нравятся всяческие препятствия, а мы рассчитывали на твое сочувствие и помощь в наших делах. Нам казалось, что ты в большом почете у Господа». Минуло совсем немного времени, как вдруг Встречный Фавоний, к удивлению, спал и задул

попутный Вильтурн. По нашей просьбе, моряки поставили реи крестом, подняли паруса и натянули канаты. Мягкие бризы радостно провожали нас до самого Ио. Все путешественники и дровесина достигли благословенного берега.

Эта, пусть даже и легкая, но сварливая жалоба на святого пошла нам на пользу. Поистине, в Великой милости у Господа находится тот, по чьей молитве ветра меняют свои направления.

В третьем случае, возвращаясь летом из Ирландии, где проходил Собор (Собор 697 г. в Бирре. — Авт.), из-за плохой погоды нам пришлось задержаться среди людей Туата Лоэрн. Праздничная ночь памяти святого Коламбы ожидала нас не в обители Ио, а на острове Саин. Конечно, мы загрустили. Такое радостное событие хотелось встретить дома. Вновь начались жалобы: «Угодно ли тебе, святой отец, — так говорили недовольные, — чтобы твой праздник нами был встречен среди мирян, а не в монастырском храме? Неужели ты не можешь заручиться помощью Господа, послать попутные ветры, и тогда твои монахи совершат Литургию там, где должно, на Ио?»

Прошла ночь, и на рассвете мы проснулись и с радостью увидели, что встречные ветры стихли. При полном штиле наш корабль вышел в море, и тут же в спину подул нужный южный ветер, который зовется Нотом. Моряки, ликуя, подняли парус, так что путешествие оказалось удивительно быстрым и легким. После третьего часа судно причалило к острову Ио. Омыв руки и ноги, вместе с остальными

братьями мы вошли в церковь, а уже в шестом часу совершили Евхаристию.

Много морских миль разделяют острова Ио и Саин, но чудо, о котором вы теперь знаете, готовы подтвердить не только два или три требуемых законом свидетеля, а целая сотня.

О чуме

Велики и многочисленны чудеса, совершенные нашим святым покровителем. Теперь подумайте о страшной чуме, которая в нынешние времена дважды опустошала большую часть земли. Если не вспоминать о европейских странах, таких как Италия, с самим городом Римом, Галлия, что на этой стороне Альп, или Испанские провинции, отделенные Пиринейскими горами, то Острова Океана Британия и Ирландия едва не погибли, охваченные смертельной болезнью. По милости Божией, лишь ирландцы и пикты, что жили в британских землях за горным хребтом, избежали суровой участи.

Нет народа без великих грехов, за которые Вечный Судья всегда может покарать, но людей из этих племен Он терпеливо щадил. Кому еще, как не святому Коламбе, следует приписать такое Божие благоволение? Его монастыри находятся в пределах обоих народов, и до наших времен их держат в большом почете.

Но то, что я хочу сейчас сказать, нельзя слушать без горечи. Среди ирландцев и пиктов

оказалось очень много неразумных людей, которые не желают знать про заступничество святых и отвергают милосердие Господне. Мы же часто благодарим Бога, Который молитвами нашего достопочтенного покровителя уберег нас от вторжения чумы как на этих островах, так и в Англии, когда мы навещали своего друга короля Алдфрихта во время свирепства болезни. Тогда погибали целые деревни, но Господь направлял нас так, что никто из спутников не умер и даже не заболел.

Теперь завершается Вторая книга о чудесах св. Коламбы. В ней я опустил несколько известных событий, чтобы благочестивый читатель не успел пресытиться.

ГЛАВА 2. СВЯТОЕ ИЗГНАННИЧЕСТВО

*«Он оставил Ирландию и, мир заключив,
На легких судах пересек китов вольеры.
... Он мудро вел бои с своею плотью,
читал, учась – храбрец в просторах моря.
Он штопал парус, поднимал его –
Мудрец, которому награда – Царство
... О Колум Килл, огонь Ниалла!
Среди людей ему нет равных».*

*(Фе бо реир Колумб,
ирландская поэма XI в.)*

«Из неприметной гавани отчалила в западном направлении лодка. Люди, собравшиеся на берегу в этот ранний час, недоумевали, видя, как монахи, управлявшиеся с легким кораклем, начали ставить парус против встречного ветра. Они не слышали, что говорил святой Коламба своим собратьям, и, конечно, не догадывались про замыслы пиктских Волшебников, собиравшихся помешать инокам Айоны. Никто, кроме святого человека, не знал, сколько ненависти, зависти и злобы накопилось в сердцах языческих жрецов с тех дней, когда христианская миссия достигла пиктских земель. Но, по молитвам отца нашего Коламбы, встречные ветры обращались в попутные. Там же, в дикой стране, он однажды взял белый камень из реки, благословил его так, что тот стал целебным от многих болезней. Вопреки природе этот камень, погруженный в воду, плавал словно яблоко. Чудо Божие было тогда явлено в присутствии короля Бруда, его придворных, и пиктские Волшебники оказались посрамлены».

(Адамнан. «Житие св. Коламбы»)

Один из известнейших кельтских святых, современник первого настоятеля Айоны, которого иногда именуют Колаамбой Младшим († 615), но чаще Колумбаном или, на латинский манер, Колумбанусом, говорил: «Человеческая жизнь, как один день странствия. Она – лишь дорога к жизни, но не жизнь. Наш долг – ни к чему не привязываться на этом пути. В дороге, – учил он, – никто не живет, по ней идут, и тот, кто идет, тот придет на Родину и будет жить там. Отечество – где Отец наш Небесный. На земле же у нас нет пристанища». Кельтская Церковь любила странничество. Ее первым пилигримом был, несомненно, сам Просветитель Ирландии св. Патрик. Еще в 16-летнем возрасте ему пришлось пережить, пусть вынужденную, но свыше предначертанную разлуку с близкими сердцу людьми и родной Британией. Вероломно захваченный в плен, из ирландского раба он превратился в христианского миссионера, после долгих скитаний вновь вернувшегося на «Зеленый остров» уже в сане епископа. Св. Патрик скучал по далекому дому и «был бы счастлив» увидеть свою семью, но «Христовы мили» (miles Christi) пролегли вдали от британских пределов и мимо крова его галльских друзей. Просветитель говорил, что сделался «рабом во Христе народа чуждого ради непреходящей славы Господа и вечной жизни в Нем»¹.

Как правило, человек, собравшийся в неблизкий путь и однажды перешагнувший порог своего дома, испытывает противоречивые чувства. Но если св. Патрик еще сомневался относительно собственного призвания и способов его осуществления, то родившийся веком позже св. Колумбан, невзирая на

¹ Sancti Columbani Opera. Walker G. S. M., Dublin, 1957.

мольбы горем убитой матери сотворил поклон и отплыл к берегам Европы. Он и его ученики, вдохновленные идеалами столь широко практикуемой в Ирландии восточной аскезы, отважились на миссионерское служение среди чужаков-язычников. Им предстояло свести воедино жизнь странствующих проповедников с укладом довольно строгой монашеской общины. В таком сочетании двух явно противоречащих друг другу образов бытия скрывался конфликт. Миссионерство предполагало универсализм апостола Павла, то есть активное служение другому народу. Аскеза требовала созерцательного и размеренного существования. Тем не менее успех ирландской миссии в Галлии Меровингов был столь велик, что составители Житий часто приписывали кельтское происхождение святым, не имевшим к Ирландии никакого отношения. Писатель IX в. Уилфрид Страбо (Walahfrid Strabo) говорил, что страсть к пилигримству (паломничеству или путешествию вообще. – *Авт.*) «стала второй натурой ирландца». Замечание это, вполне справедливое, требует некоторых пояснений, иначе «страсть» так и останется романтической чертой характера средневекового кельта.

В древней, еще языческой, Ирландии существовала и широко применялась практика присуждения к изгнанию за различные тяжкие деяния. Клановое устройство общества, родовая власть, опиравшиеся на широко почитаемое родство крови, имели столь важное значение в национальном сознании, что для ирландцев преступления против семьи или вождя туата считались тягчайшими. Человеку, совершившему убийство своего близкого или приемного родственника, уличенному в кровосмешении или измене главе рода, юридическая система выбора

не оставляла. Преступник мгновенно терял семью, покровителей, землю, права и надежду на помилование. Подобно библейскому Каину, он отсекал все нити, прежде связывавшие его с сородичами, и дикая пустыня произносила свой собственный приговор над тем, кто позволял вести себя подобно зверю. Ссылка становилась мерой наказания, в которой Божия воля являла себя над изгоем, терпящим лишения от непогоды, хищников, демонов и врагов в незнакомой земле.

Кельтская «страсть к путешествиям» формировалась также под влиянием устного литературного наследия, бережно сохраняемого друидами. Существовало бесчисленное количество легенд, рассказывающих о таинственных «Островах Благословенных», о величественных землях, ушедших под воду, таких как Лионесс между Британией и Францией или Хай Бразил у юго-западного побережья Ирландии. Морские путешествия, невероятные и фантастические приключения, пожалуй, самая популярная тема раннеирландской литературы. В плаваниях Брана Благословенного, Маэл Дуина загадочные острова представляли собой мистические центры среди пустынного моря, они были чем-то вроде границы, отделявшей физический мир от иной реальности. «Путешествие Брана» рассказывает, как бог моря Мананнан Мак Лир, бог воображения превращает океан в цветущую долину, волны – в кустарники, рыб – в резвящихся барашков, и кажется, что судно движется по фруктовому саду. Брана зовет прекрасная женщина, поющая песнь:

Не ложись в постель праздности,
Не дай хмелю одолеть тебя,
Отправляйся скорее в море.

Постоянное повторение циклов рождения, перемещения между мирами, поиски Другой Страны идеализировались с легкой руки друидов. Даже традиционная «разминка» современного ирландского рассказчика берет свое начало в древних поэтических приемах: «Фад-фад» или давным-давно, если бы я был там тогда, я бы не был там теперь; если бы я был там теперь и в то время, то у меня была бы новая история, или старая история, или у меня не было бы никакой истории».

С началом распространения христианства старинная практика оказалась освящена новозаветными идеями добровольного отвержения мира ради спасения и духовного совершенствования. Теперь ирландское общество оставляли как плохие, так и хорошие люди. Убийцы уподоблялись диким существам, так как их внутренняя природа противоречила качествам нормального человека, и жить им следовало по законам варваров. Те же, кто считал себя грешником (а мир почитает их теперь святыми), покидали прежнее свое отечество для борьбы с искушениями плотских удовольствий, для отсекания различных соблазнов. Отказавшись от помощи семьи и соплеменников, странствуя в глухой юдоли среди лихих людей и опасных тварей, они достигали высокой степени духовного опыта. Так пустыня, приводившая преступника к окончательному одичанию, делала монаха совершеннее любого человека.

В ирландской литературе нередко упоминается одна и та же ситуация, когда нарушителя закона сажали в лодку, лишённую весел, и оставляли на волю морских волн. Дело касалось обычных обреченных ссыльных. Но уже в Житии св. Патрика (X в.) история выглядит несколько иначе. В ней Просветитель

повелевает некоему Массуи'у, обращенному в христианство тирану, отправиться на суденышке без руля и запаса провизии, буквально, куда погонит ветер. Когда приговор святого был исполнен и необходимое время епитимьи закончилось, лодка пристала к острову в Океане. Там несчастный встретил двух монахов-отшельников и поселился у них, до конца своих дней проводя время в молитве и посте. Житие наставляло, что, в конечном счете, судьба каждого человека в руках Бога и жизнь кающегося грешника предается воле Властителя Всех стихий².

Однако история благочестивого изгнанничества ирландских подвижников – это не столь романтический рассказ о храбрых отшельниках, скрывающихся в непроходимых лесах, горах или дрейфующих среди Океана. Составители Житий превозносили стремление святых оставить свою родину. Они восхваляли морские путешествия св. Брендана, уединенный мир иноков, св. Аилбе, и даже сами удалялись в поисках временного отшельничества, как правило, по стопам своих героев. Тем не менее, широко известных примеров успешного изгнанничества святых мы знаем весьма немного. История peregrinatio pro Christo (странничества ради Христа), «белого мученичества» – полное драматизма повествование о том, как образовались уникальные культурные, политические и социальные системы, простирающиеся из Ирландии до земель славян на Востоке, Рима – на Юге и до

² Об этом еще в V в. писал св. Исихий: «Искушения избличают, то есть превосходят силы человеческие; почему Господь говорил: «бдите и молитесь, да не внидите во искушение». Как мореплаватели, будучи застигнуты бурей, побеждающей всякое искусство и ухищрение, спасаются чрез призывание Бога, так и находящимся во искушениях не должно полагаться на свою силу, но иметь одно упование на Бога».

Северо-Запада Европы, включая наше Приладожье. Это рассказ о кельтах, «факелоносцах раннего Средневековья», спасших Европу от варваров. В отличие от тех, кто становились изгоями за свои преступления и собирались в шайки разбойников, монахи-пилигримы искали на чужбине новых общественных связей взамен оставленных и создавали иные общины, помня о покинутых. Куда бы ни направлялись эти «взвукующие христиане», они несли свое собственное представление о монашестве и неустанный желанье созидать иноческие обители.

Среди наиболее известных добровольных изгнанников были св. Фурса, проповедовавший во Франции, св. Галл, св. Мочуда, посещавшие германские земли, св. Колумбан, основавший несколько монастырей в Ломбардии, св. Киллиан, до сих пор почитаемый южными немцами. Летописец – монах IX в. Дикуиль – пишет о Северных Островах, где сотни лет жили ирландские отшельники, а скандинавские саги X – XI вв. упоминают кельтских иноков, с которыми встретились викинги, достигшие берегов Исландии. Благодаря удивительно бережному отношению составителей Житий к географии, можно реконструировать картину евангелизации земель Шотландии общиной Айоны, Северо-Востока Британии – общиной Линдисфарна и ее главой св. Айданом, а также путь кельтской миссии на Западе. Там евангелизация происходила довольно необычным образом. Пиратские набеги вызывали постоянный поток беженцев из Девона и Корнуолла в Арморикю на Французское побережье, которое переселенцы называли Бретанью. Великий епископ Самсон из Дола, проповедовавший в Корнуолле, стал миссионером и на континенте. Бретань дала целый сонм святых кельтского происхождения. Смелые мореплаватели-ирландцы на легких, обтянутых кожей судах выходили в открытый океан, надеясь обнаружить «Землю, обетованную святым». Отсюда множество историй, посвященных св. Брендану Клонфертскому.

Традиция пилигримства в Ирландии не похожа на все остальные европейские. Представление о жизни как о дороге было понятным религиозным чувством и для многих других христиан средневековья, но именно ирландцы, а в более широком смысле народы Северо-Запада Европы, относились к реаль-

ности, в том числе географической, не столько как к Пространству, но как к Пути. В их представлении Океан становился началом объединяющим, а не разделяющим. «Путь начинается дома», – так говорили скандинавы, и для кельтов море могло быть водой и цветущим лугом одновременно. Паломничество к родным святыням становилось очень важным занятием. Монахи, миряне – те, у кого не хватало средств, сил, духовных или физических, для путешествия на континент, шли «Христовыми милями» по дорогам своей страны. Они посещали монастыри, лишённые европейской помпезности, но хорошо обустроенные, где их охотно принимали, предоставляя кров и пищу. Паломники, в свою очередь, снабжали такие обители различными товарами и оказывали необходимую помощь. Простые крестьяне, если заболели, могли дать себе короткий отдых от трудов, достаточный для того, чтобы добраться до монастыря, помолиться об исцелении и вернуться обратно. Летописцы упоминают немалое количество особ королевской крови, удалявшихся в такое одиночество. Кроме того, в Ирландии образ идеального места поклонения остался образом священного, труднодоступного места, удаленного от повседневной житейской суеты. В Европе же очень скоро развилась практика перемещения реликвий с места их первоначального нахождения в места наибольшего скопления пилигримов; тогда как в Ирландии практика паломничества основывалась на путешествии к святым местам, многие из которых имели языческое прошлое.

Тем не менее, даже такое, вполне социально регулируемое, паломничество вызывало подозрение некоторых агнографов. Кое-кто считал, что само желание монаха предпринять паломничество внушалось дьяволом. Злые ангелы нередко нападали

на странника, оказавшегося за стенами обители. Знаменитые великие святые Комген и Мочуда не избежали «демонов бродяжничества». Эти духи прилепились к обуви святых из-за совершения ими небольших грехов, пока, наконец, подвижники не распознали злые козни и не прогнали их. Одни авторы прославляли странничество, другие – в бенедиктинском духе – его критиковали. По мнению вторых, изгнанничество приводило к разрушению монашеской общины, снижая как ее миссионерскую деятельность среди населения, так и безопасность существования за стенами монастыря. Несомненно, что к IX в., если не ранее, члены монашеских общин начали стремиться к регулированию и ограничению добровольного самоизгнанничества.

Некоторые пытались восставать против консервативной антистраннической концепции духовников и игуменов. Однако весьма часто Сам Бог принимал сторону консерваторов, посылая ангелов и совершая чудеса, чтобы предостеречь того или иного монаха от попытки пуститься в странствие, показывая тем самым, что странничество менее полезно и даже менее желательно, чем миссионерская деятельность в родной стране. Для добровольного изгнанничества необходимо было получить разрешение игумена. Иноки из монастыря Клауин Эйднех отправились в Британию через Беннчор, не спросив разрешения Святого Финтана. Вскоре другой монах, придя к Святому Финтану, стал жаловаться на то, что он скучает по своему другу, отправившемуся с другими в Британию. Он стал просить разрешения последовать за ними в добровольное изгнание. Но преподобный посоветовал собрату не печалиться, «ибо, – сказал он, – сегодня же твой друг вернется. Сердце его не нашло успокоения в странничестве».

Редко кто из святых отказывал себе в том, чтобы хоть раз в жизни посетить Рим – излюбленное место с точки зрения как

поклонения святыням, так и приобретения сувениров. Очень мало кто из посетивших Рим возвращался с пустыми руками. Римляне вели деловую торговлю святыми реликвиями. Во всяком случае, так нам это преподносят составители Житий. Святые привозили с собой римскую землю для освящения кладбищ в Ирландии, освященное масло и вино, кусочки костей свв. апостолов Петра, Павла и Фомы, частицы от Гроба Господня и Иерусалимского Храма, волосы Пресвятой Богородицы, частицы одежды свв. апостолов, посохи, книги, Евангелия, облачения и колокола.

Но что еще более важно, они получали «*dignitas honore*» («признание и почет») от самого папы, что возвышало их в глазах соотечественников. Некоторые святые защитили свои диссертации в Риме. И это было бесценным преимуществом, ибо тот, кто учился в Граде Святого Петра, был ближе к истокам Истины и получил о Ней лучшее представление.

Сам по себе факт паломничества в Рим, помимо приобретения святынь и хиротоний, давал уважение пилигримам. Предполагают, что Маедок избрал себе в преемники тех в монастыре Друим Летан, кто сопровождали его в паломничестве в Рим, ибо таковые показали себя более благочестивыми, чем те, кто малодушно предпочли остаться дома. Помимо Рима в качестве святых мест чаще всего называют Тур и несколько храмов в Уэльсе. Тур высоко почитался ирландскими христианами благодаря его святому воину-целителю Мартину Турскому. А общины, созданные св. Давидом и другими святыми Уэльса, играли важную историческую роль во взаимовлиянии ирландского и британского благочестия. Это не совпадение, не случай, что ирландские, шотландские и валлийские монахи, покинувшие родные берега, первыми были прославлены и увенчаны нимами кельтской святости. Нет пророка в своем отечестве. Опыт

изгнанничества стал важной частью романтической притягательности кельтского христианства. Ирландцы, скотты, валлийцы, расселившиеся по Европе под натиском англо-саксов и викингов, не могли не идеализировать свою родину. Они любили ее землю и Церковь. Им принадлежит становление двух наиболее сильных идей, что на протяжении многих столетий будут ассоциироваться с кельтским христианством: ярким чувством тоски по утраченному дому и вечным ощущением изгнания и путешествия.

Самым известным странником кельтского христианства был, конечно, св. Коламба. Ему суждено носить имя «совершенного пилигрима». Ни в каком другом агиографическом повествовании идеал паломничества не нашел себе столь последовательного и глубокого отражения, как в Житии, датированном самым концом XI века. Безымянный монах из Дерри, автор этого произведения (*Betha Coluim Cille*; ВСС – 1100), шел по стопам Адамнана, и то, что последний в 700 году составил на латыни, теперь легло в основу средневекового текста о первом игумене Айоны уже по-ирландски. Многие сближает эти рассказы. Так, в латинском Житии, св. Коламба отправляется в паломническое путешествие чуть ли не в качестве наказания. Его изгнание выглядит почти принудительным и связано с обвинением: он виновник битвы при Кулл Дребне (см. гл. 1). Иное дело повествование на исходе XI в. (далее ВСС-1100). Как раз в нем и можно отыскать истинное определение *peregrinatio pro Christo*. Ни у Адамнана, ни в третьем Житии, написанном уже в последний год XV в. (*Manuj O'Donnell Betha Colaim Chille*; ВССh – 1500), ничего подобного нет. Описание паломничества составляет «пролог» этого Жития, предназначенного для проповеди в день памяти Святого, 9 июня. Начинается он с библейской цитаты Книги Бытия (12, 1), где Господь повелевает Аврааму оставить

Харран, и сам патриарх называется агиографом «первым совершенным пилигримом». Далее происходит описание трех различных причин, побуждающих человека стать паломником, и в соответствии с этим трех различных видов паломничества.

1. Ex Deo [от Бога] – непосредственный призыв Бога, ведущий к жизни верного монаха. Так были призваны два первых великих анахорета свв. Павел и Антоний.
2. Per hominem [через людей] – личный пример, проповедь человека, посылаемого Господом, могут послужить причиной действия. Люди Израиля последовали за Моисеем, а св. Кассиан вдохновился примером св. Антония.
3. Ex necessitate [по необходимости]. Здесь подразумеваются особые обстоятельства, при которых человек, попав в смертельную опасность или потеряв привычные блага жизни, здоровье, близких, вынужден сам обратиться к Всевышнему.

Все эти три причины предполагают, прежде всего, отказ от предыдущего образа жизни, но ни одна не подразумевает обязательного постоянного перемещения в пространстве.

Завершается «Пролог» латинской строкой из Книги Псалмов «Услышь, Господи, молитву мою... ибо странник я у Тебя и пришелец...» (Пс. 38, 13), в которой латинское слово «peregrinus» (странник) переведено двумя ирландскими словами. Первое «ailithre» изначально употреблялось для обозначения паломничества. Второе «deotade» имело добавочный смысл «высылка, ссылка». Таким образом подчеркивалось, что св. Коламба не был приговорен к выезду из страны, но стал добровольным изгнанником, отправившись в паломничество по своей воле, как и многие из слуг Господа.

Alio Intēn pone un beatur.
In mediterranea ebhūm
pauet monar tēnū quod sic
tice dū dam maz diuino fuer
dant nūti pā aliquot dū nona
tur mber. Libere animo uiri
tane pnatū. qui In clonobis
pē cenam cenabio commane
bant. Audito q: eur accessu
unūq: si andiq: ab agellū mo
nar tēno uenit. Cum his qui
ibidē In uirtisunt congrūa
ti. Cum omni alacritate ru
um conrequitū abbatē ali
thēnum pō col quat angē
lo dñi obuiā egressi ualūm
monar tēni un animū pā
sunt. humiliatūq: In obnam

«Шаффаузенский Агамнан».

Страница «Жития св. Коламбы». VIII B.

Вообще, сравнивая два житийных списка, можно заметить, что Адамнан старался изобразить Коламбу прежде всего как настоятеля островной монашеской общины, аскетичного и бесстрашного миссионера, совершающего проповеднически экспедиции в земли пиктов. Автор ВСС-1100 основным в деятельности святого считал создание им монастырей в самой Ирландии, строительство храмов. И вот уже когда многолетний труд на «Изумрудном острове» был окончен, – пишет ирландец, – лишь тогда «Колумба решил осуществить то, о чем мечтал в юности – отправиться в паломническое путешествие» (ailithre). Он собрался морем добраться до скоттов, бриттов и саксов, чтобы рассказать им о Боге. Его команду, повторюсь, составили 20 епископов, 40 священников, 30 диаконов и 50 послушников (у Адамнана – всего 12 учеников. – *Авт.*). Само по себе повествование, касающееся периода паломничества, в ВСС-1100, на удивление, занимает мало места, хотя в Шотландии святой провел целых 34 года своей жизни.

При очевидном отличии во взглядах на личность св. Коламбы оба сочинения обнаруживают в нем явную неугомонность и подвижность. Ни многочисленные миссионерские поездки, ни поиски пустынной земли в определенном месте так и не заканчиваются. Похоже, в Житиях проповедование понимается как неизбежно влекущее за собой странствия, а странствия – как часто подразумевающие проповедование.

Айона, Ирландия, Британия – это острова в Океане, расположенные в самой отдаленной части обитаемой земли, омываемой великими водами. Вдоль побережья европейского континента лежат Галлия и Испания. За Галлией – Италия, отделенная Альпами, и в ней глава всех городов – Рим. Европа

огромна, а острова словно песчинки, лежащие далеко в Океане. Все значимое в мире – не только религия или книги, или вино, но безжалостная чума идет через Европу и доходит, в конце концов, до Айоны – самой окраины. Святой Коламба побеждает чуму, и теперь слава о нем исходит сначала в Ирландию, затем достигает Британии, а после Европы, и, конечно, Рима. В восприятии Адамнана Вечный город и Айона соседствовали: самое центральное (после Иерусалима) место мира и самое малое, отдаленное, но не менее важное место.

Одной из основных особенностей текста Адамнана, пожалуй, является обилие подробностей, связанных с мореплаванием. Практически в каждой главе упоминается море. Читатель узнает о плавании в Ирландию и обратно, на о. Скай и к Оркнейским островам, из Галлии на Айону, а также из Галлии в Британию. Ему рассказывают о непродолжительных путешествиях вокруг соседних островов для основания монастыря. Адамнан не скупится на описание деталей. Иноки идут на веслах под парусом. Вокруг Айоны бушует Океан, вздымаются волны, шторм обжигает холодом, но путешественников трудно испугать. Они знают эту стихию. Автор жития упоминает про опасные водовороты и обнаруживает тонкое понимание различных ветров и их классических латинских названий. Также мы можем понять, как монашеская община относилась к морю, рассматривая чудеса, описываемые Адамнаном. В нескольких эпизодах молитвы святого Коламбы укрощали стихию, и читатель видел, что со всем своим могуществом и силой море находится в Божественной власти, оно творение, в нем соблазны

и искушения для святых, но в его же недрах можно узреть чудеса и силу Господни.³

В средневековой поэзии и прозе сложилась распространенная традиция пристального интереса к тому, что Коламба покинул Родину. В основу всех драматических рассказов о его отплытии легло представление о паломничестве, предписанном в наказании. Причиной тому более широкое распространение легенды, приведенной в первой главе. Существует множество поэм, рассказывающих о том, как Коламба жил в изгнании, храня в душе и сердце печаль о любимом Зеленом острове.

Прекрасны Дарр и Дерри;
Прекрасен чистый Рафу;
И плодоносный Драмхон;
Прекрасны Келлс и Сод.
Тем более прекрасны
Широких вод разливы
И под крылами чаек
Далекий горизонт.

(пер. С. Красовицкого)

³ «Отправляющиеся на кораблях в море, производящие дела на больших водах – Видят дела Господа и чудеса Его в пучине. Он речет, – и восстает бурный ветер и высоко поднимает волны его: Восходит до небес, нисходит до бездны; душа истаявает в бедствии; Они кружатся и шатаются как пьяные, и вся мудрость их исчезает. Но воззвали к Господу в скорби своей, и Он вывел их из бедствий их. Он превращает бурю в тишину, и волны умолкают». (Псалом 106, 23 – 29.)

КНИГА ТРЕТЬЯ Видения святого Коламбы

Предисловие к третьей книге

В первой книге кратко изложены события, касающиеся пророческих откровений Коламбы; во второй пересказаны чудеса, совершенные через благословенного человека; здесь же говорится о явлениях ангелов, что подтверждены другими людьми относительно святого, либо засвидетельствованы им самим касательно нескольких избранных, а также о таких, которые увидены были и им и другими, хотя и в разной мере. Видения же оказывались схожими: либо ангелы, либо свет небесный, но в своем месте мы отыщем различия.

* * *

Незадолго до рождения святого Коламбы ангел Господень явился ночью во сне его матери. Он встал около ее ложа и протянул беременной женщине прекрасную мантию, покрытую цветной вышивкой. Та приняла мантию и держала ее на своих руках, пока ангел не пустил ткань легко парить по воздуху. Женщина огорчилась: «Зачем, – сказала она, – ты так быстро хочешь унести столь удивительную одежду и лишаешь меня радости?» «По той причине, – ответил ангел, –

что это облачение столь Великой славы и чести, что тебе не удастся долго держать его при себе».

После этих слов мать нашего настоятеля увидела, как мантия начала подниматься, все более увеличиваясь в размерах и постепенно превосходя просторы ирландских долин, возвышаясь над горами и лесами, поплыла к Востоку. А затем ей был голос: «Не печалься, женщина, ибо мужу, с которым ты соединена узами брака, родишь сына Великой благодати. Слово один из пророков он станет водителем бесчисленных душ в Небесную Страну и сам сопричтется к сонму святых». После этих слов она проснулась.

О явлении святых ангелов, которых преподобный Брендан (Бренден) видел идущими по долине

По прошествии нескольких лет наш отец был несправедливо осужден на одном Соборе. За некие весьма незначительные провинности его даже решили отлучить. Тогда он смиренно прибыл на заседание Собора, специально против него и созванного.

Приближающегося издалека св. Коламбу увидел основатель монастыря, что по-ирландски называется Бирра (=Бирр), преподобный Брендан. Он быстро встал, преклонил голову, а затем почтительно облобызал подошедшего Коламбу. Некоторые из присутствующих старейшин возмутились: «Зачем, – сказали они Брендану, – ты приветствовал и поцеловал отлученного человека?» И он ответил тогда: «Если бы вы стали свидетелями откровения, которого меня удостоил Господь, откровения, касающегося благословенного мужа, то не посмели бы лишать чести святого, возвеличенного свыше».

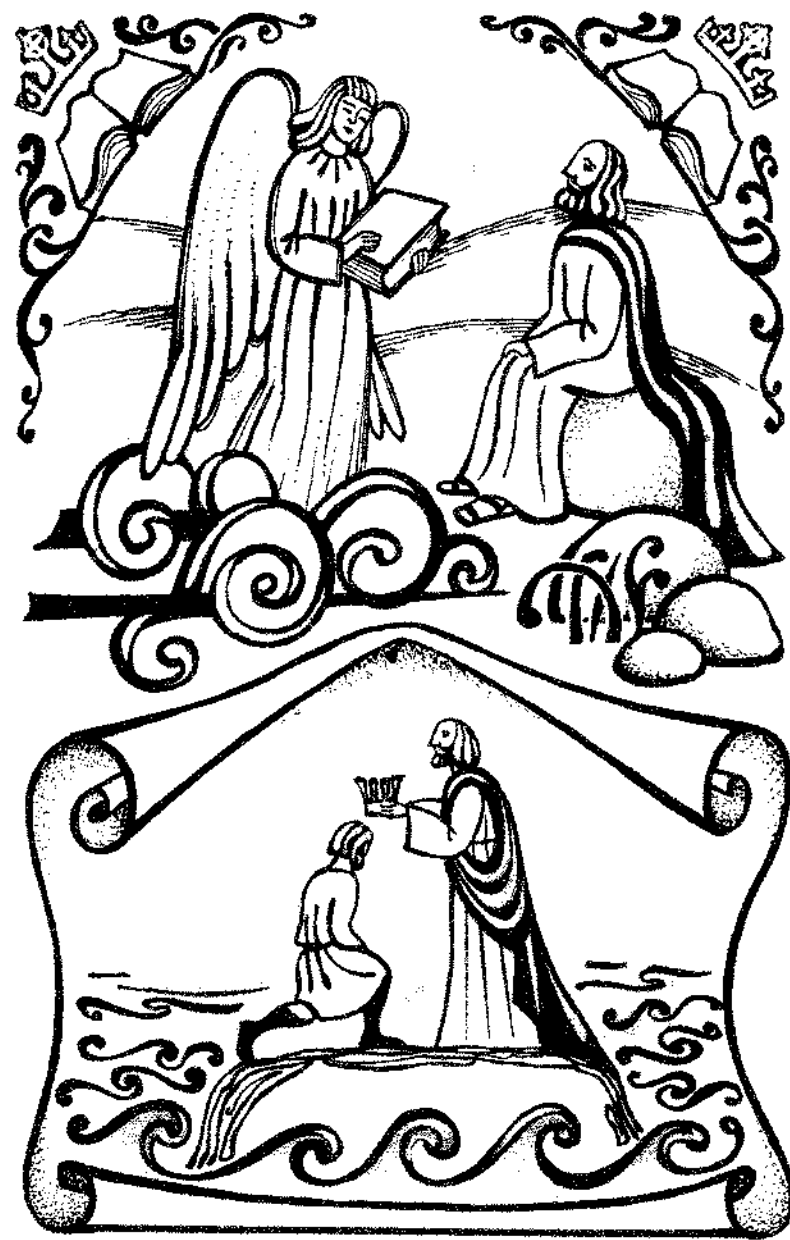
Не доверяя Брендану, эти люди сказали: «Хотели бы мы знать, каким образом возвышает Бог того, кто не без основания удален из Церкви?» Брендан отвечал: «Я видел огненный столп, идущий перед тем, кого вы отвергаете, а рядом через долину шли святые ангелы. Всевышний выбрал этого пилигрима стать вождем многих народов, и мне ли отвергать святого Коламбу?»

После столь удивительного рассказа никто из Собора не пытался более обвинять нашего отца, а, наоборот, почтительно отнеслись к нему. Сказано же это было в Теилтиу (=Телтаун). Тогда же святой с двенадцатью учениками отплыл к берегам Британии.

Об ангеле Господнем, явившемся св. Коламбе просить его Возвести в короли Айдана

В год, когда достопочтенный муж жил на острове Хинба, одной ночью ему явился ангел Господень, который держал хрустальную книгу коронования королей. Посланник Неба вручил ее св. Коламбе и повелел читать. Святой произносил все имена, помещенные на хрустальных страницах, но, дойдя до Айдана, отказался причислить этого человека к королевскому дому, так как больше любил Иогенана, брата Айдана. Тогда ангел вдруг поднял свою десницу и нанес святому пощечину (шрам от которой навсегда остался на лице Коламбы), со словами: «Знай, Господь послал меня к тебе с этой книгой, чтобы ты, как и сказано в ней, облачил Айдана королевской властью. Если откажешься, я вновь ударю тебя».

Три последующих ночи Ангел являлся благословенному человеку с тем же хрустальным манускриптом, повторяя прежнее повеление Господа, и святой подчинился. Он переплыл на остров Ио, чтобы совершить Возведение Айдана на трон. Во время цере-

монии св. Коламба Возгласил пророчество о будущих делах сынов Айдана, его внуков, правнуков, после чего благословил нового короля.

В книге о чудесах силы св. Коламбы Куммен Белый рассказывает про это событие: «Айдан, – сказал предподобный, – поверь и не сомневайся в том, что никто из твоих врагов не устоит перед тобою, покуда ты сам не обманешь меня или моих наследников. Научи своих сыновей и внуков мудрости. Пусть из-за злого умысла не потеряют королевской Власти. Если они совершат преступления против меня, моих монахов или моего рода в Ирландии, то та пощечина, что я получил от ангела, обратится к ним. Сердце людское у них изымется, враги же их окрепнут».

В наши времена пророчество св. Коламбы исполнилось, когда в битве при Ротх Внук Айдана Домналл Бреkk безо всякой причины опустошил земли Внука Линмуира-Домналла (родственника Коламбы. – Авт.). И с того дня до сих пор они все еще захвачены чужестранцами, – это наполняет грудь тоской.

О Видении святому: как ангелы сопровождали на небо душу некоего Диормита

Из Ирландии на остров Ио прибыл пилигрим и несколько месяцев жил неподалеку от келии св. Коламбы. Однажды наш отец сказал этому человеку: «Вот сейчас какого-то священнослужителя ангелы

несут на небеса. Он жил в твоей провинции, но кто он, я не знаю».

Услышав это, паломник начал перебирать в памяти людей восточной земли, чтобы вспомнить имя святого человека, а затем сказал: «Мне известен один воин Христов, Диормит, что построил маленький монастырь там, где я жил прежде». «Да, – ответил Коламба, – тот, о ком ты говоришь, и есть священник, только что введенный ангелами в Рай».

Но мы будем осторожно относиться к тому, что многое из таинственного, открытого нашему отцу Богом, оставалось сокровенным для людей. Для этого две причины, которые сам Коламба поведал некоторым из братьев. Во-первых, он хотел избежать хвастовства, а, во-вторых, не желал дать повода (поскольку об откровениях шла молва) нетерпеливым толпам любопытных, желавших все знать, задавать свои вопросы.

О жестоком сражении с демонами, в котором ангелы пришли святому на помощь

В поисках тишины и уединения благословенный игумен как-то отправился в необитаемую часть нашего острова. Там он поднялся на небольшую гору и уже начал было молиться, как вдруг увидел целую орду черных демонов. С железными копьями злые духи набросились на св. Коламбу. Наш отец духом понял, что бесы замыслили погубить не только его, но и

Всю монастырскую братию. Он, человек, в одиночку тогда встал против неисчислимого Вражеского Войска, облачившись в доспехи апостола Павла. (Адамнан, Возможно, имеет в виду его слова: «Шлем спасения Возьмите, и меч духовный, который есть Слово Божие». Ефес., 6, 17. – Авт.).

Большую часть дня продолжалось сражение. Демоны никак не могли сломить преподобного. Но и его сил оказалось недостаточно, чтобы изгнать их с острова, пока на помощь Коламбе не подоспели ангелы Божии. Впоследствии святой поведал некоторым людям, как, трепеща перед небесным воинством, бесы отступили.

Вечером, вернувшись в монастырь, наш отец произнес такие слова: «Враги, что с Божией помощью сегодня изгнаны с нашей земли, не успокоятся, но устремятся в провинцию Этх (=Тирея). Там они вторгнутся в иноческие обители, наведут заразные болезни, и многие из наших братьев погибнут. Как предвидел святой, так и случилось. Через два дня, по откровению свыше, он сказал: «Господь милосерден. Вы знаете Байтена и его общину в долине Лонг. Так вот, благодаря посту и молитве там все остались живы, кроме одного человека».

И действительно, в то время как многие монахи из монастырей земли Этх умерли, в церкви Байтена скончался только единственный монах.

О явлении ангелов, несущих душу св. Бритона

В другой раз, когда святой жил на Ио, один из его монахов, добрый человек, бритонец по происхождению, тяжело занемог. Наш благословенный настоятель пришел проведать собрата, чья душа уже готовилась к дороге в вечность. Постояв некоторое время у постели, Коламба благословил больного и, желая видеть, как тот умирает, вышел из келии. Только он переступил порог – инок испустил дух.

Несколько позднее, преподобный прогуливался по монастырскому двору и, подняв глаза к небу, неожиданно замер. Долгое время с нескрываемым восхищением он смотрел вверх. Некий брат, по имени Айган, сын Либера, слышавший благочестивым и разумным, склонил колени (кроме него, там никого не оказалось) и стал просить Коламбу объяснить причину его восхищения. Святой сказал: «Только что я видел битву между ангельским воинством и полчищами демонов. Они сражались за душу усопшего. Хвала и благодарение Христу-Судии за то, что ангелы одержали победу и Господь принял в Небесный Чертог первого из скончавшихся на этом острове иноков. Но прошу тебя, никому не говори про услышанное, пока я сам жив».

О явлении ангелов, которые несли
душу некоего кузнеца

В центральной части Ирландии обитал один кузнец по имени Колумб Коилригин, милосердный и

праведной жизни человек. Когда он состарился и был взят из своего тела, святой Коламба, в ту пору находившийся на острове Ио, сказал нескольким старейшим: «Колумб Коширигин, кузнец, трудился не напрасно. Своими руками этот работяга создал награды вечности, которые так жаждал приобрести. Теперь, смотрите, святые ангелы несут его душу к радости небесной страны, потому что все, добытое ремеслом, он отдавал нуждающимся и помогал бедным».

О видении святых ангелов по кончине благословенного Брендана

Ранним утром преподобный Коламба спешно разбудил своего келейника Диормита (которого мы часто упоминали) и распорядился: «Пускай братия, не мешкая, приготовит все необходимое для совершения Божественной Евхаристии, ибо сегодня день рождения благословенного Брендана, что основал монастырь, по-ирландски называемый Бирра». Удивленный Диормит спросил Коламбу: «Но почему, отче, ты ве́лишь приготовить торжественную службу именно сегодня? Ведь никто не пребывал к нам из Ирландии с вестью о кончине святого человека». «Делай непременно все, как я только что сказал, – ответил наш отец. – Прошлой ночью мне было видение: небо раскрылось, и сонмы ангелов сошли встречать душу Брендана. Их свет и сияние в тот час заливали весь земной круг».

Видение святых ангелов, которые несли на небо душу св. епископа Колмана Моку-Лоигсэ

В другой день, когда поутру братия собиралась отправиться на обычные работы и монахи надевали уже обувь, св. Коламба велел отложить все дела и готовиться к св. Причастию. Затем он пообещал удивленным инокам, что и трапеза после службы будет подобна Воскресной.

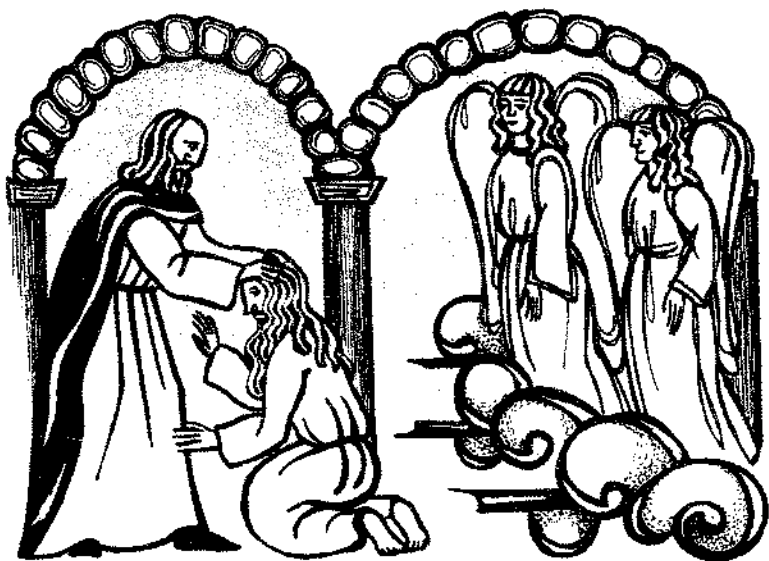
«В честь души, – сказал преподобный, – которая этой ночью в сопровождении святых ангелов взошла в райские просторы, я, хотя и не достоин, буду совершать Евхаристию».

Выслушав своего настоятеля, братия подчинилась, а когда необходимое для Литургии было приготовлено, то все, облачившись в белые одежды, направились к алтарю. Началось богослужение, по ходу которого в обычном месте поется молитва, где упоминается имя св. Мартина (Турского. – Авт.). Так вот, как только хор приблизился к положенной молитве, св. Коламба неожиданно сказал певчим: «Сегодня пойте: «За святого Колмана епископа»». Тогда монахи поняли, что дорогой друг их отца, епископ Лагина Колман, отошел ко Господу.

Спустя некоторое время пилигримы из провинции Лагина рассказали, что их святитель действительно почил в ту ночь, когда святой получил откровение.

О явлении ангелов, пришедших Встретить душу некоего Эмхата

Путешествуя в свое время за Британским хребтом в районе озера Нес (=Лох-Несс), блаженный человек получил откровение Святого Духа. Своим спутникам он сказал тогда: «Давайте, братия, поспешим навстречу святым ангелам, что посланы с небесных вершин для сопровождения души одного язычника. Они теперь ждут, когда мы придем и совершим крещение прежде его кончины. Этот человек всю свою долгую жизнь оставался добрым и праведным».

Говоря так, св. Коламба (сам уже в возрасте) почти побежал впереди товарищей. Не останавливаясь, они добрались в провинцию, которая называется Аирхартдан (=Уркухарт), где и нашли старика по имени Эмхат.

Поверив в слово Божие, проповеданное святым Коламбой, Эмхат возлюбил Господа, был крещен, а затем с радостью, сопровождаемый ангелами, отошел в небесный чертог. Его сын Виролек и все домашние в тот же день крестились у монахов.

Об ангеле Господнем, спасшем одного инока

Как-то святой человек сидел и писал в своей хижине. Неожиданно его лицо изменилось и он воскликнул: «На помощь! Скорее на помощь!». Два монаха, что стояли около дверей, а именно Селлах Колку и Лугене моку-Блаи, немедленно вбежали, чтобы узнать о случившемся. Св. Коламба сказал им: «Один из иноков только что сорвался с крыши большого дома, который строят в долине дубовой роши (=монастырь Дурроу, Ирландия. – Авт.), и я призвал ангела, находившегося между вами, немедленно отправиться для его спасения». Затем, помолчав, святой добавил: «Не могу вам описать стремительность восхитительного полета ангелов, равную по скорости молнии. Небесный посланник, только что оставивший наш остров, уже успел подхватить инок,

лишь тот оступился. В мновение ока, прежде чем несчастный разбился о землю, его поддержали сильные крылья. Ни боли, ни перелома он даже не почувствовал. Как удивительно было спасение, совершенное быстрее слов, хотя между нами лежат великие пространства моря и суши».

О множестве святых ангелов,
виденных сошедшими с небес для беседы
с благословенным мужем

Было так, что св. Коламба повелел однажды собрать всех братьев, живших на Ио. Когда указание исполнили, он вышел и сурово обратился к монахам: «Сегодня я хочу в полном одиночестве удалиться на

западные земли нашего острова. Пускай никто не дерзнет следовать за мною». Все иноки послушались, кроме одного, который, словно тать, окружным путем прокрался, решив спрятаться на вершине небольшого холма. Оттуда хорошо просматривалась западная долина, и он собирался разузнать, почему благословенный человек ищет уединения.

Так вот, этот хитрец увидел, как св. Коламба стоит на бугорке, молитвенно подняв руки и глаза обратив к небу. Вдруг – диво! Появилось что-то совершенно восхитительное, различимое даже телесным зрением. (Я полагаю, Господь позволил этому человеку быть свидетелем чуда для того, чтобы имя святого, хотя и против его воли, распространилось среди народов.) Ангелы-небожители, облаченные в белые ризы, спустились из горнего чертога и встали вокруг Коламбы.

После беседы с нашим отцом весь этот сонм, словно чувствуя, что за ним наблюдают, быстро вернулся в небесные высоты, а благословенный человек направился обратно к обители. По возвращении он собрал иноков и со всей строгостью спросил: «Кто из вас не исполнил моего указания и посмел нарушить запрет?» Монахи недоумевали, но преступник, уже сожалевший о своей ошибке, не в силах скрывать грех, опустился на колени перед святым, надеясь вымолить себе прощение.

Наш отец тогда отвел его в сторону, где под страхом смерти запретил рассказывать даже самое

малое из того, что он видел, до того дня, пока он сам, Коламба, не отойдет в иной мир. И только по завершении земного пути преподобного иноки узнали о чудесном явлении ангелов. С тех пор даже доныне место, где происходила удивительная беседа, носит по-латыни название «Холм ангелов», а по-ирландски – «Кнок ангел».

Теперь можно представить, насколько частыми были беседы и встречи, о которых мы даже не догадываемся, св. Коламбы с небесными созданиями. Это же касается и явления света, виденного некоторыми людьми, о чем следует рассказать ниже.

О столпе света

Четыре святых основателя известнейших монастырей однажды прибыли из Ирландии навестить благословенного человека. Они нашли его на острове Хинба. Гости, которых звали Комгелл, Каиннех, Брендан и Кормах, в один голос стали просить св. Коламбу возглавить Воскресную литургию. Наш отец согласился, и в назначенный час все собрались около алтаря.

Евхаристия шла своим чередом, когда после чтения Евангелия св. Брендан моку-Алти увидел (об этом он впоследствии рассказал Комгеллу и Каиннеху) нечто, наподобие сияющего огненного шара, который отделялся от головы св. Коламбы, когда тот стоял у престола, принося св. Дары. Свет поднимался столпом вверх, пока служение не завершилось.

О нисхождении Св. Духа в течение трех дней и ночей на Коламбу, пребывавшего в Хинбе

В другой раз, когда святой жил на острове Хинба, благодать Св. Духа излилась на него чрезвычайно обильно и несравненно. В течение трех дней и ночей, исполненный небесного света, он не покидал запертого дома, не ел, не пил и не позволял никому переступить порог. Из той хижины исходило чудесное свечение, лучи пробивались сквозь щели в замке и дверные петли. Было слышно, как Коламба поет духовные гимны никому доселе неизвестные. Более того, как позднее в присутствии некоторых людей поведал сам преподобный, ему открылись многие тайны из тех, что от сотворения мира были сокрыты. А также все то, что в Священном Писании затемнено и наиболее сложно для понимания, ему прояснилось. Глаза чистейшего сердца нашего игумена увидели потаенное яснее, чем день. Он только пожалел относительно отсутствия его приемного сына Байтена, который, случись там оказаться, непременно записал бы из уст благословенного мужа очень многие тайны как про века ушедшие, так и о временах будущих, тайны, сокрытые от людей, и толкования священных книг.

Однако Встречные Ветры и непогода задержали Байтена на острове Эге. Лишь спустя три дня он приплыл к Хинбе.

О сиянии ангельского света, который видел Виргино

Зимней ночью способный молодой человек по имени Виргино (впоследствии Господь дал ему управлять церковью, в которой, хотя и недостойн, теперь служу я), воспылав любовью к Богу, пришел в храм. Пока все спали, он решил помолиться и самозабвенно занялся этим делом на экседре (специальная пристройка, ротонда. – Авт.) около стены. Спустя примерно час церковь посетил наш благословенный отец, а вместе с ним под ночные своды проник золотой свет, что сходил с высот неба и заполнял все пространство. Даже отгороженное место экседры, где Виргино, испугавшись, пытался скрыться, ярко освещалось. Никто не может в летний полдень смотреть прямо на солнце. Так и Виргино тщетно пытался вынести разливающееся сияние. Оно слепило юношу, который совсем лишился сил.

После краткой молитвы св. Коламба вышел из церкви, а на следующий день призвал к себе смущенного инока, чтобы сказать несколько утешительных слов: «Ты был хорош, сынок, был хорош, – повторил преподобный, – перед Богом, когда опустил глаза, боясь Его Сияния. Поступи иначе, ты бы ослеп от чудесного света. Будь осторожен и никому, пока я жив, не рассказывай о том, что видел».

Когда святого не стало, люди узнали про удивительное событие от Виргино. А мне, Адамнану,

его пересказал сын сестры юноши, священник Комман. Он слышал это из уст своего дяди, игумена Виргино.

О похожем видении света

А в другую ночь один из монахов по имени Колку (о котором мы упоминали выше, – сын Ауга Драгнихе из потомков Фехре) отправился в церковь, когда все братья еще спали. Он остановился около дверей и некоторое время пребывал в молитве. Вдруг глазам инока предстало удивительное действо: вся церковь наполнилась ярким небесным сиянием. Вспышка озарила храм и погасла быстрее, чем замирает звук произнесенного слова. Колку не знал, что в этот час святой Коламба молился около алтаря. Испугавшись, брат вернулся в свое жилище.

На следующий день преподобный призвал его к себе и строго сказал: «Впредь, сын мой, остерегайся подглядывать, словно лазутчик. Небесный свет не тебе предназначен и исчезнет для твоих глаз. Покуда я жив, не рассказывай о том, что случайно увидел».

О другом видении святому

Случилось так, что, когда св. Коламба жил на Ио, однажды его лицо вдруг озарилось великой радостью. Подняв глаза к небу, он был, казалось, совершенно счастлив, но через краткий миг ликование сменилось глубокой печалью.

Тем временем около дверей хижины преподобного, построенной на холме, находились два человека, Лугне моку-Блаи и Пилу Англичанин. Загрустив, они решили спросить благословенного отца о причине такой быстрой перемены духа. Святой сказал им: «Ступайте, братья, с миром и не задавайте более вопросов о происшедшем».

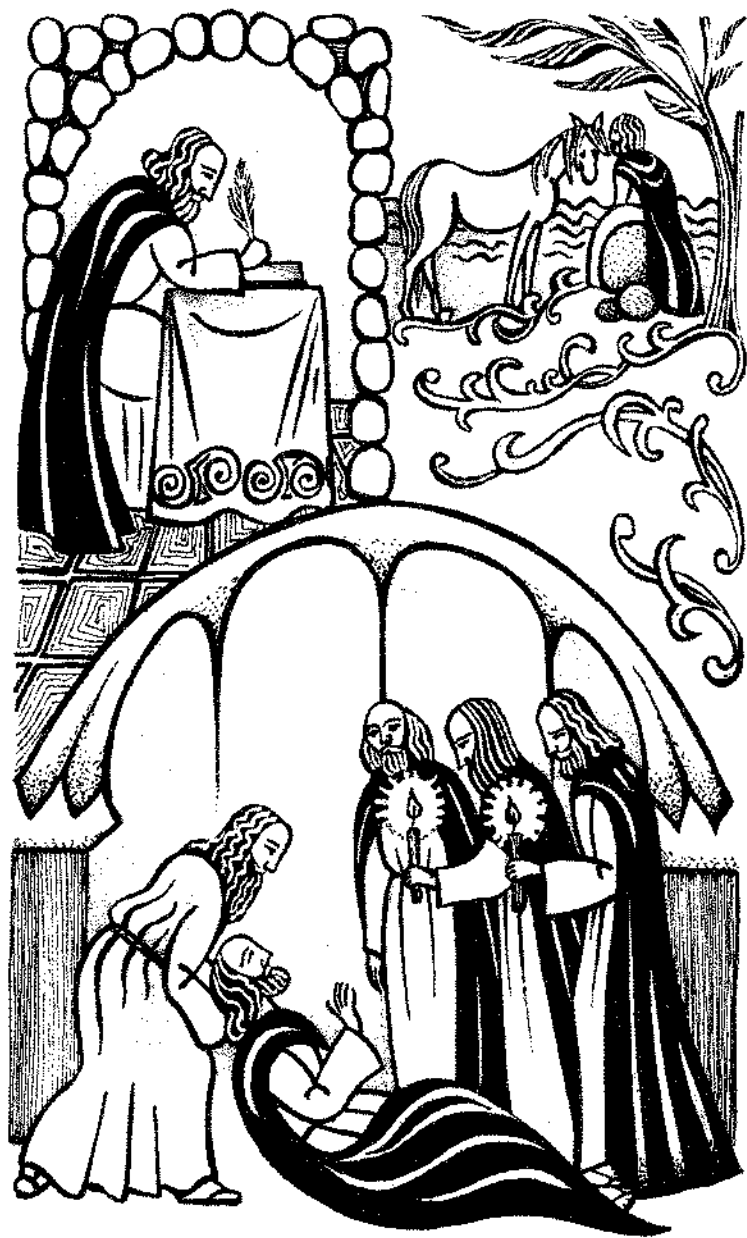
Услышав такой ответ, монахи со слезами стали робко умолять Коламбу рассказать о том, что открылось ему в сей час. Видя их переживания, святой произнес: «Так как я люблю вас, то не хочу и расстраивать. Но сначала пообещайте, никому до самой моей кончины не раскрывать эту тайну». Они с готовностью принесли обет молчания, после чего узнали следующее: «Исполнилось тридцать лет, – начал Коламба, – моего служения в Британии, включая день сегодняшней. Уже много месяцев прошло, как я настойчиво просил Господа отпустить своего раба в конце этого тридцатого года из земной обители в Небесную Страну. С великой радостью ваш настоятель увидел святых ангелов, посланных из горных чертогов встретить и проводить его душу. Но вдруг их отозвали назад, и они стоят на скале за проливом у нашего острова. Ангелам хочется приблизиться, позвать меня из тела, но им не разрешают, и они должны вернуться обратно. Господь, по молитвам многих церквей, изменил свое решение и еще на четыре года, начиная с сегодняшнего дня,

оставил меня здесь. Эта отсрочка и стала причиной моей печали. Закончатся четыре года, и лишь тогда, по милости Божией, быстро и безо всяких болезней, Встреченный ангелами, я отойду к Нему».

Все произошло в точности по слову благословенного человека.

О блаженной кончине нашего покровителя святого Колаамбы

Четыре года миновало с того дня, когда достопочтенный муж видел ангелов на скале по ту сторону пролива. После Пасхи, как-то в субботу, св. Коламба вместе со своим келейником Диормитом отправился благословить монастырский амбар. Войдя в хранилище, святой осенил крестным знаменем наполненные зерном закрома и сказал своему товарищу: «Я очень рад за наших братьев, потому что в этом году, если мне придется отбыть в иное место, у вас будет достаточно хлеба». Услышав это, Диормит расстроился и спросил в свою очередь: «Зачем, отче, в последнее время ты так огорчаешь нас разговорами о своем уходе?» «Видишь ли, – ответил Коламба, – мне известно кое-что про грядущие события, и если пообещаешь хранить молчание, то узнаешь о них». Диормит на коленях дал необходимый обет, и тогда преподобный объяснил: «В книгах сегодняшней день называется суббота, то есть «покой». И для меня

он действительно суббота, поскольку это последний день моей теперешней насыщенной жизни. После тяжелых многочисленных трудов я храню покой, а в полночь наступающего благословенного Воскресенья мне, выражаясь языком Писаний, предстоит совершить путь к праотцам. Господь наш Иисус Христос уже ждет, и я отойду к нему в эту полночь».

После столь скорбных слов келейник заплакал, и святой, насколько мог, пытался его утешить.

Затем они вышли из амбара, но на подорожке к монастырю наш отец присел передохнуть (в этом месте позднее поставили каменный крест, что возвышается и теперь). Пока Коламба отдыхал, к нему подошел белый конь, послушный слуга, доставлявший с пастбища в обитель молочные сосуды. Он положил голову на грудь преподобного. Вдохновленный Богом, перед которым всякая живая тварь имеет разумение, конь знал, что хозяин покидает его, отчего и начал, словно человек, скорбеть и плакать. Слезы текли из его глаз и падали на одежду святого.

Увидев это, Диормит начал было отгонять животное, но Коламба остановил его словами: «Пусть друг, любящий нас, выплечет здесь свою горькую печаль. Ты, хотя и человек с разумной душой, но ничего не мог знать о моем уходе, пока я сам, только что не открыл тебе. Грубому же и несмышленому созданию Господь дал понять, что наступило время прощания». Говоря так, он благословил своего слугу-коня, и тот тихо покинул любимого хозяина.

Затем наш отец поднялся на небольшой холм, с которого хорошо просматривался монастырь, и, помолвившись, благословил обитель со словами: «В этом месте, каким бы малым и скудным оно ни казалось, Великие почести со временем будут возданы не только ирландским королям с их народами, но и правителям варварских земель, людям чужих наций. Его станут почитать многие святые из других Церквей». Спустившись с холма, св. Коламба уединился в своей хижине. Он переписывал Псалтирь, а когда дошел до стиха в тридцать третьем псалме: «Ищущие Господа не терпят нужды ни в каком благе», – сказал келейнику: «Здесь кончается страница. Теперь завершаю и я. Пусть дальше пишет Байтен».

Этот стих лучше всего приложить к нашему любимому предтече, который никогда более не будет нуждаться в тленных благах. А следующий фрагмент: «Придите, дети, послушайте меня: страху Господню научу вас», – указывает на его преемника, отца духовных сынов, который последовал святому не только в учении, но и в письме (то есть Байтену. – Авт.).

Закончив страницу, Коламба пришел в церковь на Вечернюю Воскресную службу. Там он молился, а когда песнопения умолкли, вернулся в келию и приклонился к своему ложу. Голая каменная плита была его постелью, а плоский обломок скалы, что служил подушкой, до сих пор стоит за могилой святого как эпитафия. Через Диормита наш отец дал

последние распоряжения для братии: «Я повелеваю вам, дети мои, больше всего сохраняйте друг ко другу любовь и живите в мире. Если, по примеру святых отцов, вы будете следовать этим путем, то Бог, укрепляющий добро, поможет вам, а я, пребывая в Его чертогах, стану заступником за вас. Всемогущий Творец не только сохранит вашу жизнь в необходимом достатке, но и одарит наградами вечного добра, как и всякого соблюдающего Его Заповеди».

И вот, мы достигли последних минут жизни святого человека, совершающего путь в Небесную Страну из обременительного паломничества. После наставлений некоторое время Коламба молчал в ожидании счастливого часа, а когда колокол огласил ударом полночь, то он спешно поднялся, сначала пошел, после, опережая всех, побежал в церковь. В храме, около алтаря, преподобный преклонил в теплой молитве колени. В тот момент отставший Диормит издали увидел, как весь храм наполнился ангельским светом. Когда же келейник и несколько других братьев приблизились, свет исчез. «Где ты, где ты, отец?» – со слезами прокричал Диормит. Спотыкаясь в темноте, поскольку еще не принесли огня, он нашел святого лежащим около алтаря. Бережно приподняв Коламбу и опустившись рядом, Диормит склонил голову на плечо учителя. Тем временем со свечами вбежали монахи; увидев, что их отец умирает, они стали громко причитать. Как впоследствии мы узнали

от людей, там находившихся, святой, душа которого еще не покинула тело, открыл глаза и осмотрелся кругом. Его взгляд был удивительно светел, радостен, обо он увидел ангелов, пришедших к нему навстречу. Тогда Диормит поднял правую руку Коламбы, чтобы преподобный благословил собравшихся иноков, но тот и сам сотворил, насколько удавалось, знак крестного знамения, поскольку душа уже отходила и благословить голосом он не мог. Затем наш отец скончался. Его лицо выражало великую радость видения ангелов. Казалось, он просто уснул. Церковь же в это время наполнилась печальными голосами, монахи плакали, но следовало совершать воскресную службу.

Когда все заутренние гимны исполнили, тело святого отца под мелодичное пение псалмов вынесли из храма и доставили в келию, откуда недавно он вышел живым. Три дня и три ночи иноки пребывали в молитве, совершая должные погребальные церемонии. Потом благословенные останки завернули в чистую тонкую ткань и торжественно предали земле. А то, что нам стало известно про три последних дня, мы расскажем в самом конце повествования.

Некий монах, один из братьев, как-то в присутствии св. Коламбы, не подумав лишнего раз, обронил: «После твоей смерти, отче, должно быть население здешних островов соберется на погребение и заполнит Ио». Услышав это, святой сказал: «Сынок, все произойдет совсем иначе, и в

последний путь меня не сможет провожать пестрая толпа. Только монастырская семья достойно окажет необходимые почести своему настоятелю. Пророчество Коламбы в точности исполнилось: в течение трех дней и ночей штормовой ветер не позволил ни одному судну пересечь пролив. Когда же прощание закончилось, буря утихла и море успокоилось.

Таким было окончание жизни нашего покровителя и начало его вознаграждений. По слову Писания, он вернулся к праотцам как соучастник вечной Победы. Причисленный к апостолам и пророкам, соединенный с тысячами святых, чьи белые одежды омыты кровью Агнца, он воссоединился и с Самим Господом Иисусом Христом, которому подобает честь, хвала и слава. Со Отцом и Святым Духом во веки веков. Аминь.

Теперь, прочитав эти три книги, пусть каждый внимательный читатель поймет, сколь велики в глазах Господа заслуги святого отца нашего Коламбы. В нем был пророческий дар, через него совершались чудеса, его посещали ангелы, яркий Божественный свет сиял над Коламбой, куда он был жив. Но и после того, как тончайшая душа освободилась из уз плоти, небесное блистание не угасало, явления ангелов не прекратились до сегодняшнего дня. Там, где покоятся его мощи, избранные люди видят посланников горняго мира и нетварный свет.

Бог дал такую милость человеку благословенной

памяти, что, хотя он и жил на этом маленьком и забытом острове посреди Океана, его знают не только в Ирландии, но и в Британии. Имя нашего покровителя достигло треугольной Испании, Галлии, Италии, лежащей за Альпами и даже самого города Рима. Такой высокой честью и славой одарил Господь святого Коламбу. И он благословен во веки. Аминь.

Умоляю всех тех, кто захочет переписать эти книги, заклинаю Христом Судьей Вечности, чтобы после тщательного копирования они сверили свой список с оригиналом, исправили все оплошности и сохранили это увещание на своем месте.

ГЛАВА 3. ВЕЧНЫЙ ОСТРОВ АЙОНА

*«За семь дней до Судного часа,
Когда не станет времени, и Потоп
Смоет мясистый берег Ирландии,
Зеленые острова уйдут под воду.*

*Счастливым же остров Коламбы,
Остров величия и добра
Будет возвышаться своими башнями
Над водами Потопа».*

(Древнее ирландское пророчество)

«В один из воскресных дней, когда святой человек был в храме вместе с братьями на молитве, с другой стороны острова раздались громкие голоса. „Поспешите, – повелел св. Коламба монахам, – ступайте и проводите сюда двух пилигримов, они добирались из дальних земель“. Странников привели, и настоятель стал расспрашивать о причинах их долгого путешествия. „Мы хотели бы, – сказали гости, – остаться паломниками в твоём, отче, монастыре на целый год“. Святой ответил так: „Увы, но вы не сможете жить на Ио, если не принесете иноческие обеты“. Собравшаяся братия была очень удивлена словами св. Коламбы, а старший из пришельцев произнес: „До этого дня у нас и в мыслях не было ничего подобного, но мы последуем твоему совету, ведь он вдохновлен Господом“. В тот же час пилигримы со святым человеком вошли в часовню, преклонили колена и смиренно приняли монашеский постриг. Тогда св. Коламба повернулся к своим товарищам и сказал: „Два эти чужестранца, приносящие себя в жертву Богу, за краткое время исполнят то, на что другим

отведены долгие годы, они станут Воинами Христовыми и уже в нынешнем месяце отойдут в мир иной». Услышав пророчество, новые иноки возблагодарили Творца, их проводили в гостевой дом, где через семь дней мирно скончался сначала старший, а спустя столько же, счастливо отошел к Господу и другой брат. Как и предсказал святой, жизнь пилигримов завершилась на земле Ио в течение одного месяца».

(Адамнан. «Житие св. Коламбы»)

Существуют страны и города, куда вы долго, по той или иной причине, мечтали попасть. Чей-то рассказ, открытка, случайное упоминание, связанное с историей или географией, — все может стать поводом для того, чтобы захотеть оказаться именно ТАМ. Первоначальные грезы мечтания, как правило, туманны. После приходится тратить время, силы, чтобы оказаться далеко от дома и сравнить фантазию с реальностью. Возвратившись, вы вспоминаете увиденное и можно считать большой удачей, если новые впечатления оказываются прекрасней тех прежних грез, живут и долго не блекнут. Так вот, в Ирландии есть места, где время, похоже, окончательно остановилось. Незвизирая на перемены сезонов года, частей дня и ночи, оно не торопится подавать знаков своего существования. Туристы там выглядят довольно игрушечно. Их автобусы и машины напоминают забытые декорации фантастического кинофильма, а вспышки камер — короткие замыкания в технике невидимого оператора. Если вам повезет оказаться здесь прежде, чем «декорации» установят, или задержаться до их окончательного исчезновения, то вы ощутите эту странную особенность времени и навсегда останетесь ею очарованы. Подобные уголки найдутся в Уэльсе, Шотландии, на ее высокогорье или среди многочисленных островов, лучший из которых АЙОНА.

Совместив координаты 56°20' северной широты и 6°23' восточной долготы, вам удастся его отыскать только на крупномасштабных картах. Вы окажетесь в восточной части Атлантики, Ирландия будет южнее, Исландия — северо-западнее, Британия — на юго-востоке. Три мили в длину, полторы в ширину, — вот и вся земля этого средневекового «Университета Севера». Геологи считают остров частью одной из древнейших скал в мире и исчисляют его возраст в полтора миллиона лет. К востоку Айону «затмевает» куда более юный остров Малл (Mull), отделенный проливом шириной в милю. За Маллом уже западное побережье Шотландии. Самая высокая точка Айоны — холм Дан И (332 фута). В ясную погоду с него можно различить очертания Гебридских островов. Оттуда же видны серебристые пески и прозрачное море, в котором словно специально разбросано множество скалистых обломков. Под самой вершиной Дан И укрыт легендарный «Источник молодости», которому кельтские предания приписывали различные целительные силы. Южная часть острова полна гранитных и базальтовых нагромождений, среди которых встречаются, правда, и мраморные глыбы с зелеными прожилками. Местные жители говорят, что это «слезы св. Коламбы по оставленной Ирландии». Если пробраться через крутые скалы Кнок Друидеан (холм друидических ритуалов древности), окажешься в «Бухте Коламбы». Там, по преданию, святой впервые сошел на айонский берег.

Беда Достопочтенный пишет: «Островом (Айонией. — *Авт.*) всегда управляет игумен из священников, власти которого подчиняется вся провинция, включая и епископов. Этот необычный порядок идет со времен их первого учителя, который не был епископом, но лишь священником и монахом. Говорят, что его ученики сохранили

*Часовня св. Орана (VIII в.) на «Кладбище Королей»
(фото автора)*

подарком Коламбе, сделанным пиктским королем Брудом (Бруди мак Мэлхон), после того как святой совершил над ним таинство крещения. По ирландской традиции (наиболее правдоподобной), Айону отдал преподобному его родственник король Дал Риаты Коналл мак Кумгайл (†574). В «Житии» Адамнана остров называется И или Ио. Прежний топоним неизвестен, и каждое появляющееся предположение по-своему спорно.

На этот далекий от родины берег св. Коламба сошел в 563 году и все, кто сопровождал его, принадлежали к одной большой семье – Сенел Конаил, так что общину, основавшую монастырь, можно, в некотором смысле, считать «семейным делом».

Монастырь св. Коламбы (о. Айона)

Современному пилигриму хочется быть доверчивым. Так проще осматривать то, что сохранилось за пятнадцать столетий.

Но прежде здесь – только море и скалы, все остальное сильно изменилось. Археология, литература, история воссоздают свою картину, и она приблизительно следующая. Аббатство, встречающее паломников, пережило несколько реконструкций. К временам раннего средневековья оно, по-своему замечательное, отношения не имеет. Никто из айонских монахов Коламбы в этих стенах не молился. Тогда монастырь окружал высокий вал, с восточной стороны открытый на море. Он тянулся метров 300-400 с севера на юг. Все полевые и огороднические работы происходили за ним. Внутри находились построенные из плетки жилища, мастерские, деревянная церковь, как и в других ирландских обителях. Храм вмещал всех иноков, что обыкновенно приходили на молитву вместе, иногда в одиночку. Боковая

дверь из церкви вела в часовню, где можно было читать. Отдельно располагалось общинное строение (*magna domus* = большой дом). В дневное время там преподавали, хранили книги, готовили еду и принимались за трапезу. Кто-то из монахов имел собственные кельи (*cellulae*), другие – размещались в общих помещениях. Коламба уединялся в специальной «хижине» (*tegorium*), где он просиживал за переписыванием книг. Она располагалась в 100 футах от нынешней усадьбы и, как точно описывал Адамнан, «на земляном возвышении». Этот небольшой холм Торр ан Аба, со всех сторон расширенный и укрепленный валунами так, чтобы на них можно было построить келью. Плоский камень, обнаруженный здесь, напоминает слова «Жития»: «Постелью его (Коламбы) стала голая скала, и подушкой – камень».

Хозяйственные постройки вынесли за ограждения. Там доили коров, коз, забивали скот. Оттуда белый конь возил тележки с молочниками. На западной стороне острова находился дом для гостей¹. Это здесь Коламба велит одному пилигриму заботиться о журавле, прилетевшем из Ирландии. Паломников сознательно размещали за монастырской оградой, стараясь избежать излишней суеты и шума в самой обители. Ирландская средневековая традиция возводила две или даже три специальные границы вокруг святого места. Первую, внутреннюю, не разрешалось переступать мирянам и женщинам, за вторую допускали благочестивых сельских жителей. Третья была открыта для всех. Но, видимо, и этого было недостаточно, иначе с чего Кормак трижды отплывал в поисках уединения?

Монастырские ограждения и церковные границы строго

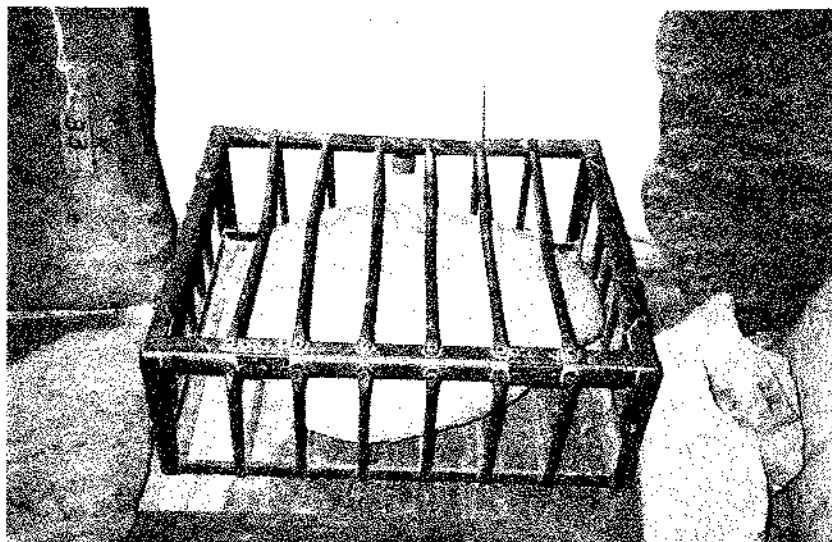
¹ На Айоне его посещали великие подвижники кельтского христианства: св. Брендан Мореплаватель, св. Колман сын Беогонны, св. Каинех – основатель монастыря Ахад Бо.

отмечались. В местах, имевших большое значение, устанавливались кресты. Среди великолепных памятников каменного зодчества Айоны наиболее известны кресты св. Орана, св. Иоанна и св. Мартина. Размер креста св. Иоанна самый впечатляющий в коллекции всех раннехристианских произведений Британских островов. Но эти монументальные шедевры появились на два-три века позднее. При Коламбе кельтские кресты вырезали на камнях, которые затем помещали вертикально стоящими, как пограничные столбы, или же на могилах². Сейчас они аккуратно собраны в маленьком музее аббатства (там же и «подушка святого»), и вопрос об их древнем предназначении – одна из наиболее популярных тем споров.

В 1956-59 гг. профессор археологии Эдинбургского Университета Др. Чарльз Томас проводил тщательные раскопки на острове, и благодаря его трудам стали известны многие любопытные детали. Я неоднократно замечал пристальный интерес туристов, особенно иностранных, вечно что-то жующих, к вопросу о пище. Они подробно выясняют, что и в каких количествах готовилось монахами, чем заполнялись погреба на зиму, какое варили пиво. Быть может, беглое изучение истории из окна автобуса создает своеобразный механизм сопутешествия современного паломника с людьми прошлого. Хочется не только духовно, эстетически, но и вполне материально (на вкус) почувствовать то, о чем рассказывает ваш образованный провожатый.

На Айоне хозяйство, а, следовательно, и кухня отличались северным колоритом. Изучив останки трапезы, найденные в та-

² Почитание Пресвятой Богородицы на Айоне видно по изображениям Ее с Младенцем на двух айонских высоких крестах, относящихся к VIII в. Это древнейшие иконы Пречистой Матери, известные на островах европейского Северо-Запада.

Айонский музей. «Подушка св. Коламбы»

(фото автора)

релке того периода, и кости животных, собранные на монастырских фермах, археологи установили, что, кроме домашнего скота и птицы, монахи могли употреблять оленину, косулей, тюленей, китов, выдр и даже лошадей. Последнее наблюдение довольно спорно. Адамнан категорически возражал против вкушения конины, а в VIII в. это было запрещено «Древнеирландским покаянием» – книгой различного рода дисциплинарных правил, направленных на искоренение бытовавших языческих практик и традиций. В «Житии» им подробно перечисляются хозяйственные занятия общины: охота на тюленей, дойка и забой коров, возделывание ячменя, рыбная ловля. Лошади использовались как тягловая сила. Лодки делали из плетеного ивняка, обтягивая их кожей. Флот из двенадцати таких суденышек под парусами направлялся за дубовыми бревнами, используемыми при ремон-

те монастыря (это уже, конечно, во времена самого Адамнана). Плодородность почвы в некоторых местах скалистого острова повышалась тем, что землю (как на наш Валаам) привозили из других мест Шотландии. Большое хозяйство требовало складов, мастерских, кузниц, загонов, повозок, мельницы для перемолки зерна. Строили все необходимое; была даже сушилка (сапаба) – помещение, в котором располагался большой очаг. На его камнях просушивали урожай, без чего не обойтись в этой сырой и дождливой местности.

Но не фермерскими заботами с их сезонными циклами организовывалась жизнь обитатели. Христианство литургически осмысливало время, и время соединяло свои суточные части в круг богослужений. К определенному часу монахи собирались в церковь. Они пели псалмы, совершали Евхаристию, молились вместе и отдельно. Скорее всего св. Коламба привез на Айону утварь для иноческих служб или наблюдал за ее приобретением позже. Адамнан несколько раз говорит о колоколе (cloca) или о его звуке (signum). Иногда в колокол били сильно, чтобы поднять братьев на молитву о внезапно умершем человеке (вариант: о впадшем в смертельный грех). Литургию пели по воскресеньям и праздникам, обычно на рассвете. В течение дня, кроме псалмов, читали Св. Писание, ночью храм оставался открытым.

В Швейцарии находится одна очень важная рукопись: «Шаффхаузенский Адамнан». Это самый ранний список «Жития св. Коламбы», сделанный айонским монахом Дорбеном, смерть которого «Анналы Ольстера» помечают 713 годом. То есть сохранился документ непосредственно с Айоны, сделанный рукой переписчика, лично знавшего его автора Адамнана. Любопыт-

*Келья св. Коламбы
(фото автора)*

ной особенностью рукописи является то, что ее последняя страница содержит Молитву Господню («Отче наш») по-гречески. Язык Восточной церкви на Острове знали или, по меньшей мере, им интересовались. Важным представляется и следующее обстоятельство: в богослужении монахи использовали не только Псалмы и Писание. Адамнан упоминает «Книгу гимнов» на дни недели, написанную собственноручно Коламбой. Значит, в монастыре уже в ранний период мог использоваться небиблейский материал, — так зарождалась кельтская духовная поэзия. (Но речь, вероятно, шла все же о Псалтири.)

Впрочем, обитель — не только место уединения, молитвы и созерцания. Это пастырская миссия миру. Как говорил великий проповедник средневековья Алкуин: «Труды священников, занимающихся евангельским благовестием должны оцениваться выше, чем любые чудеса» (*Vita Willibrordi*, Merov, 7). Относящаяся к VI в. «Покаяние Финниана» запрещало монахам действовать подобно остальному духовенству: «Иноки не должны ни крестить, ни принимать пожертвования», но у Адамнана св. Коламба выступает и как пастырь, и как монах. Различные священнические дела, которые святой имеет с мирянами на Айоне, похожи на те, что возникают у любого, в том числе современного, насельника монастыря. Он принимает исповеди, дает советы, совершает погребения, устраивает паломников, помогает нуждающимся. В чистом виде это не совсем миссионерская деятельность, а скорее духовное и социальное служение монастыря, находящегося среди уже христианского населения. Впрочем, я не слишком уверен, что средневековые монахи проводили такие смысловые разделения. Их жизнь воссоздается с известной долей условности, тем более сложно комментировать многие оригинальные представления или идеи.

Хотя один принципиальный момент оставить в стороне невозможно. К VI в. отношения между Римом и Кельтской Церковью обострились. Между ними возникло то, что нельзя назвать «вероучительным, догматическим спором», но можно считать «конфликтом суждений». Два этих очень непохожих мира, разделенные историческим опытом и культурной средой, смотрели на христианское миссионерство, оценивали социальные обязательства церковной общины перед властью предрешающими и понимали «каноническое право» различным образом. Римская сторона навязывала единообразие во всем: от главного до деталей. Кельтская отстаивала свое право на сохранение специфических особенностей, которые она, конечно, «частностями» не считала.

Со времен св. Патрика ирландские монахи, принимая иночество, выбривали всю переднюю половину лба, от уха до уха. Такая тонзура отчасти напоминала прическу языческих жрецов-друидов, но ее смысл совершенно изменился. Латиняне воспринимали кельтскую тонзуру как наследие Симона Мага, который подобно друидам занимался чародейством и прорицанием. Ирландская практика активно порицалась, а взамен предлагался «образ вечной короны (венца) св. Петра», когда выбривалась макушка головы. В средние века внешние атрибуты играли огромную роль, так что традиции защищались искренне и горячо. Примирения не происходило ни здесь, ни в другом, более важном вопросе, касающемся даты празднования Пасхи.

Ирландская Церковь придерживалась того способа счисления «Дня Господня», что приняла в V в. с континента. Пасха рассчитывалась латинянами и Александрийской патриархией независимо от антиохийцев, иудеев и совершалась в

воскресенье между 15 и 21 днями лунного месяца, то есть после первого весеннего полнолуния. Рим использовал 84-летний лунный цикл, александрийцы предпочитали свой 19-летний, считая его более верным. В 525 г. римский монах Дионисий Малый предложил ввести летосчисление «от Рождества Христова», взамен прежнему «от Сотворения Мира», и одновременно новый способ Пасхалии, в котором использовался тот самый александрийский вариант. В результате большинство Церквей вместе с Римом приняли за начало праздника 15-й день луны, другая часть, среди которых оказались ирландцы, встречали Пасху с 14-го по 20-й дни лунного месяца. Разрыв в совершении главного календарного события между Церквями доходил до трех недель. Рим пытался оказать давление на «неприсоединившихся», и постепенно главным защитником «прежней Пасхи» стала лишь удаленная Кельтская Церковь. Святой Коламба, без сомнения, отстаивал национальные традиции. Авторитет преподобного и его айонской цитадели вплоть до VIII в. помогал кельтским общинам сохранять принципиальные позиции. К этому мы еще вернемся.

В большинстве обителей даже сегодня существует обычай записывать события, происходящие год за годом. Такую хронику вели и айонские анахореты, но, подобно множеству других летописей ирландских аббатств, она не сохранилась. Некоторое представление о ее содержании дают нам собрания анналов, сделанные несколькими столетиями позже. В уже упоминавшихся «Анналах Ольстера» содержится значительный корпус материала, скопированный из Хроники Айоны. С 740 года эта хроника являлась важным источником для ирландских архивов. «Анналы Ольстера» тщательно отмечают даты кончины всех настоятелей, маршруты путешествий между Островом и Ирландией, политические перемены в Шотландии, военные события и многое другое.

Современные исследователи посвятили Айоне несколько серьезных книг и массу различных брошюр, буклетов, проспектов. Средневековая история Острова насыщена чередой различных событий. В кратком изложении она может выглядеть следующим образом. Итак, после кончины св. Коламбы в 597 году, в настоятели монастыря выбирали преимущественно его родню из фамилии Сенел Конайлл³. Первым стал кузен преподобного Байтен. Он входил в число тех двенадцати смельчаков, что приплыли со святым на остров. Бог дал Байтену три года жизни, и его сменил другой кузен Коламбы Лаисрен, скончавшийся через пять лет. Оба были воспитаны святым и приложили множество трудов для развития не только Айонской обители, но и монастырей на Хинбе, Тайри и в Дурроу. Четвертым настоятелем избрали бритта Виргно. Он также относился к двенадцати пилигримам. Со смертью Виргно в 623 году, общину возглавил племянник Лаисрена Сеген. Его настоятельство (623-652) оказалось наиболее прочным, так как совпало с ирландскими событиями: короли Сенел Конаилл одержали верх над королями южного Уи Неилла. Три сильных властителя из коламбовского рода правили друг за другом с 628 по 658 гг. Они покровительствовали общине, и Остров расцвел.

Монахи Сегена начали собирать агиографический материал о своем небесном покровителе, заняли консервативную позицию, когда разгорелся спор, касающийся даты празднования Пасхи (до 716 г. Айона придерживалась старого

³ Сохранилось два списка предстоятелей Айоны. Первый датируется VIII в. и содержится в «Книге братства св. Петра» в Зальцбурге. Другой представляет собой четырнадцать генеалогий преемников преподобного, помещенных в копии «Книги Лекана» – обзорного каталога всех ирландских святых. В существующей форме он помечен X в., но включает материалы VIII в.

счисления)⁴, и географически расширили влияние «кельтского христианства» в Британии. В 635 г. с Айоны были основаны два новых монастыря. В Ирландии в «Рехру» – остров Ратхлин или остров Ламбей близ Дублина. Но наиболее важным следует считать создание обители на приливном острове Линдисфарн (Lindisfarne) около Шотландской границы, север Нортумбрии.

Беда Достопочтенный пишет о короле Освальде, который привез в эту английскую землю ирландских монахов. Десять лет Освальд провел на Айоне в изгнании. Там он полюбил и проникся уважением к праведности жизни кельтских иноков, среди которых был Аэдан (Айдан), будущий епископ Линдисфарна. Король бегло говорил по-гэльский и легко переводил Айдана, когда тот проповедовал нортумбрийцам. В последующие годы остров оставался важным духовным и административным центром Северного королевства. В IX в. скандинавы разрушили это сердце Нортумбрии (восстановление началось спустя триста лет). Таким образом, в период Сегена позиции Айоны сильно окрепли. Монастырь св. Коламбы поддерживали его родственники в Ирландии и Освальд – на английском Северо-Востоке.

О преемнике Сегена, которого звали Суибн (652-657), почти ничего не известно. Его сменил Куммен⁵. В год, когда это произошло, королевская власть Уи Неилла вновь отошла к южным ветвям. Айона лишился прежних покровителей, или,

⁴ В результате увещевания папы Гонория I Южноирландская Церковь, всегда поддерживающая прямые контакты с континентом, около 630 г. на Соборе в Маг Лене приняла римское счисление Пасхи. Ученый-монах из Дурроу Куммиан писал о том Соборе Сегену, игумену Айоны, пытаясь переубедить коламбовского преемника, стоявшего на традиционных позициях. От аргументов Куммиана Сеген, очевидно, не дрогнул. Напротив, он явно укрепился в претензиях к Риму и оказался в числе клириков, к которым обращался в 640 г. папа Иоанн IV. Письмо Куммиана сохранилось, и это единственный документ, дошедший до нас о пасхальных спорах в Ирландии.

⁵ По преданию, ему принадлежал самый ранний агиографический текст Айоны «Книга о доблестях св. Коламбы» (сочинение утеряно).

точнее, семья Сенел Конаилл утратила влияние. Тогда же произошла кульминация «пасхальных споров». Брат Освальда, новый король Нортумбрии, Освиу (Озви) женился на женщине королевских кровей из Кента. Он был проирландски настроенный монарх, ее же обратили в христианство континентальные миссионеры. В одной семье Пасху встречали в разное время. Освиу придерживался кельтской практики, его жена – римской. Долго так продолжаться не могло, и Освиу к 664 г. собрал Собор, заседавший в местечке Уитби. Беда дает детальный отчет о всех перипетиях Собора, где Вилфрид Йоркский представлял папский Рим, а Колман Линдисфарнский – Кельтскую Церковь. В итоге Освиу убедили аргументы Вилфрида, который ссылаясь на авторитет апостола Петра и его последователей. Св. Колман был вынужден отправиться на Айону с тридцатью монахами и реликвиями Айдана. Поражение Колмана в Уитби ослабило ирландское влияние среди нортумбрийцев, и Куммен, похоже, никакого участия в спорах не принимал. Через тридцать лет, когда Адамнан писал «Житие Коламбы», он пытался защитить память святого, поверженного на английском Соборе.

Былая слава вернулась к «Острову королей» во время предстоятельства уже самого Адамнана (679-704). Нортумбрийский правитель Экфрит погиб в 685 г., пытаясь захватить большую часть пиктской территории. В результате победителем при Нехтанмере стал пиктский король Бруидмак Били, которого традиция изображала хорошо настроенным по отношению к Айоне. А в Нортумбрии на престол взошел внук верховного короля Уи Неилла Алфрит, которого воспитывали айонские монахи. Мудрый властитель, бывший к тому же дальним родственником Адамнану, говоривший по-гэльский, знал литературу и стал желанным другом «Университета Севера».

*Панорама о. Айоны
(фото автора)*

Беда предполагает, что именно Адамнан изменил практику счисления Пасхи (Кн. 5. Гл. 15), но из текстов святого совершенно не следует ничего подобного. Адамнан известен другими яркими делами. В 692 г. он прибыл в Ирландию и принял участие на выборах настоятеля наиболее значительного кельтского, но неколамбовского монастыря Клонмакнойз. Его кандидат происходил из пиктов и то, что игумен Айоны так активно вторгся в жизнь крупнейшей ирландской обители, свидетельствует о его дипломатических способностях и влиянии. Через пять лет, в 697 г., автор «Жития» вновь посещает «Зеленый остров». На Соборе в Бирре (графство Оффали) он вносит «Закон о невинных» («Каин Адомнаин»), защищавший женщин, детей и священнослужителей от насилия и военной

службы. Очень необычное для средневековья мероприятие. Закон распространялся на несколько королевств от Пиктланда до Манстера и был важен для Айоны как с точки зрения престижа, так и с точки зрения морального вклада в защиту слабых. «Каин Адомнаин» вступил в действие, и к нему не единожды обращались ирландцы, шотландцы, пикты⁶.

Адамнан почил в 704 г., оставив после себя великолепный центр духовной, научной и политической жизни. В «Собрании канонов Ибернии», составленном монахом Ку Хуилином, его почитают как святого. Мощи Адамнана носят по Ирландии, чтобы «Закон о невинных» не прекращал своего действия.

Спустя несколько десятилетий, а именно в 740-750-е гг., большую политическую активность стала проявлять другая династия южного Уи Неилла – Кланн Холмаин, в лице короля Домналла Миди. Последний решительно поддерживал коламовский монастырь Дурроу (=дубовая роща), где согласно преданию и был погребен. Его связь с Айоной фиксировали «Анналы Ольстера». Домналл продвигал так называемый «Закон Колм Цилла» (Колаамбы) в 753 году. Содержание закона неизвестно, но его происхождение айонское. Кульминацией сотрудничества королей южного Уи Неилла и настоятелей «Святого острова» стало сооружение нового монастыря в ирландском Келлсе (807 г.). Келлсу суждено было превратиться в своеобразное духовное и административное убежище «семьи Колаамбы», после того как скандинавы принялись методично разорять Гебриды и добрались до Айоны.

⁶Средления закона «Каин Адомнаин» были таковы, что Айона стояла на защите «невинных», детей и женщин, а любой, причинивший таковым неприятности, должен был выплачивать компенсацию в пользу островной обители. Мы иногда встречаем романтические описания Ирландии, в которой с женщинами обращаются как с равными, где их почитают, уважают мужчины, а общество наделяет свободой и даже властью. Такой Ирландии не существовало.

Первый норвежский набег датируется 806 годом. Тогда, в поисках золота и сокровищ, связываемых с религиозными орденами, викинги высадились на остров, разграбили монастырь и в месте, теперь называемом «Бухта мучеников», убили 68 монахов. Рейд 825 года оказался еще более опустошительным. Валахфрид Страбон, инок островного монастыря Рейхенау, что на озере Констанс (Швейцария), спустя несколько лет написал поэму в честь одного из казненных монахов – Блатмака. Когда ее читаешь, бросает в озноб. Окаянная орда насильников ворвалась в открытые помещения, угрожая самыми жестокими зверствами. Многих убили. Захватив в плен благословенного Блатмака, стали требовать, чтобы тот указал, где спрятана рака с мощами св. Колаамбы. Блатмак отказался и принял мученическую смерть. В 986 г. произошла третья и последняя высадка, после которой значительная часть монастырских построек осталась лежать в руинах. (Но христианское влияние постепенно распространилось в Норвегии, и к концу X в., когда Гебриды принадлежали норвежцам, епископа Айоны рукополагали в сан в Тронхейме. Церковь, построенную в Исландии крещеными викингами, освятили в честь св. Колаамбы. С того времени скандинавы продолжали осуществлять свои набеги, сосредоточившись на западных берегах Европы).

Загадочна судьба раки с мощами святого. Хранилище реликвий Колаамбы в середине IX в. несколько раз перемещалось между Ирландией и Шотландией. Если рака (ирландское – scáin) привезена в Ирландию в 878 г., то это последнее фиксированное место, где преподобный погребен. По другой версии, во время третьего (986 г.) набега разбойники нашли раку, но вместо сокровищ там лежали кости святого. Разозленные, они бросили гроб в море. Ковчег с мощами поплыл и его прибило к ирландскому берегу в районе Даунпатрика. По Божиему

научению, местный аббат опознал останки и похоронил их рядом со свв. Патриком и Бригитой.

Мощи Коламбы появляются вновь при драматических обстоятельствах ближе к концу XII в. Их повторное открытие напрямую связано с англо-норманнским завоеванием Ольстера. В 1177 г. Джон де Корк (G. De Courcy) захватил и укрепил Даунпатрик. Король Улад (Ulaid) напал на де Корка, но был отброшен и при бегстве оставил множество реликвий, в том числе посохи св. Финниана и св. Ронана. Позднее, в том же году, Улад возвратился с большими силами королей Ольстера и вновь потерпел поражение. Де Корк захватил аббата Армага, два колокола, связываемых со св. Патриком, посох св. Комдалла и многое другое. Свидетелем той битвы оказался папский легат кардинал Вивиан (Vivian). Джон де Корк был не только превосходным полководцем, но находился в авангарде реформистского движения Ирландской Церкви. Он выделил землю для основания бенедиктинского монастыря в Даунпатрике (1183 г.) И в 1185 г. при нем произошло одно из самых известных «перемещений святых». Якобы епископ Даунпатрика Малахия (Malachias) Третий молил Бога указать место захоронения святых мощей. И вот, однажды ночью в храме зажегся свет, который сфокусировался над какой-то плитой. Малахия разобрал пол и нашел останки, которые и повелел разместить в три отдельных ящика или гроба. Де Корк узнал о находке и стал добиваться от папы Урбана III разрешения на торжественное перезахоронение. Папа согласился, в результате чего 9 июня (день св. Коламбы) при большом стечении народа, под покровительством кардинала Вивиана, обретенные мощи «святой ирландской троицы: Патрика, Бригиты, Коламбы» с великим торжеством поместили в новую раку. После 1185 г. все упоминания о почитаемых останках Коламбы будут

прямо или косвенно связываться с Даунпатриком, но ирландские источники про «перемещения» ничего не сообщают.

Два столетия Айона, лишенный не только почитаемых святынь, но и прежних зданий, безмолвствовал. Наконец, в 1203 г., по настоянию сына знаменитого «короля островов», главы клана Дональдов, Сомерледа (Somersled) Рединальда (Redinald), на месте Коламбовской обители был возведен прекрасный бенедиктинский монастырь. Он пришел на смену всем разрушенным (кроме часовни св. Орана) норвежцами старинным зданиям. Совершенно неожиданно в те же годы неподалеку от бенедиктинской усадьбы поднялись стены и женского монастыря ордена «Черных монашек». Подобное появление женщин могло бы возмутить св. Коламбу. Традиционно, даже жены работников на святой острове, хотя и допускались, но поселиться им не разрешалось. (Вспоминается греческий Афон.) Сегодня это живописные руины, стены которых летом покрыты буйно разросшимися цветами.

*Протоиерей Александр Шабанов.
Остров Айона. 2003 г.*

После Реформации Айона оказался в руках клана Маклинсов (Macleans of Duart), а в 1693 г., когда они потеряли власть, он попал в ведение графства Аргайл (Argyll). Так остров и оставался заброшенным и оскверненным протестантами, пока шотландский правитель Дюк VIII в 1899 г. не решил передать разоренную обитель независимой Церкви Шотландии для восстановления и использования всеми христианскими конфессиями. С 1902 г. по 1910 г. значительная часть работ была проделана этой Церковью. Но поворотным стал 1938 год. Именно тогда distinguished Джордж Мак Леод (G. MacLeod) из Фьюнари основал «Общину Айоны». Безработные Глазго, с верфей Клайда, оставшиеся не у дел во время экономического кризиса 30-х годов, студенты, мужчины и женщины всех сословий и классов сплотились в необычную группу. Шотландские, английские, уэльские, ирландские христиане восстановили все здания монастыря. Прежняя простота и красота вернулись на остров. Из многих стран шли пожертвования и материалы для работ. Норвегия отправила крупный груз строительного леса в качестве своеобразной компенсации за походы своих предков-викингов. Другой ценный взнос великодушно сделала береговая охрана британских войск. Она подняла со дна и доставила затонувшую в Первую Мировую войну около Малла шхуну с дубовыми бревнами. Быть может, все эти события стали исполнением пророчества св. Коламбы о том, что «где когда-то слышно было пение монахов, будет лишь крик скота, но прежде, чем мир достигнет конца, все станет как было».

Отчасти пророчество исполнилось: на Айоне молятся католики, англикане, протестанты. Православные британцы, справедливо считая остров святыней Древней неразделенной Церкви, совершают сюда паломничества. Как говорил доктор Джонсон: «Мы ступаем на знаменитый Остров, бывший светиллом в каледонских землях, откуда кланы дикарей и бродячие варвары черпали блага

знания и благословения религии. Остается жалеть того, чья добродетель после посещения земли Коламбы не возрастет».

Обагранный кровью святых кельтских мучеников, Остров все еще хранит немало тайн, которые так и останутся непознанными. Согласно древнему преданию, ему предстоит возвышаться над миром в последние времена. Оттого на Айоне сложилось удивительное захоронение – северо-западный аналог иерусалимской «долины мертвых».

Там похоронены тела 48 шотландских королей от Фергуса II до Макбета, в том числе Кеннет I Мак Элпин – первый король Объединенной Шотландии († 858). В исторически неточной пьесе Шекспира «Макбет» спрашивают у Мак Даффа, где лежит тело короля Данкана († 1040), и слышат в ответ:

Оно отвезено на Колим-Киш,
В священную сокровищницу его предков,
К хранителю их останков.

Здесь же покоится прах четырех ирландских и восьми норвежских королей. На острове предавали земле аббатов различных монастырей, вождей кланов, и даже, если верить Martin Martin'у, погребли одного архиепископа Кентерберийского. Траурные процессии проходили по улице Мертвых, частично сохранившейся до наших дней, к часовне св. Орана, где и совершалась панихида. Следы королевских захоронений исчезли, но в галереях монастыря и музея (бывший айонский госпиталь) выставлены некоторые из сохранившихся каменных надгробий. На том же древнем кладбище лежат 16 американских моряков, погибших в кораблекрушении 1865 года, сбитый во Вторую Мировую войну немецкий летчик и предшественник Тони Блэра на посту в лейбористской партии Джон Смит.

Многое навсегда забрал к себе Оксан или поглотила земля. Исчез престол, вырезанный из цельного куска мрамора, что

добывали на юге острова. (Рыбаки откалывали от него кусочек за кусочком, чтобы брать в море для предотвращения штормов и опасностей.) Пропал и стоявший рядом с аббатством Черный камень, на котором лорды Гебридов подписывали передачу владений и произносили клятвы. Но огромные атлантические волны до сих пор бьются об ослепительно белую песчаную полосу западного побережья, цветы растут на холме, где св. Коламба разговаривал с ангелами, и тюлени следуют за нынешними кораклами. Это солнечный остров. Тяжелые грозовые тучи проплывают над ним, но дождь чаще проливается на высокие, холодные скалы соседнего Малла. Айону называют «Островом Мира». Здесь, действительно, пилигрим находит «мир» как тишину и покой, а также «мир» в значении согласия и взаимопонимания.

Преподобный Коламба – «утренняя звезда шотландской веры» – вот уже пятнадцатый век молится за эту землю. К нему едут, плывут, идут тысячи людей. Он был и остается любимым святым для христиан различных конфессий. Его следует почитать как небесного покровителя всего Северо-Запада, сердце которого – **АЙОНА**.

Бухта св. Коламбы

ГЛАВА 4 «ИСПОЛНИВШИЙ ЗАВЕТЫ ВАСИЛИЯ»

*Его могилу в славе вы найдете
принять готовой всякую печаль погоды
... Он не предстанет пред Христом на Суд
Коламба прежде века погребен – пока
не ослабела*

Британия от страха перед адом

«Чудо св. Коламбы VI в.»

«Монах, которого звали Байтен, однажды пришел к святому отцу и сказал: «Отче, мне нужен один из наших братьев, чтобы проверить и выправить ошибки в Псалтири, которую я только что закончил переписывать. Благослови кого-нибудь».

Выслушав Байтена, святой ответил: «Не вижу в этом никакой необходимости. В Псалтири, о которой ты говоришь, не отыщется ни одной единой лишней, ни какой-либо пропущенной буквы, кроме одной гласной *i* (=йоты). Так вот, когда всю Псалтирь перечитали, то обнаружили, что в манускрипте недоставало только того, о чем предсказывал св. Коламба».

Долгие столетия кельты, не имевшие собственной письменности, оставались чрезвычайно литературной нацией. Они любили красивые легенды, их вдохновляли героические предания. Тысячи стихотворений и поэм изустно передавались от поколения к поколению, обрамлялись музыкой и звучали одинаково прекрасно в доме вождя и сельской хижине. Это не

была нравоучительная или развлекательная мифология о временах далеких и людях фантастических. История Кухулина, Финна мак Кумала, Луга Длинная рука воспринимались как совершившиеся, реальные. Поэт, знавший о прошлом все самое главное, становился почти друидом. Его положение в обществе напрямую зависело от элегического мастерства и памяти. Он мог воспевать родную землю, призывать к сражению, вдохновлять на путешествия, обличать богатых и насмехаться над глупцами. «Лейнстерская книга» фиксирует список древних саг, объединенных по сюжетному принципу. Саги повествуют про разрушения, похищения скота, битвы, сватовства, плавания, приключения, пиры, осады, набеги, видения, военные походы и любовь. Впечатляющий объем.

О легендарном филиде Оссиане ирландский поэт XIX в. Томас Макги в поэме «Кельты» говорил:

Ты, Оссиан! Пусть двадцатью веками
От нас ты отделен и фении не строятся рядами
для битв и похорон...
Гигант, певец... Теперь во всей Вселенной
Кто до конца постиг
Поэзии бессмертье в жизни брэнной,
Кто в мир певца проник?
Один лишь был с душою вдохновенной
Достойный ученик,
Он понял мир их чудный, дерзновенный,
Как песен их язык.

Язык песен следовало культивировать и сохранять. С незапамятных времен поэты это прекрасно понимали. Так что,

когда вместе с христианством на европейский Северо-Запад пришла сначала латинская письменность, а несколько позднее сформировалась собственно ирландская, кельтские монахи полностью унаследовали статус филидов и составили целый класс высокообразованных людей. Они оберегали старые и создавали новейшие литературные памятники. По мере того как развивалась Кельтская Церковь с ее специфическим монастырским укладом и родовой структурой, складывалось почитание все новых и новых национальных святых, в чьи уста можно было вложить не только молитвы, но стихи и гимны. В одной из поэм X века обнаруживается даже стихотворный диалог между св. Коламбой и тем самым Кормаком (из адамнанского «Жития»), что трижды отправлялся на поиски «земли обетованной». Коламба, называя Кормака по имени его знаменитого отца, говорит:

Сын Димма благородный,
С тобою благодать.
Ты человек свободный
и можешь выбирать.
Но чтобы не лишиться тебе духовных сил,
Я ныне завещаю: куда бы ты ни плыл,
На Север, Юг и Запад,
Восток, в прилив, отлив,
В какую б ни зашел ты
Иль гавань иль залив,
И сколько бы от берега ты ни был отрещен,
Ты должен только в Дарроу
Быть телом воскрещен.

(пер. С. Красовицкого)

Большое распространение получил жанр *logica* (= «кожаные латы») – молитвы о защите. Их приписывали, прежде всего, Патрику, а также свв. Фурсе, Колману и Коламбе. Древнейшие из дошедших произведений датируются VI веком и представляют собой лирический по форме, героический по содержанию нерифмованный силлабический стих. Гораздо позднее, в IX-X вв., создавались поэмы, автором которых считался айонский игумен. Вполне вероятно, что какие-то недошедшие до нас тексты святого легли в их основание или послужили импульсом к творчеству безымянных поэтов.

Мы же располагаем уникальным произведением, которое было написано около 600 г. ирландским бардом Далланом Форгайлом: *Amga Choluibh Chille* («Чудо святого Коламбы»). Сочинение поэмы инициировал король Северного Уи Нейлла Аэд мак Аинмерех, кузен святого, желавший иметь «достойную поэму для всех людей» в связи с кончиной Коламбы. (По версии Норы Чэдвик, Даллан составил панегирик в благодарность за поддержку Коламбой ирландских филидов, которым угрожало изгнание.) *Amga* состоит из 150 строк, написанных чрезвычайно искусным аллитерационным стихом, и ее следует отнести к глубоко разработанной традиции местной хвалебной поэзии. Этот оригинальный текст любопытен тем, что и по словарю и синтаксически является тщательным смешением национальных и христианско-латинских элементов. Исследователи обычно рассматривают его композицию как своеобразную интеграцию христианства в ирландскую жизнь VI столетия.

Даллан изображает Коламбу великим человеком, но подчеркивает, что святой придерживался христианских идеалов более, чем героических, столь свойственных кельтам:

Клонмакнойз. Башня-библиотека монастыря

Для нас он умер – вождь народов, хранивший жизнь,
Для нас тот умер, кто бедноту вел за собой,
Скончался вестник Божий и провидец,
К нам не вернется тот, кто открывает истинное слово.

Для барда большое значение имеет духовный мир Коламбы, его внутренняя жизнь, мудрость, доблесть и великое предназначение:

Он достиг апостолов, где силы небесные,
Он достиг земли, где не видно ночи,
Он достиг земли, из которой мы ждем Моисея,
Он достиг равнины, в которой любят музыку
И где не умирают мудрецы.

Скорее всего, автор не сомневался в том, что читающая, а более слушающая, аудитория знакома с историей жизни святого, и оттого в «Чуде» поразительно мало деталей из коламбовской биографии. Хотя говорится, что он «защитник ста церквей», ни одна по имени не называется. Зато читатель узнает о прекрасном образовании в различных областях и организаторских способностях преподобного:

Земля Севера осветилась, люди Запада озарились,
Он возжег Восток благочестивым иночеством...
...Он разговаривал с ангелом, он изучал греческую
грамматику.
...Он ересей не принимал и не был равнодушен,
Не делал то, что не согласно Божию Закону.
...Он исполнил заветы Василия,
Запрещавшего хвалиться небесными силами.

Особо Диллан отмечал, что главное место в служении Коламбы занимали проповедь и толкование Священного Писания, то есть миссионерский подвиг:

Он шел путем, ведущим к правде,
Учитель, бережно ткал слово,
Своею мудростью ясно объясняя
Псалмы, что ведал в совершенстве.
Он проповедовал Писание,
Которое любил святитель Кассиан.

Самоотреченность и ученость, таким образом, составляют главные добродетели в представлении ирландского барда. Чудеса, сверхъестественные явления – неотъемлемая часть средневекового эпоса – в этом произведении отсутствуют совершенно. Личность и дела Коламбы – вот чудо! Для века, который столь скуп на записи, Амга просто находка, откровение. Она заканчивается обещанием, согласно которому: «Коламба защитит нас на Сионе», – а ее последние строки звучат так:

Бесконечны вариации стихов, безбрежно
великолепное солнце небес.
У меня нет времени.

Другое произведение, традиционно связываемое с именем святого: гимн *Altus Prosator* («Великий Творец»). Этот, уже рифмованный, ирландско-латинский текст пользовался большой популярностью в западной Церкви. Полностью или частично он обнаружен в трех ирландских рукописях, а также в четырех ранних манускриптах континентальных библиотек, и одна копия находится в Лондоне. Известный богослов, поэт и ученый

Грабан Маур (Hraban Maur † 856), бывший аббатом Фулды и архиепископом Майнца, включил большие части «Творца» в собственное сочинение «Aeterna rerum conditor» («Создатель Вечности»).

Часто подобного рода гимнам старались придать весомость и значимость, умышленно отождествляя их авторство с кем-то из влиятельных святых, но в данном случае причастность Коламбы к сочинению «Великого Творца» оспаривается лишь некоторыми скептиками. *Altus* устроен по принципу знаменитого «алфавитного псалма» блаж. Августина (*Abecedarian psalm*). Он имеет строгий алфавитный порядок: первый станс начинается с А, второй с В и так далее. В первом стансе семь строк, во всех остальных по шесть. Каждая строка состоит из двух половин по восемь слогов, и конец первой половины рифмован с окончанием строки. Мало оснований полагать, что автор тяготел к аллитерации, которая столь характерна для ирландского стихосложения (вспомним «Чудо»), но, определенно, он стремился говорить ярким, образным языком высокой поэзии:

Облака гонят стылые воды из недр Океана,
Из трех глубоких потоков моря,
При покрове небес и лазурных ветров.
Они несут благо хлебам, виноградникам, травам;
ветры, вырвавшиеся из амбаров, гонят их,
иссушают морские болота...

Библия – главный источник вдохновения св. Коламбы. Картина Творения неба, звезд, земли, ангелов разворачивается в соответствии с откровением Писания:

Божественной Силой Великого Господа
подвешен шар земной
И бездонный круг размещен вокруг него
Бог Всемогущий удерживает его Своею рукой
Словно непоколебимыми колоннами, что как
Мысы и скалы – вот вечный и прочный фундамент
Крепко стоящий, словно на неподвижной основе.

Возникает вопрос: какой версией Библии пользовался преподобный? Христиане Запада смогли читать латинский перевод Ветхого Завета с еврейского оригинала (Вульгату блаж. Иеронима) не ранее V века. До этого они располагали латинскими переводами с греческого, так называемый *Vetus latina*, которые были различного качества и компоновки. По крайней мере, избранные части Вульгаты Коламба знал, поскольку *Altus* содержит цитаты из обоих текстов, и можно утверждать, что поэма представляет собой одно из самых ранних свидетельств использования перевода блаж. Иеронима в средневековой Шотландии.

Другой особенностью «Творца» можно считать широкое использование святым различных экзотических иностранных слов. Коламба, согласно тексту «Чуда», изучал греческую грамматику, и в «Творце» употребляются выражения типа «скилла и харибда», слова: «баратрум» (=пропасть), Фетис (=море, от греческой богини океана), «полиандриа» (=кладбище). Там звучит дальше эхо античной мифологии:

Преходяща слава князей мира сего,
Скоротечных тиранов, низвергаемая волей
Бога. Посмотри, гиганты томятся глубоко под водой,

Ожидая мученья в огне,
Задыхаясь в водоворотах Кокита.
Их разбивают волны и острые камни.

Но самое интересное – это библейские параллели и образы. Созерцательное изучение Св. Писания (*lectio Divina*) всегда составляло центральную часть монашеской жизни. Отрывки священного текста иноки заучивали наизусть, чтобы после над ними тщательно размышлять, углубляя собственное понимание Божественного Откровения, и объяснять верующим библейское учение. Все другие занятия были напрямую связаны с этим, и «Житие» Адамнана – замечательный документальный источник, раскрывающий такую связь.

В предыдущей главе я упоминал хижину преподобного, его айонское жилище, которое достойно более внимательного рассмотрения. По довольно скудным сведениям, келья Колаамбы находилась на возвышенности, ее подпирали специальные балки, дверь обращалась к востоку. Скромный домик, совмещавший в себе скрипторий и молельню, на деле оказывался сердцем большого монастыря. Он располагался таким образом, что игумен всегда мог быть в курсе всех островных событий. Колаамба видел приплывающие с Малла коракли, иноков, отправляющихся на полевые работы, паломников, посещавших обитель. Адамнан изображает преподобного, трудящегося с открытой дверью, ему прислуживает Диормит, а кто-то из братьев охраняет покой игумена. Но за этой прозаичностью скрывался и религиозный символизм, ведь келья располагалась ближе всего к небу, к горнему миру, и оттого ее обитатель обладал пророческим зрением. Он знал о событиях ирландского Дурроу, ближних Гебрид и

далекого континента. Здесь Коламба взывает о помощи к ангелам, обращает в бегство демона, «притаившегося в сосуде». Сюда приносят инструменты, книги, молочники. Он благословляет эти предметы и с ними начинают происходить различные чудесные события. Наконец, именно в скромной хижине святой получает небесное видение о собственной кончине и воскрешении. Отшельник и настоятель монастыря, два различных призвания соединены в образе Коламбы-писца, учителя айонской общины. Различные источники могли воздействовать на формирование такого образа, но, несомненно, ему практически нет равных по объему и связанности, а некоторые части составного портрета изображаются с обстоятельными подробностями.

Обратим внимание на то, что Адамнан не представляет Коламбу как ученого и не называет ни одного текста, автором которого был бы сам преподобный, равно как и ни одной небиблейской работы, им прочитанной или переписанной. Из «Чуда» мы знаем, что святой толковал Закон, читал Василия и Кассиана, изучал статистику и греческую грамматику. В «Житии» практически единственный раз приводится пример прямой экзегезы (к слову «суббота – день покоя»), но и тот передается косвенной речью (см. 3 часть «Жития»). Некоторыми существенными деталями образ Коламбы-писца отличается от раннесредневековых представлений о вдохновенном библейском или церковном авторе.

Писатели поздней античности часто использовали фигуру неграмотного, но праведного человека с подробным описанием чудесных проявлений или знаков его мудрости как тонкий риторический инструмент для того, чтобы подчеркнуть:

христианское знание происходит из Божественного Откровения, а не секулярной учености. Интеллект и красноречие заслуживают уважения, но сами по себе, находясь вне Истины, – бесплодны. Так, блаженный Августин в предисловии к «Христианской доктрине» признавал, что в некоторых случаях знание исходило непосредственно от Господа. В качестве примера он приводил св. Антония, который, не изучив алфавита, запомнил наизусть все Писание, когда библейский текст читали вслух. Более того, благодаря молитве, он постиг Откровение в совершенстве. Подобный агиографический пример, конечно, не призывал верующих отказаться от приобретения образования, но с его помощью можно было продемонстрировать, что понимание Библии связано с внутренним состоянием человека.

Благодаря духовной мудрости (*sapientia*), а не совершенным знаниям (*scientia*) св. Коламба представлялся как идеальный игумен, излагающий Откровения островному монастырю, хотя уроки, которые он дает, не раскрываются в биографических описаниях.

Во «втором предисловии» Адамнан перечислял ежедневные занятия преподобного: пост, бдения, чтение и письмо. Из всего названного, именно письмо, а точнее переписывание, создание новых копий Св. Писания, занимало особое место в жизни святого. В ночь своей кончины Коламба сидел за манускриптом. «В чем найду, в том и сужу», – говорит Господь. Прежде всего, это высказывание касается духовного состояния человека, отправляющегося в вечность, но если вспомнить различные библейские и агиографические примеры того, как праведники завершали свой земной путь, то переписывание Коламбой Слова Божиего можно считать исполнением священного задания. Он работал над копией псалмов. В какой-то момент преподобный сказал: «Здесь, в конце страницы, я

должен остановиться. Пусть дальше пишет Байтен». Адамнан комментирует: «И следующий стих был: «Придите, мои сыновья, услышите меня; я научу вас страху Божиему» (Пс. 33; 12), – это в полной мере относилось к последователю (Байтену), отцу духовных сыновей». В Древней Церкви приведенные слова Псалмопевца воспринимались как пророчество о Христе, призывающем верующих узнать от Него «Страх Божий» – путь к вечной жизни. Святой Кассиан Римлянин часто использовал выражение «страх Господень» для описания покаянной практики монастырей и проповеди о грядущем Царстве Небесном, в которое войдут иноки, умеющие слушать и понимать Св. Писание. «Сыновья» Коламбы следуют именно этой стезей.

Больше всего места Адамнан уделит родственнику преподобного, его «достойному и подходящему» преемнику Байтену¹. Определенного описания духовного роста, образования «мудрого и святого человека» в «Житии» не найти, хотя Байтен изображается как совершенствующийся в послушании, приобретающий религиозный опыт и все более становящийся похожим на своего наставника. Когда Байтен руководил общиной на острове Этх (= Tighe), Коламба хвалил его за то, что он защищал свой монастырь постами и молитвами от демонских набегов, разорявших окрестные обители болезнью. Адамнан говорит, что Байтен, подобно Коламбе, «надел на себя доспехи апостола Павла». И если преподобному удалось изгнать с Айоны армии бесов и сохранить в невредимости всю братию, то в общине Байтена, следовавшего указаниям святого, умер лишь один человек. Другие же монастыри потеряли множество иноков. С Байтенем связана и любопытная история, приведенная в начале

¹ Память св. Байтена совершается в один день со св. Коламбой.

главы. Господь открывает Коламбе, что в Псалтири, переписанной его учеником, нет ни одной лишней буквы, все на месте, кроме недостающей йоты. Кажется, Адамнан в очередной раз свидетельствует о пророческом даре айонского игумена. Но за этим кратким эпизодом сокрыт целый пласт апологетических дискуссий раннего средневековья.

«Книга Келлс», Кон. VIII В. (деталь)

Пророк Моисей призывал израильский народ: «Не прибавляйте к тому, что я заповедую вам и не убавляйте от того» (Второзак. 4, 2). Абсолютная мера и достаточность Божественного слова имела принципиальное значение для многих святых отцов. Эти слова пророка цитировал святой Колумбан (Epistula 1. 4 – 600) в ответ тем, чье датирование еврейской Пасхи считал ошибочным. Схожие утверждения о нерушимой целостности Св. Писания долго фигурировали при защите традиционных форм исповедания веры против раскольников и еретиков. Понятие выражалось в образе, согласно которому нельзя было ни добавлять, ни изымать даже ни одной буквы Библии. Некоторые восточные отцы проводили прямую параллель между алфавитом, завершаемым во всех своих знаках, с истиной Евангелия, завершаемой во всех буквах, используемых для ее написания. Ефрем Сирий об этом говорил так:

Подобно телу алфавита
Завершенному в своих членах
из которого нельзя убрать ни одной буквы
и ни одной нельзя добавить
Истина, написанная в Евангелии
Буквами алфавита – Абсолютная мера,
не допускающая большего или меньшего.²

Большое влияние на греческую и латинские школы экзегезы оказал еще Ориген, считавший, что божественные тайны сокрыты в буквах текста. В комментарии к первому псалму он сообщал, что «Мудростью Божией проникнуто все Писание до

² Hymnus against Heresies, XXII, 78.

мельчайшей буквы». Более того, Ориген отождествлял эту «мельчайшую букву» с греческим эквивалентом йоты (ι), в качестве авторитетного примера цитируя слова Спасителя в Евангелии от Матфея (5, 18): «Ибо, истинно говорю вам: доколе не пройдет небо и земля, ни одна йота или ни одна черта не пройдет из закона, пока не исполнится все». Несколько раз он использует этот образ, чтобы подчеркнуть единство и связность Библии: «Нет ни одной йоты или значка в Писании, которые не оказали бы влияния на тех, кто их знает, как понимать» (Philocalia II, 4. SC 302, 366-370; Philocalia of Origen). Вслед за Оригеном блаж. Иероним отмечал, что в случае со значком йоты слова Христа (Мф. 5, 18) показывают: «Те вещи в законе, которые считаются наименее значимыми, наполнены духовными святынями и все сходятся в Евангелии» (Jerome, Commentariorum in Matheum I, 510-515; CCS 77, 27).

В «Житии св. Коламбы» Адамнан оригинальным способом фиксировал идею, согласно которой не только весь алфавит представлял собой абсолютную меру Писания, духовно вдохновенную до мельчайшей буквы, но и эта буква сама оказывается способной выражать целостность и совершенство.

Другой специфической особенностью агиографического повествования Адамнана, создающего образ Коламбы-писца, можно считать композицию из нескольких чудес, связанных с книгами святого игумена. Описание манускриптов, сделанных преподобным и подвергшихся воздействию воды, представляется не случайными рассказами о сверхъестественных явлениях, но показывающими, насколько Коламба близок к Богу, раз имеет власть над стихией даже после смерти. Адамнан утверждал, что

история о спасенной книге основана на достоверных свидетельствах. Он говорит о своем личном присутствии на Айоне во время засухи, когда книги со страницами, написанными святым, проносились среди монастырских пашен и из них зачитывались места, в которых Коламба беседует с ангелами. Без сомнения, книги рассматривались как почитаемые реликвии и знаки постоянного присутствия игумена в общине. Их торжественно возлагают на престол, поют псалмы и взывают к помощи Коламбы. Попутный ветер тогда способствует доставить строительные материалы к Острову. Не менее любопытен эпизод, когда святой, занятый обычной работой, благословляет не рукой, а пером принесенный нож, и физические свойства оружия кардинальным образом меняются. Теперь им нельзя никого ранить. Даже расплавленный металл ножа, из которого сделали другие инструменты, сохраняет это новое качество, «так как сила благо-словения святого осталась неизменной». В качестве еще одного религиозного символа можно рассматривать и контраст между недолговечностью материала, из которого изготовлен манускрипт (кожа мертвых животных), и «вечной природой» их содержания. Книге придается особое сакральное значение, ее тщательно оберегают.

Раннехристианские авторы использовали слово *scrinium* для обозначения ящика или сундука, в котором хранились не столько простые письма, сколько сокровища или святыни, заключавшие в себе особо памятные, важные вещи. К таким относились книги и прежде всего копии Св. Писания. Сложился устойчивый обычай обивать манускрипты драгоценными металлами или помещать их в специальные раки (как мощи

святых) из серебра и золота. На континенте такая традиция имела широкое распространение. Но у Адамнана ничего подобного не описывается. Напротив, внешне заурядно оформленная книга с гимнами, которую спасают из реки по прошествии нескольких недель, оказывается неповрежденной. Кожаный переплет испортился, но сам манускрипт, созданный Коламбом, остается настолько чистым и сухим, «как если бы лежал в хранилище (*scrinium*)». Другой случай еще более символичен. Из мешка с книгами, пролежавшем довольно долго в ирландской реке Бойн (*Boyne*), извлекают один фолиант, в котором находится страница, написанная «святыми пальцами Коламбы». Только переплет защищал этот манускрипт. Другие страницы и книги сгнили, но текст преподобного сохранился. Можно сделать лишь один вывод: святость переписчика, а не материал изделия стала залогом нетленности рукописной реликвии. Уже ближе к финалу «Жития» Адамнан раскрывает истоки мудрости Коламбы-писца, вдохновленного свыше, и делает это сначала через рассказ о «видениях на острове Хинба», а затем помещая три истории, связанные со «Страхом Божиим». Конструкция адамнановского текста такова, что хронологически «видения» предваряют описание последних дней преподобного.

В многочисленных путешествиях провел жизнь айонский игумен. Его главными странствиями стали два: из Ирландии в Британию и дорога в Небесную Страну. Последняя предвосхищалась еще на земле, в откровениях на Хинбе. Там он говорил с ангелами. Адамнан не цитирует ап. Павла, но в его повествовании можно отыскать несколько явных параллелей с апостольскими посланиями. У апостола про мудрость сказано: «Мудрость же мы проповедуем между совершенными, но мудрость не века сего ... проповедуем премудрость Божию,

тайную, сокровенную, которую предназначил Бог прежде веков к славе нашей» (I Кор. 2, 6-7). Такая мудрость раскрывается только Духом Святым: «По откровению тайны, о которой от вечных времен было умолчано, но которая ныне явлена» (Рим. 14,25-26). После трехдневного молитвенного опыта на Хинбе святой Коламба пожалел об отсутствии «писца» Байтена, который, по словам Адамнана, «случись ему оказаться там, непременно все записал бы из уст благословенного мужа». Но Байтена удерживала «непогода и встречные ветры на острове Эге, пока не миновало трое суток». Поскольку в этих случаях Коламба мог управлять ветрами и оберегать своих монахов от морских опасностей, здесь препятствием становится что-то особенное. Объяснения Адамнана малоубедительны. Коламба имел власть над стихиями, о чем «Житие» сообщает неоднократно. Вспомни вопрос, задаваемый ап. Павлу: «Где мудрец? Где книжник?» (I Кор. I, 20). Апостол практически цитирует пророка Исаяю (33, 18), но не для того, чтобы выяснить физическое местонахождение конкретного мудреца (писца), он стремится показать, что проявление Премудрости Божией выходит за пределы понимания человеческого интеллекта, которые представляет обычный переписчик. Байтен, вынужденный остаться на Эге, не может в этой жизни разделить всю полноту духовного опыта Коламбы, но и сам святой показан без пера и книг, так как Тайны Писания раскрываются «глазам чистейшего сердца». Он изображен прежде всего как человек, обращенный к Богу, по словам апостола: «Соединяющийся с Господом есть один дух с Господом» (I Кор. 6, 17). Мудрость Коламбы, его понимание Горнего мира и «Небесных тайн» не есть результат ни его обучения, ни заслуг, она дана ему свыше. Он наполнен Св. Духом и лучами света, освещающего его ночью,

«Книга Келс». Ангел (деталь)

исходящими из дома, пробивающимися через дверные щели и замочные скважины. Коламба должен открыть другим в этой жизни понимание высшего совершенства и стремления к Истине.

Три истории, следующие непосредственно за «видением на Хинбе», посвящены чудесным явлениям нетварного света. В них отсутствуют какие-либо фрагменты Св. Писания, но Адамнан очень тщательно передает диалоги и «высказывания» святого, словно вписывая их в библейскую традицию Откровений. Адамнан говорит, что Колку «рискнул прийти к двери церкви», «стоял там некоторое время и молился». Когда же удалось буквально мельком увидеть появление небесного света, исходящего изнутри церкви, он не смог понять, откуда идет сияние, не уразумел его значение и перепуганный вернулся в свою келью. Это видение противопоставляется тому, что произошло с Виргно. Оставшийся скромно в глубине храма, на экседре, Виргно почувствовал Божественное присутствие, стал молчаливым свидетелем нетварного света, залившего церковь, потому что был связан со своим духовным наставником и не чувствовал страха, подобно Колку.

Итак, до самой последней страницы «Жития» Адамнан показывает, как облеченный истинной мудростью Коламба учит своих иноков послушанию и приоткрывает таинственную завесу иного мира. Замечание преподобного: «Здесь, внизу страницы, я должен остановиться», – возвещает о конце его земной жизни. Последний день вообще удивительно подробно расписан. (В мировой литературе не так много примеров совмещения лаконичности и трогательности.) Писание завершено, и Адамнан подчеркивает, что пожилой Коламба по звуку колокола «прежде всех» поспешил на полуночную службу. Не из страха смерти или

наказания он торопится, но из-за радостного желания быть с Богом. Монахи, подходившие к храму, сразу заметили яркий, великий свет, наполнивший церковь рядом со святым. Они несли фонари, нужды в которых уже не было. В это время Коламба входил в вечность.

Святому Адамнану одному из первых удалось создать столь красочный и гармоничный образ праведника-писца, учителя и мудреца, образ, который неоднократно будет возникать в других агнографических сочинениях Кельтской Церкви, и, конечно, найдет свое отражение в поэтическом наследии безымянных кельтских бардов. Например, в таком стихотворении:

Рука писать устала
писалом острым, новым;
что клюв его впивает,
то извергает словом.
Премудрости пребудет,
Когда честно и чисто
на лист чернила лягут
из ягод остролиста.
Шлю в море книг безбрежно
прилежное писало
стяжать ума и блага;
рука писать устала.

SAINT COLUMBA

*«Уста несчастного немого,
Свет для заблудившего слепого,
Стопы усталого хромого.
Прости свою десницу падшему,
Дай силу, прежде недвижимому,
Дай разум каждому безумному.
О Колум Килл! Надежда скоттов.
Молитвой крепкою своею,
Содейлай нас друзьями ангелов,
Блаженных ангелов, Аминь»*

*(Фе бо реир Колуимб,
ирландская поэма XI в.)*

«Однажды, когда святой жил на острове Ио, он позвал своего келейника Диормита и распорядился, чтобы тот как можно скорее начал бить в колокол. Поднятые громким звоном монахи вместе с Коламбой, поспешили в церковь. Там, опустившись перед алтарем на колени, преподобный сказал: «Братья, мы должны горячо и усердно сейчас молиться Господу за этот народ и за его короля Айдана. Только что их войско вступило в сражение». Спустя некоторое время святой вышел из храма и, глядя в Небо, произнес: «Вот теперь варвары обращаются в бегство, и Айдан одерживает, хотя и не радостную, но все же победу». Тогда же наш отец пророчески назвал число убитых воинов Айдана – 303 человека».
(Адамнан. «Житие св. Коламбы»)

Путешествия бывают разными. Одна и та же страна может произвести впечатления противоположные. Египет из окна автомобиля не слишком похож на Египет, который вы увидите с палубы нильского кораблика. Одно дело гулять по Венеции, другое – осматривать город, покачиваясь в гондоле. Или более простое сравнение: Россия от Твери до Астрахани, если спускаться по Волге, покажется несколько иной, нежели та, что промелькнет за окном поезда. Способ путешествия иногда становится способом понимания.

Миссионерские дороги не выглядят случайными. Такие маршруты прокладывает непосредственно Господь. Апостол Андрей Первозванный двигался древним торговым путем «из варяг в греки», чтобы достичь Новгорода, Гиперборейских земель и Валаама. Ливингстон использовал водную систему, связывающую реку Замбези, озеро Ньяса и Танганьiku, стараясь проникнуть в неведомые глубины Африки, св. Коламба для проповеди в горной Шотландии находил свои пути.

Великое ущелье, буквально рассекающее Высокогорье, в котором удачно соединились залив Лох-Линне с озерами Лох-Лохе и Лох-Несс, стало той самой миссионерской дорогой, по которой айонские монахи пробирались вглубь языческой страны. Легкие, плетеные из ивняка, обтянутые кожей коракли прекрасно подходили для плавания по внутренним водам. В случае необходимости эти лодки можно было переносить на руках, прятать в укромных пещерах, латать повреждения. Лишнего груза путешественники не брали. Несколько недель плавания при хорошей погоде разделяли Айону и крепость пиктского короля Бруда, стоявшую на том месте, где сейчас Инвернесс – город

миллионеров. В тексте Адамнана наиболее напряженные события связаны именно с этой страной и ее людьми.

Пикты – загадочный народ. Европейская история сохранила о нем довольно скудные воспоминания. Культура каледонских племен, их религия, образ жизни до сих пор остаются предметом длительных споров и темой большого количества исследований. Совершенно непонятно, откуда они вообще появились. Беда Достопочтенный считал, что пикты переселились из Скифии (нынешняя Украина), а средневековый ирландский поэт Мэл Мура Отэйский назвал Фракию¹ пиктской родиной. Некоторые ученые предполагают, что это не только докельтский, но и вообще не индоевропейский народ. Подобное суждение опирается на любопытную пиктскую практику наследования королевской власти, при которой трон передавался не по мужской, а по женской линии. Так называемая матрилинейность в Европе неизвестна. Историки, придерживающиеся противоположных взглядов, основываются на различных лингвистических и археологических свидетельствах, отводя пиктам особое место в кельтском мире. Гораздо более очевидны события античных времен.

В 50-х г. до н.э. Рим начал планомерную оккупацию Британии. Строились крепости, прокладывались дороги. Юг острова, Уэльс, центральная часть римлянам доставалась с боями, но без особых проблем. Север же оказался крепким и опасным бастионом. Суровый, капризный климат, горы и, самое главное, упрямые воинственные племена, сражавшиеся жестоко и без правил – все мешало превращению Каледонии (Шотландии) в очеред-

¹ Фракия – историческая область на Востоке Балканского полуострова, между Эгейским, Черным и Мраморным морями.

ную имперскую провинцию. С 80-х г. н.э. до начала V в. римские войска безуспешно пытались захватить северные земли. В 140 г. страх перед пиктами заставил оккупантов возвести линию укреплений – «Вал Антонина», чтобы из-за него уже производить вылазки. Впустую. Пикты не только методично оборонялись, но и сами, время от времени совершали набеги на цитадели колонистов.

Пиктский крест. VIII в. Шотландия

Античные писатели Тацит, Птолемей, Аммиан Марцелин именовали «варваров» различно: каледонии, вертурионы, а в 297 г. поэт-философ Эвмений впервые применил слово «пикты». Возможно, оно родилось в связи со странной традицией воинов раскрашивать свое тело перед сражением. В III в. пиктские племена разделились и образовали два крупных политических союза. Один находился на южной стороне от хребта Маунт, второй, соответственно, занимал северную. Экономика обоих оставалась схожей. Пикты возделывали землю, разводили овец и коров, ткали, обрабатывали кожу, резали по кости. Они умели обращаться с благородными металлами, бронзой и железом. Каменщики возводили множество башен, строили укрепленные крепости-форты. Среди достижений монументального искусства северного народа принято считать каменные плиты VI – XI вв., что обнаружены практически везде, от Шетлендских островов, Гебрид и до Файфа. На плитах древние мастера вырезали самые различные изображения от языческих точечных символов, изящных линейных узоров до христианских орнаментов и знаков, включая «кельтские кресты».

Полагают, что пикты использовали два языка: р-кельтский (родственный валлийскому) и какой-то более древний, не индоевропейский. Лингвистических артефактов маловато, хотя найдено около тридцати надписей на пиктском. Нанесенные на камни латинскими и огамическими знаками,² фонетически они прочитываются, но переводу не поддаются.

Пиктская история, по преимуществу, история сражений, и не только оборонительного свойства. Так, в 682 г. король Бруди мак Били совершил смелую вылазку на Оркнейские острова, а

² Огам – древний нерасшифрованный алфавит кельтов.

три года спустя в битве при Даннихене полностью разгромил войско англов во главе с нортумбрийским правителем Эгфритом. Самым могущественным вождем пиктского народа принято называть Энгуса мак Фергуса. Его держава, по сути, стала предтечей единого Шотландского королевства. Южный союз покорили скотты, Северный пал под мечами скандинавской интервенции. Подводя некоторый итог, следует сказать, что проповедь айонских монахов в значительной мере была обращена к «варварским» племенам, пиктам (особому смешанному этносу), населявшим Каледонию, в культуре которых прослеживается стойкое кельтское влияние.

История крещения пиктов складывается из трех неравнозначных частей. Ранняя имеет отношение к перенесению мощей святого апостола Андрея Первозванного из Византии в Шотландию. Магистр богословия прот. Сергей Петровский в своем обширном исследовании, посвященном ап. Андрею, цитирует греческого автора Томопуло, который, в свою очередь, ссылается на шотландского историка Фордума. (Имеется ввиду Джон из Фордана – John of Fordun – автор «Хроники народов скоттов» 1385 г. – *Авт.*) В результате читаем: «В середине IV в. священные останки ап. Андрея Первозванного, которые продолжительное время находились в городе Патры, состояли под особым ведением некоего игумена или епископа, грека по имени Ригул. В 345 г. император Констанций велел перенести их в Константинополь. Однако за три дня до перенесения Ригулу явился ангел Божий и приказал ему, сняв нарфикс, под коим почивали священные останки апостола, отделить от них одно плечо, три перста правой руки, часть колена и один зуб. Ригул исполнил повеление

свыше и через некоторое время получил новое указание: покинуть Патры, взяв с собою отделенные части мощей св. апостола. Он сел на корабль и отправился в море. У берегов Шотландии, около гавани, называемой теперь гавань св. Андря, корабль Ригула потерпел крушение. Тем не менее, сам он и сопровождаемые им мощи остались невредимы. Царь обитавших в ту пору на территории Шотландии пиктов Унгл принял Ригула с великой честью и после его проповеди крестился сам и крестил своих подданных. На берегу, против того места, где произошло кораблекрушение, тогда же был построен первый в Шотландии храм во имя ап. Андрея. В этом храме были положены части святых мощей, привезенных Ригулом» (С. Петровский. Жизнь, труды... ап. Андрея. СПб., 2003. С. 295). Наш известнейший церковный историк протопресвитер Иоанн Мейендорф комментирует предание несколько поверхностно: «Легенда эта (то есть перенесение мощей. – *Авт.*) связана с традицией, приписывающей св. Андрею проповедь в Скифии... и с идеей, что скифы и шотландцы этнически родственны. Викинги, которые в раннее средневековье путешествовали между Киевом, Новгородом и Северной Европой могли способствовать распространению легенды о св. Андрее». Наблюдения протопресвитера Иоанна, к сожалению, не объясняют, отчего греки озаботились вопросом скифо-шотландских связей и почему викингам следовало распространять «легенды». Мне эта история кажется примечательной в некоторых своих деталях, а также косвенных фактах.

Во-первых, игумен Ригулу (или св. Регулу) действует достаточно независимо. Благодаря ему часть мощей, так сказать, без предварительного согласования с церковными властями, изы-

мается, чтобы вкупе с фрагментами «Креста св. Андрея» отправиться из Патр не в Константинополь, но в сторону совершенно противоположную. Греки, которые вместе с Ригулом уходят в море и достигают Шотландского берега, христианских миссионеров особенно не напоминают. Это скорее эмигранты, знакомые со строительным ремеслом. (Сложно представить язычников-пиктов, возводивших первый каледонский храм.) Во-вторых, подобное путешествие к Северной Британии вполне объяснимо, если учесть существование между Византией и Островом устойчивых экономических связей. Обратите внимание и на то, что с VI в. ряд правителей пиктов и скоттов носили редкостное для Северо-Запада имя Константин. И, наконец, уже к VIII в. (то есть до викингов) по всей Шотландии установилась устойчивая тенденция почитания св. апостола Андрея, а его монастырь Сэнт-Эндрюс, находившийся в графстве Файф около моря, стал местом паломничества и важным духовным центром всей Каледонии. Впрочем, это лишь часть общей картины, посвященной обращению пиктского народа, и следует рассказать о другом великом человеке.

В «Церковной истории» св. Беда рассматривает интересные нас события отчего-то в обратном порядке. Сначала он рассказывает о прибытии св. Айдана с Айоны в Нортумбрию (635 г.), потом о том, как св. Коламба оказался на Айоне (то есть за 70 лет до Айдана), и лишь после Беда вставляет параграф про св. Ниниана, опередившего Коламбу на полтора века:

«Южные пикты, живущие по эту сторону гор (то есть к югу от Грампианских гор. – *Авт.*), как говорят, давно уже оставили заблуждение идолопоклонства и приняли истинную

веру через проповедь преподобнейшего и святейшего епископа Ниниана, родом из бриттов, который обучался в Риме истинной вере и ее таинствам. Его епископство знаменито храмом, посвященным св. Мартину, где покоятся тела и его и многих других святых; ныне то место находится под властью англов. Место это в Берницийской провинции в просторечии зовется Белым Домом, поскольку Ниниан построил там каменный храм непривычного бриттам обличья» (Кн. III и IV).

Святой Ниниан – «первый и величайший из древних британский миссионер», как его называет Христианский Биографический словарь, родился в 362 г. где-то недалеко от залива Солуэй-Ферт, области, пользовавшейся тогда полной политической независимостью. Его отец был военным служащим и обращенным христианином. Мальчиком Ниниан оказался отосланным в Рим (может быть, в качестве заложника). Там он учился, рос и в 394 г. его хиротонисали в сан епископа. Возвращаясь на родину, Ниниан остановился в Галлии у св. Мартина Турского, где продолжил свое образование. Монастырь св. Мартина иногда называют «колыбелью шотландского христианства». Переняв многое из галльской церковной практики, св. Ниниан отправился в Северную Британию и поселился там на римской территории. Местечко называлось Уитхорн³ – «белый мыс» на языке англов. Там, по его распоряжению, возвели храм, для чего из Тура специально приезжали каменщики. Церковь сложили из неотесанных валунов, без раствора и побелили, отчего она получила имя Candida Casa – «Белый Дом». В 397 г. скончался святой Мартин, и храм освятили в его честь. Достаточно быстро Уитхорн

³ Город Whithorn находится в 120 км южнее Глазго.

превратился в большую и знаменитую обитель. Монастырская школа на несколько десятилетий стала центром учености, миссионерства и прибежищем для монахов, бежавших из разоренной Галлии. Ее влияние распространилось далеко за пределами Каледонии. Здесь учились святые Сиаран из Клонмакнойза (Ирландия), Кевин из Глендалоу (Ирландия), св. Каранок, крестивший бритта, которому впоследствии суждено стать св. Патриком, а также наставник св. Коламбы Финдбарр.

Активность св. Ниниана поразительна, и хотя, кроме вышеприведенной цитаты из Беда, мы мало чем располагаем⁴, можно считать уитхорнского епископа талантливым миссионером. Прежде всего он крестит местного правителя Тудуваллуса, возводит вокруг «Белого Дома» необходимые монастырские постройки и лишь тогда начинает осуществлять длительные миссионерские путешествия в страну пиктов. Влияние Уитхорна постепенно распространяется на восток до стены Адриана. Следует далее к северу в направлении римских коммуникаций до Абердиншира, Инвернесса и Сатерленда. Проповедь Евангелия ни в коем случае не ограничивается районом между заливом Солуй-Ферт и Грампианскими горами, как полагал это Беда, на самом деле она проходила вблизи Оркнейских и Шетландских островов. Конечно, не стоит предполагать, что лично Ниниан или его ученики прошли тысячи каледонских миль, но люди, жившие на этой земле, смотрели на Ниниана Уитхорнского как на своего апостола.

Если пересечь Ирландское море в самом узком его месте и сойти на берег «Зеленого острова», вблизи Ньютаунардса, у северной оконечности залива Странгфорд-Лох отыщется

⁴ Все, что написано о св. Ниниане в некотором роде «вариации на тему Беда». Наиболее интересной остается рукопись XII в. Ее автор игумен из Риволи Айлред утверждал, что в его распоряжении находился текст «Жития св. Ниниана», составленный раньше труда Беда (то есть 730 г.) на «варварском языке».

старинное ирландское кладбище. В древности там стоял монастырь Мовилл и размещалась знаменитая монашеская школа, основанная св. Финнианом. Курс обучения, несомненно, соответствовал тому, что в молодости прошел сам Финниан, посещавший уитхорнский «Белый Дом». Туда-то и поступил «познать Премудрость Священного Писания» святой Коламба. Так луч света, вышедший из Британии Ниниана, коснулся преподобного, чтобы затем вернуться вместе с ним обратно в Шотландию, Просветителем которой и стал он, св. Коламба.

Резиденция короля Бруда (Бруди мак Били) находилась на реке Несс, которая сейчас входит в систему Каледонского канала. Кстати, именно на реке, а не в озере Лох-Несс появляется знаменитое водное чудовище. В дальнем путешествии св. Коламбу сопровождает несколько айонских монахов, среди которых св. Комгалл и св. Кеннет. Похоже, что именно они выступали в качестве переводчиков. Гэльское наречие преподобного пикты понимали с большим трудом. Тип миссионерства, что практиковался кельтской общиной, из сочинения Адамнана можно реставрировать приблизительно, с некоторым количеством оговорок. Автор «Жития» несколько раз указывает, что «языческие жрецы уходили от Коламбы постыженными и побежденными». Следовательно, святой произносил проповеди, разоблачающие суеверия. Главный антагонист преподобного – друид Брохаин, наставник короля. С ним и с несколькими другими «волшебниками» Коламба вступает, подобно св. Патрику, в своеобразные магические состязания. Он освящает воды языческих источников, воскрешает мальчика, который, по словам друидов, умер из-за того, что его родители крестились, исцеляет

Озеро Лох-Несс (фото автора)

болезнь Брохаина, при условии освобождения пленной ирландки. Одна из поэм XII в., приписываемых Коламбе, подчеркивает его антидруидизм:

Наша судьба не в чиханьи,
 Не в птице среди ветвей
 Не в пне старого дерева
 И не в пчелином жужжанье.
 Я восхищаюсь не голосом пташек
 Не мира сего судьбою
 И обожаю не женщину или суровый рок;
 Но мой Друид – ХРИСТОС, Сын БОГА.

Здесь любопытны две отсылки: в традиции друидов было принято предсказывать по чиханью (=сред) и по жужжанью (=сордан). Некоторые историки считают, будто друиды были

оттеснены св. Патриком из Ирландии на север Британии, хотя нет никаких подтверждений тому, что пикты имели свою особую жреческую касту до ирландских событий V века⁵. Институт дру-

Кельтские миссионеры. Настенная роспись из библиотеки монастыря св. Галла. XV в.

идизма охватывал все кельтские области поселений в Европе и на островах. Значит, св. Коламба прекрасно понимал, с кем он

⁵ Начало миссии св. Патрика.

вступал в соперничество. За ним была огромная духовная сила. Если отвлечься от буквального толкования эпизода встречи святого с королем Брудом, где случилось чудесное открытие дверей, то все равно, несложно предположить, насколько яркое впечатление произвел преподобный.

Адамнан в общей сложности приводит четыре случая обращения в христианство пиктских семей и последующего крещения. Два очень похожи на рассказы из книги Деяний Апостолов. Не упоминается о каком-либо массовом движении. Вождь племени не приводит с собой всех своих подданных, не применяет силы или религиозных репрессий. Христианство медленно и деликатно вращается в каледонскую культуру. Может даже показаться, что новокрещенные несколько одиноки в своей вере, изолированы и до самого конца жизни не решаются порвать с языческим прошлым. На самом деле это лишнее убеждает, что «Житие Коламбы» не панегирик, составленный его родственником и преемником, но честный исторический документ. Что заключало в себе миссионерское благовестие айонских peregrinov? На примере двух случаев крещения умирающих и нескольких пророчеств Коламбы мы видим Благовестие Победы жизни над смертью.

Адамнан касается также и случаев врачевания. В своих странствиях монахи не могли в той или иной степени не помогать больным. Вели ли они образовательную работу? Безусловно. Хотя Коламба говорил через переводчиков, в экспедиции принимали участие саксы, бритты и, возможно, кто-то из обращенных пиктов. Одним из лучших способов христианского свидетельства всегда считалось богослужение. В «Житии» рассказывается, как однажды святой с несколькими из братьев

шел Вечерню под открытым небом около замка Бруда. Друиды, конечно, прилагали массу усилий, чтобы люди не слышали священных песнопений. Узнав про козни жрецов, святой стал петь сорок четвертый псалом, и «голос его разносился подобно грому, устрашая короля и народ». Адамнан сообщает об удивительной способности Коламбы петь настолько громко, «что подчас каждый слог мог быть отчетливо слышен на расстоянии мили». Не вполне ясно, как могли пикты понимать то, что исполнялось на латинском языке, хотя история знает множество примеров, когда люди оставались под впечатлением от одного лишь исполнения Божественных гимнов, не вникая в их содержание.

Примечательны детали, на которые обращает внимание автор «Жития». Там нет случайных или неточных географических названий. Иногда одно и то же место имеет обозначение на двух языках. Можно предположить, что Адамнан составлял карту миссионерских путешествий. Также упоминаются предметы, принадлежащие св. Коламбе: посох и колокольчик. Для кельтского святого эти вещи очень характерны. Посох представлял собой палку из терновника, загнутую на конце, а ручной колокольчик имел прямоугольную форму. Его звон будил братию на Айоне и созывал иноков во время странствий. То, что держал в своих руках Коламба, теперь хранится в «Музее национальных древностей» Эдинбурга. Его слышали не только peregrini, но и каледонские племена. Он был хорошо известен и в другой части Шотландии. Обращение пиктов святой только успел начать, но было дело, которое он довел до самого финала, и оно касалось его собственного народа – скоттов, Дал Риаты.

История земли, которую мы теперь называем Шотландией, принадлежит всему кельтскому миру, отчего и насыщена различными поэтическими преданиями. В Корнуолле, Уэльсе

или Ирландии их ничуть не меньше. Благодаря средневековым романистам, активно использовавшим гэлльское наследие, Европа на многие столетия вперед получила прекрасные повествования, а ее историографы – приличное количество проблем. Люди, как правило, предпочитают доверять фактам. Но когда последних не слишком много, готовы поверить и самым замысловатым легендам.

Свое кровное происхождение шотландцы предпочитали вести от дочери египетского фараона, которую звали Скота. В XI – XII вв. популярным стало латинское выражение: «*A muliere Scota vocitatur Scotia tota*» – «От женщины Скоты зовется вся Шотландия». Согласно преданию, в давние времена скотты вышли из Египта и через Испанию добрались до Ирландии, где благополучно поселились. Спустя некоторое время, сын Скоты Эрк перебрался с дружиной на западное побережье Британии, чтобы основать собственное королевство Аргайл (лат. *Ergadia = Ergt Gael*). Он привез туда не только воинов, но и священный символ власти Камень Судьбы. Очевидно, что такое «египетское» (впоследствии появится иное – «скифское») происхождение шотландцев противостояло двум англосаксонским идеям: мифу о троянце Бруте, правнучке Энея, которого англичане считали основателем Лондона и британской монархии, а также легенде о британо-израильском происхождении английского государства.

Более правдоподобная история относится к V в. н.э., когда из Ольстера началась кельтская миграция на западное побережье Каледонии. Ирландцы оставляли свое королевство Дал Риата (*Dal Riata* – «последователи Риаты», Риат – один из потомков Скоты), чтобы пересечь узкий пролив и строить новые поселения вблизи пиктской границы. Именно их римляне называли «скоттами». Колонисты вопреки распространенному мнению не были ни разбойниками, ни мародерами. Можно

говорить о своего рода «культурной экспансии». Наиболее значительную экспедицию возглавил Фергус Мор мак Эрк (†501). Его считают человеком, объединившим кельтов в племенной союз с точно таким же названием – Дал Риата. Два родственных королевства разделялись поначалу только морем. Шотландская Дал Риата состояла из владений трех родов, именовавшихся в честь сыновей и преемников Эрка. Ирландскую возглавлял один правитель. Союзы находились в тесном взаимодействии несколько десятилетий, хотя скотты, или точнее, ира-скотты, населявшие Аргайл, постепенно строили свое государство. Следовало ожидать конфликтов. О них чуть позже.

Случайно или нет, но Адамнан различным образом описывает встречи преподобного с животными. В пиктских землях это были дикие хищники (вепрь, о-в Скай), чудовища (Лох-Несский монстр – аналог Левиафана, символ язычества). Дал Риату, наоборот, населяли существа дружелюбные, среди которых белый конь, тюлени и журавль, что прилетел из Ирландии. О нем особое попечение несет айонский монах. Это дорогой гость с покинутой родины, посланник дальнего дома.

Подобно птице, св. Коламба отправился в добровольное путешествие вслед за своими соотечественниками. Священник, поэт, наследный принц, он, благодаря своему происхождению, характеру и авторитету в Кельтской Церкви, обладал необыкновенным политическим влиянием по обе стороны Ирландского моря. Между ним и королем шотландской диаспоры Коаллом установились довольно тесные взаимоотношения. Тогда о «симфонии властей» никто не говорил, но естественным образом существовало то, что мы сейчас называем «церковно-государственными связями». Они гарантировали легитимность монархии и защиту Церкви, сердце которой билось на Айоне. Более

Кельтские монастыри Британских о-вов (V-XII вв.)

того, Коламба, благодаря своей политической активности, дипломатическому дару, создал новый тип власти, где христианские добродетели милосердия и терпимости играли важную роль. (Иначе бы не появились «Законы Коламбы» и «Каин Адамнан».) Еще почти 200 лет судьбы монашеской «семьи» и королевского дома будут переплетаться причудливым образом, но самыми яркими останутся события 574-575 годов.

Из текста «Жития» мы знаем про удивительное явление

Мегалиты Уэльса (фото автора)

ангела, который решительно нанес пощечину святому Коламбе, когда тот отказался возвести в короли Айдана. Преподобный любил его брата Иогенана. Тем не менее, после суровых ангельских предостережений, коронация Айдана состоялась, причем на Айоне. Для агиографии ситуация довольно редкая, а на фоне других посещений небесных посланников, описанных Адамнаном, так и вовсе уникальная. Комментаторы считают, что здесь в очередной раз фиксируются, сохранившиеся в народной памяти особенности характера Коламбы: упрямство и вспыльчивость. Но, возможно, автор «Жития» таким оригинальным образом подчеркнул нежелание короновать Айдана по своим личным мотивам. А именно: из-за поступков наследников Айдана, свидетелем которых ему пришлось стать. Не случайно же он заканчивает свой рассказ жалобой на «тоску, наполняющую грудь».

Реально дело обстояло так. После смерти родственника Коламбы короля Коналла в 574 г., святой самолично определяет, кто из его рода станет правителем шотландской Дал Риаты. Он возводит на престол двоюродного брата почившего Коналла, Эйдана (Айдана) мак Гебрена, и это первая подобная церемония на Британских островах. Айдан уже был христианином, следовательно, миссия св. Коламбы среди скоттов заключалась не столько в насаждении христианства, сколько в его укреплении и распространении. Без сомнений, айонский игумен оказался у истоков не только шотландской монархии, государственности, но и национальной Шотландской Церкви.

Через год две Дал Риаты размежевались, причем вышло так, что ирландское королевство оказалось в подданстве у шотландского. В 575 г. Ольстерское местечко Друим Сете⁶ было избрано для грандиозного совещания представителей двух родственных племенных союзов⁷. Традиционно называются три основных вопроса: освобождение из заключения принца Оссори, судьба ирландских поэтов-филидов и установления мира «между мужами Ирландии и Шотландии в отношении Дал Риаты». Нас интересуют два последних вопроса.

Ирландские поэты, филиды были, так сказать, профессионалами своего дела, — зарабатывали хлеб ремеслом. Им пришлось не «чувства добрые лирой пробуждать» и не «Прекрасную Даму» воспевать. Будучи в некотором роде наследниками друи-

⁶ Из «Жития» следует, что Коламба был также движущим центром «конференции королей» в Друим Сете между родственниками северного Уи Нейлла Аэдом мак Аинмерехом и Аэданом (Айданом) мак Габраином. Святой лично вернулся в Ирландию, чтобы присутствовать на встрече, хотя неясным остается вопрос о мотивах «конференции» и обсуждавшихся вопросах.

⁷ Хотя королевские контакты в Британии не ограничивались его собственной родней. Айонский игумен был в дружбе с правителем британского Дамбартона (королевство Стратклайд) Родерком, сыном Тотхала, который уже принял христианство.

дов, они совмещали обязанности судей, предсказателей, историков. Их стараниями сохранились героические предания старины, отслеживалась генеалогия, развивалась поэтическая и прозаическая речь. Все стоило немалых денег. Филиды высоко оценивали свое творчество, а так как число стихотворцев перевалило за тысячу

*Кельтский крест. VII в.
Графство Оффали, Ирландия.*

– сумма выглядела внушительно. Каждый оллам (=доктор поэзии) имел право на 30 учеников, в свою очередь анрад (=учитель поэзии) располагал пятнадцатью. Ничем, кроме стихосложения, они, естественно, не занимались, но кормить приходилось каждого. Короче говоря, самым простым решением могло стать изгнание филидов из Ирландии. Святой Коламба, чей предок Ниалл был приемным сыном мунстерского поэта Торны Эйгеса и покровительствовал поэтам, за филидов заступился. Он убедил ирландского короля Айдана принять решение, согласно которому каждый племенной или местный вождь официально содержал одного оллама. В обязанности последнего входило восхваление побед и оплакивание поражений своего хозяина, ведение хроник и генеалогий. Филиды объединились в некую корпорацию, напоминавшую университет, где преподавались светская история и 280 (!) видов гэлльского стиха. В уже упоминавшейся поэме VI века «Ambr Choluimb Chille» («Чудо св. Коламбы») «главный поэт Ирландии» Даллан Форгайлл (rig-ollam) высказывает огромную благодарность преподобному за его покровительство.

Второй вопрос касался будущего ирландской Дал Риаты. Короли Айдан и Аед в равной мере претендовали на право первенства. Решение относительно политического спора выносил не св. Коламба, но его друг св. Колман. Согласно одной версии, ирландцы обязывались платить налоги шотландскому королю, но военную службу проходить на родине. Позднейшая версия говорит, что оба государства переходили под власть ирландского правителя, но «мужи Ирландии» гарантировали предоставление жилья и транспорта любому выходцу из шотландской Дал Риаты, чья нога вступала на их берег. Я отдаю предпочтение первому исходу, так как все дальнейшие события подтверждают мудрость святого Коламбы, выбравшего шотландцев.

Друид. Рис. из книги Уильяма Стьюкли

«Высокий крест». НеВерн. Уэльс. VIII в.

ГЛАВА 6. «УТРЕННЯЯ ЗВЕЗДА ШОТЛАНДСКОЙ ВЕРЫ»

*Воина щит и крепость простолюдинам
Для безоружных надежный покров
Стань моим гимном, отче Коламба
До самой смерти я буду славить
Тебя в полный голос.*

(Беккин из Рума, 677 г.)¹

«Англичане в 1336 году потеряли рассудок. Их сердца настолько ожесточились, что, казалось, оружие в руках солдат уже само жаждет крови. Сначала отряды бесчинствовали на землях графства Файф. Дом за домом, храм за храмом они разоряли, и множество людей, оставшихся без крова, хлеба и не успевших укрыться, погибло. Потом все это дикое войско двинулось севернее Файфа. Оно дошло до самых Очилских холмов и приблизилось к благословенной обители на острове Инчколм. Монастырская братия, зная про английскую жестокость, не надеясь на помощь со стороны, но твердо веря в то, что Господь не оставляет своих детей, днем и ночью усердно молились: «Отче Коламба! Слава наших путей, прими эти жертвы во имя Христа, и тех, кто сегодня поет тебе гимны, спаси от мечей и насмешек врагов». Тогда милосердный Создатель явил Свою Волю: в мгновение

¹ Ирландский монах, автор множества стихов, посвященных св. Коламбе (Beccan of Rum), жил в VI в. на острове Рум (Гебриды).

ока глубокие Волны поглотили разбойников прямо перед стенами монастыря, и по всей Англии прошла молва о том, как по молитвам св. Колаамбы совершилось чудесное Воздаяние».

(Хроника приорства Гласкагерна, XIV в.)

По средневековым меркам св. Колаамба прожил довольно долгую жизнь. Бог дал ему много талантов и провел через различные испытания. Героическая биография святого, как иногда случается, уточнялась, обрастала новыми деталями, дописывалась не одним поколением кельтов, пиктов, англо-и даже скандинавов. Ее сопровождали вполне предсказуемые и несколько неожиданные предания. Она становилась может быть «легендарной», но не фантастической. В этом нет ничего удивительного, поскольку преподобный игумен Айоны был одним из тех праведников, ради которых Господь терпеливо взирал на мир как прежде, так и сейчас.

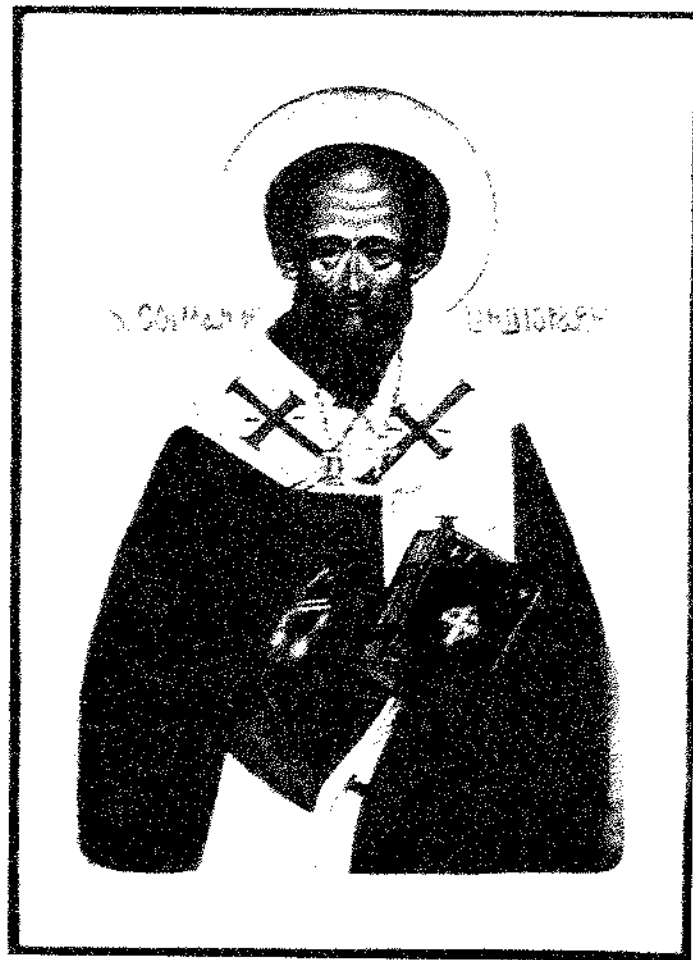
В последние годы служения Колаамба продолжал активно действовать не только среди своих соплеменников. Его не оставляли политические границы, не смущали межцерковные конфликты, он оставался миссионером, а, по верному наблюдению Оуэна Д. Эдвардса, «быть ирландским миссионером, означало занимать такую позицию, в которой любая уступка местному оппоненту являлась саморазрушительным признанием слабости». В безволии Колаамбу упрекнуть невозможно. Святой не только планомерно совершал экспедиции вглубь Каледонии, но и внимательно наблюдал за событиями в собственной парухии. Он поддерживал хорошие отношения с королями и

принцами, разделявшими евангелические усилия Айоны. Его репутация необыкновенно возросла. Поначалу преподобный воспринимался как покровитель движения гэльской колонизации, а впоследствии его считали духовным лидером и вдохновителем борьбы за гэльскую независимость перед наступлением англо-норманнской централизации, подобно св. Давиду в Уэльсе. Около 584 г. святой посетил св. Кентигерна (Мунго) в Глазго. Он был принят как почетный гость, и святые обменялись посохами. Его монахи, непосредственные ученики и последователи, укрепляли Церковь в своих землях и вместе с говорящими по-гэльски скоттами проникали в пиктские пределы на Севере и востоке Шотландии. Имена некоторых нам открыты, про иных знает только Господь.

Одни из преемников святого строго ограничивали свою деятельность Дал Риатой, так как свидетельств об их влиянии и почитании вне Аргайла крайне мало. Примером может быть св. Чаттан (Chattan), живший в первой половине VII в. Его упоминают в «Житии св. Гормана» как «сурового аскетичного воина». Традиционно считается, что Чаттан принадлежал к североирландской семье, строил храмы, организовывал небольшие монастыри, и в Дал Риате память о нем сохранилась во множестве вариантов его собственного имени Chattan, Chatan, Kaddan, Cathan и даже латинизированное Cathandus.

Другие святые из «семьи Колаамбы», Маелрубха (Maelrubha) и Моуаг (Moluag), должно быть, появились из Ирландии вместе с остальными переселенцами. На первых порах они осели в Дал Риате, но потом морскими дорогами отправлялись к северо-западным островам. Как и в случае с Чаттом, о реальном, истори-

ческом св. Маелрубе известно немного. По отцу его считают потомком ирландского короля Ниалла Девяти Заложников, а по материнской линии связывают с родней св. Конгала Бангорского (St. Congal of Bangor), в чьем монастыре он обучался. Св. Маелруба

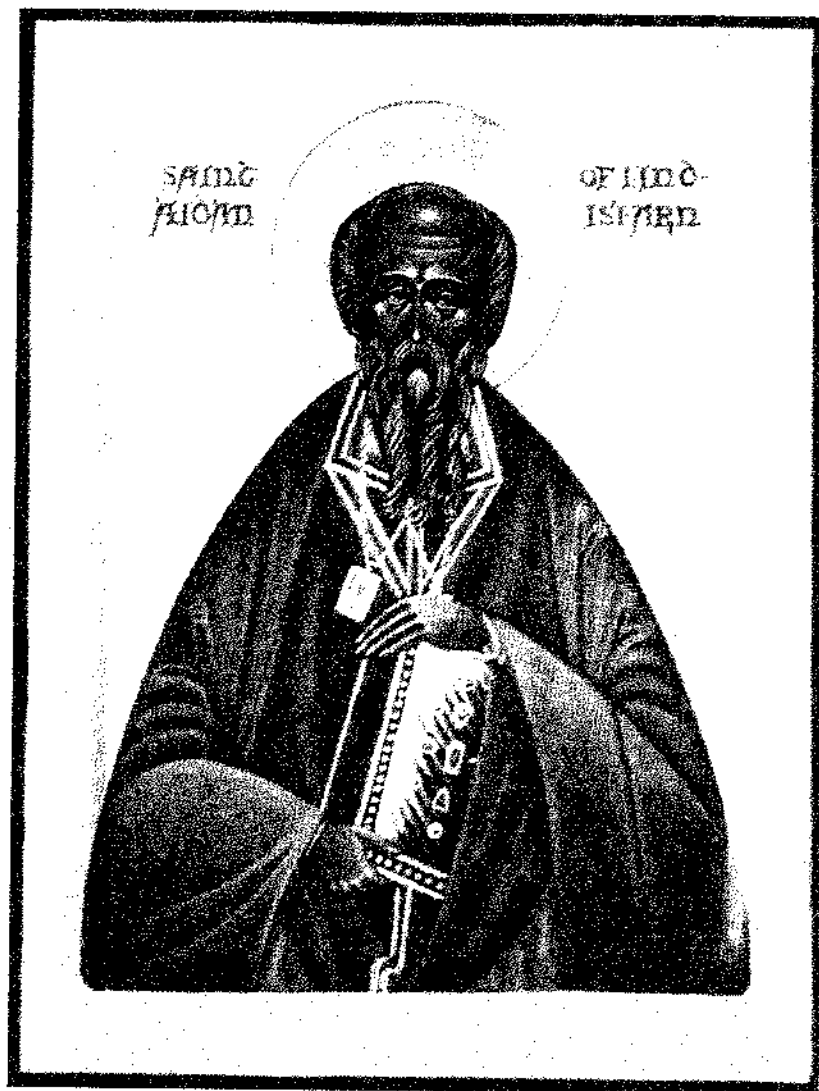

Св. Колман Линдисфарнский

основал поселение в Appelgross («Яблочный крест»), проповедовал на Гебридах, где почитается и до сих пор. Святой Моуаг (ирландск. Lughauh), по одной традиции, был учеником Брендана Мореплавателя (того самого, что нашел в океане «землю обетованную»), другая – связывала его с Бангором и св. Конгалом. Моуаг учредил свою резиденцию в Lismore Аргайла, и эта область впоследствии стала центром его далриатского почитания, но сам по морю переправлялся сначала до о. Скай и уже оттуда двигал свою миссию к Инвернессу.

Конечно, все происходило не так гладко, как может показаться на первый взгляд. Постановления в Уитби дальним громом докатились и до Шотландии. В 703 г. пиктский престол занял Нехтан Мак-Дериле. В 710 г. он созвал совет для обсуждения решений того самого британского собора 664 г. (Уитби). Беда Достопочтенный рассказывает о том, как Нехтан (Нейтон) «обратился за помощью к англам», просил письменных разъяснений относительно Пасхи, тонзуры, а также вызвал строителей для возведения церкви в честь ап. Петра (Кн. 5. Гл. 21). В результате пикты получили римское счисление, римскую тонзуру, а в 717 г. Нехтан начал осуществлять планомерное выдворение коламовской «семьи» из восточной Шотландии. Ему было необходимо установить тесные политические связи с Нортумбрией, а для этого требовалось доказать свою независимость от Дал Риаты.

Забегая несколько вперед, нужно отметить, что хотя монахи на Айоне и приняли римские реформы в 716 г., нельзя считать Кельтскую Церковь абсолютно зависимой от папской власти. Несмотря на новое календарное последование, признание римского авторитета как первоапостольского Кельтская Церковь в Шотландии вплоть до XI в. придерживалась своей культурной позиции. Ее организация все еще оставалась монеской. Не

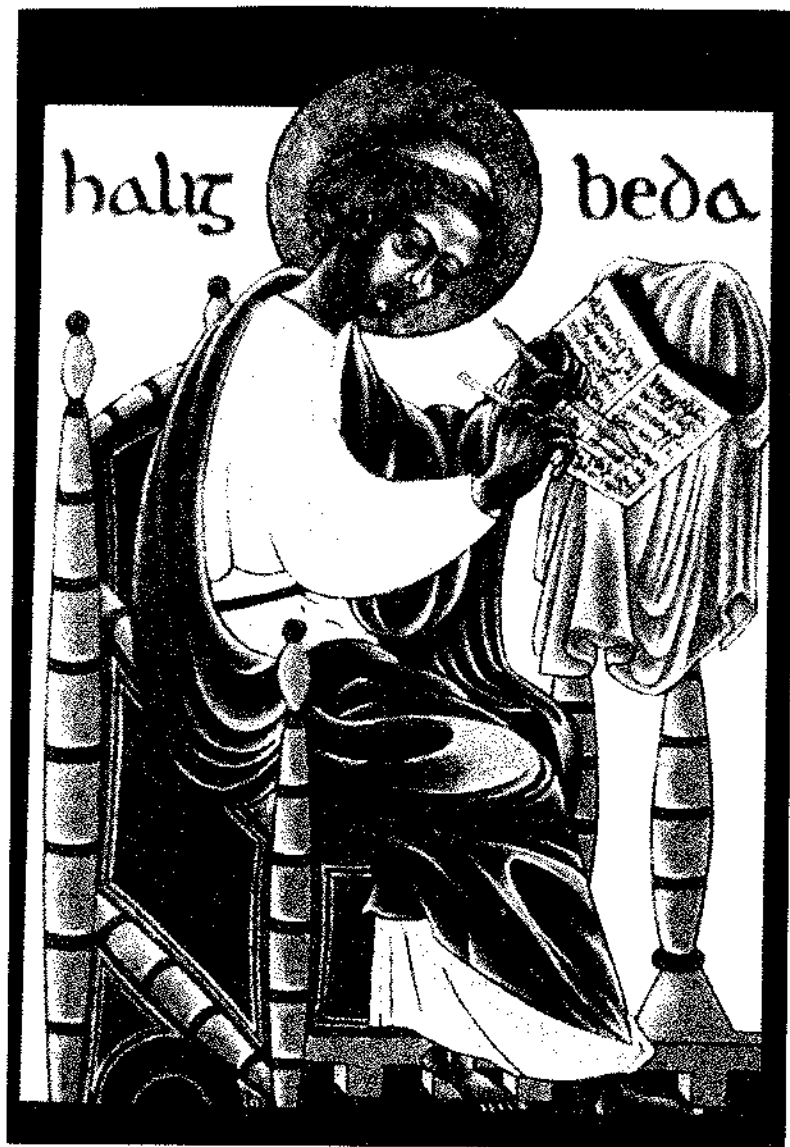

Св. Айган Линдисфарнский

было ни приходов, ни епархий, но каждый клан имел своих епископов и священников. Церковь не владела собственностью, хотя клан отводил необходимую землю монастырям. В религиозной жизни кельтские церкви в значительной мере сохраняли единство; но они никогда не стремились к взаимному координированию, к созданию некой структуры, которая могла бы из разных частей извлекать одну извне видимую Церковь. Подъем кельтского христианства по времени совпал с усилением римского престола – центра, организующего Запад. Папы, исключительно талантливые люди: Иннокентий I, Григорий Великий, Николай II и многие другие – способствовали расширению и укреплению римского влияния. Четко отлаженная западная система с ее универсальным подходом рано или поздно неизбежно поглотила бы разобщенные и отовсюду управляемые кельтские общины. И еще одно отступление.

На наших страницах уже множество раз появлялось имя святого Беда Достопочтенного, но то, как правило, были небольшие замечания или цитаты. События, что описываются в этой главе, захватывают как раз годы его жизни (674-735) и разворачиваются недалеко от границ королевства Нортумбрии, где святой автор писал свою главную работу: «Церковная история народа англвов». Книга появилась в критический момент политической и религиозной истории Британских островов – 731 год, скандинавская экспансия. Тогда идентичность и без того сложно устроенной нации оказалась под угрозой, а эра миссионерской деятельности должна была уступить место постоянным церковным структурам. Так что несколько абзацев стоило отвести самому святому и его «Истории».²

² «Историю» св. Беда заканчивает замечательной молитвой (в русском издании ее, к сожалению, несколько исказили): «Господь мой, Иисусе Христосе, Ты, Чья Благодать дала мне возможность испить из этого источника знаний, дай мне, когда окончатся дни мои, прийти к Тебе Самому, Самой Премудрости, и вечно пребывать пред Лицом Твоим».

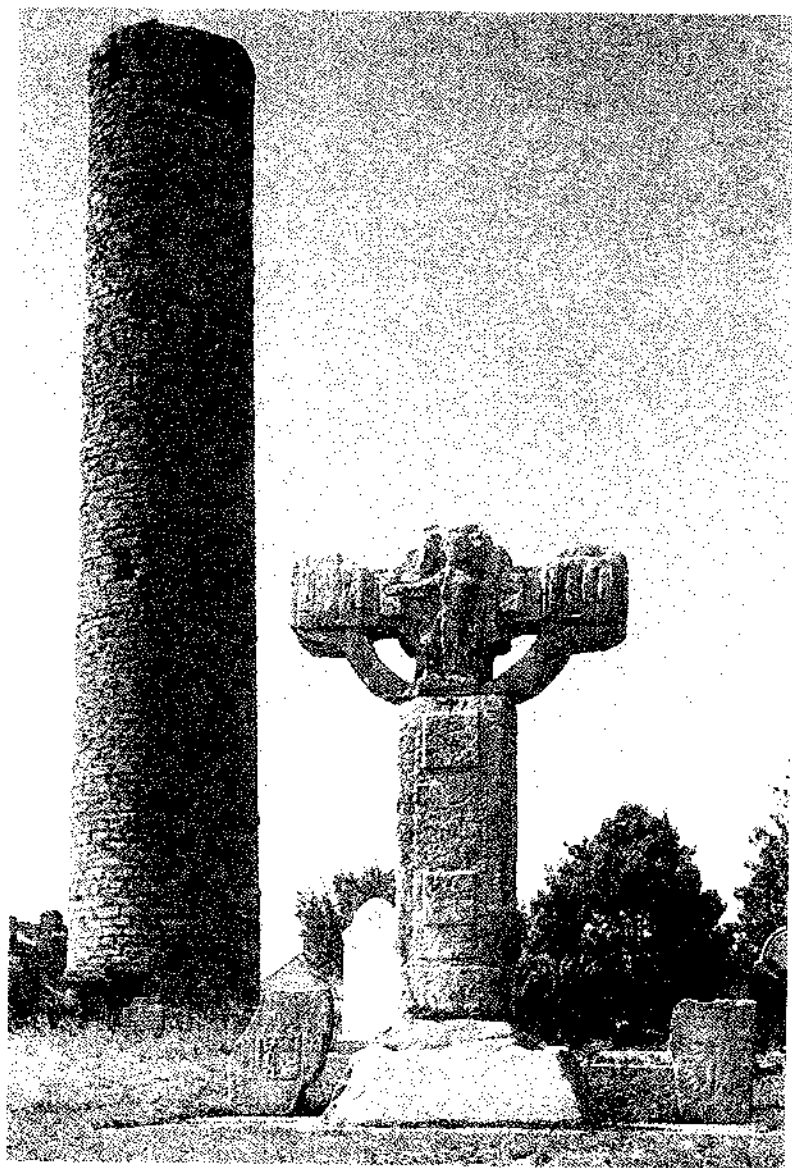

Св. Беда Достопочтенный

Довольно часто, но без серьезных обоснований, св. Беду пытаются изобразить апологетом римской традиции, одним и чуть ли не главным архитектором английской церковной и политической идеи. Монастыри, в которых он воспитывался, Виармаунт и Ярроу, были, без сомнения, проримскими, англосаксонскими. Но сам Беда с восхищением оглядывается на кельтский Линдисфарн, дочернюю обитель коламбовской Айоны. Он смотрел на него глазами человека, считающего, что на противоположном склоне холма трава зеленее. Его высказывания о Коламбе, Фурсе, Айдане, Колмане куда более теплые, чем суждения об англосаксонском духовенстве и монастырях.

Вольно или невольно, но именно Беда создал негативный образ «римской» стороны в раннебританском христианстве. То, как он описал встречу, состоявшуюся около 600 г. на границах западного саксонского королевства Хвиссе между Августином Кентерберийским и британскими епископами, стало хрестоматийным антиримским сюжетом (см.: Кн. 2. Гл. 2). Собирались для обсуждения способа счисления даты Пасхи и выяснения прочих разногласий. Августин тогда не встал приветствовать местных епископов, и общее впечатление о грубости папского миссионера на многие века закрепилось в британском сознании. Кельты же, напротив, выглядят людьми кроткими, на которых агрессивно давят «старшие братья». (После Реформации этот эпизод станут очень часто вспоминать исследователи, занятые поисками протопротестантских оснований ранней английской церкви.)

Как историк Беда представлял Кельтскую Церковь моделью, по которой оценивал собственную Нортумбрийскую. Он сделал не меньше своего современника Адамнана, чтобы кельтских святых искренне полюбили тысячи христиан. Хотя Беда никогда

Келс. Останки монастыря XI в. Ирландия.

не употреблял буквально выражение «Остров святых»,³ его трактат сыграл огромную роль в становлении идеи, согласно которой Ирландия приобрела славу особого, благодатного места. Такая идиллическая картина Эйре связана с убежденностью свято-го в том, что кельты сохранили высокие стандарты не только духовности, но и учености. В «Истории» Беда несколько раз ссылается на английских священников, которые ищут пожизненного изгнания в Ирландии, «дабы обрести затем местожительство на небесах». Особенно проникновенные слова посвящены тем, кто после Собора в Уитби последовал за св. Колманом на Эйре «либо ради Божественных штудий, либо ради более замкнутой жизни» (Кн. 3. Гл. 27).

Наибольшей похвалы он удостоивает кельтов – основателей нортумбрийской парухии. Восхищаясь делами минувшего «золотого века святых», Беда критически оценивал положение собственной Церкви. Он расстраивался из-за отсутствия миссионерского рвения среди англосаксонских священников и монахов, его раздражали псевдомонастыри, создававшиеся наподобие укрытий от налогов и военной службы, ему претил рост материального благосостояния Церкви и обмирщение духовенства (Кн. 3. Гл. 26). Беда сознательно создает контраст между шотландскими игуменами Айданом, Колманом, возводившими деревянные храмы на Линдисфарне, и экстравагантным англо-саксонским аббатом Эадфритом, покрывшим свинцом крышу каменной церкви⁴.

³ Оно принадлежит, скорее всего, ирландскому летописцу по имени Маэлбрихт (Maelbrihte). Живший в вынужденном изгнании в монастыре св. Мартина, г. Майнц, где-то около 1070-х гг. он употребил фразу: «Иберния, Остров святых» (Hibernia, Insula sanctorum), чтобы подчеркнуть почтительное отношение к давним столетиям.

⁴ Сохранилось некоторое количество прямых свидетельств, подтверждающих непримиримую позицию бриттов относительно англичан и Римской Церкви. В 705 г. англо-саксонский епископ Альдхельм приносит письменную жалобу Герайнту, королю Корнуолла, где сетует на бриттов, которые «не только отказываются есть с англичанами, но бросают псам всякую пищу, которой коснулась рука англа». Из того же источника следует, что за общение с чужеземцем на бритта накладывалось сорокадневное покаяние.

Кроме «Истории...», Беда написал еще большое количество богословских, экзегетических и филологических трудов. Но наиболее прокельтским считается составленное им «Житие св. Кутберта Линдисфарнского». Рассказывая стихами и прозой о жизни, чудесах одного из последних представителей эпохи – св. Кутберте († 687), Беда приводит читателя к единственному выводу: Английская Церковь происходит из Кельтской, и, следовательно, изначально от Рима независима. Теперь, вернувшись к наследию святого Коламбы, мы вспомним строчки, приписываемые преподобному. Покидая зеленый ирландский берег, он с грустью говорил:

Из-под дубовой реи
Я вдаль смотрю на Эйре
Увы, в последний раз
В тумане сером, глаз
Из-под дубовой реи
На Эйре устремлен
Он больше не увидит
Ее мужей и жен.

(пер. С. Красовицкого)

Коламбе казалось, что все прежние связи навсегда оборваны, но еще при жизни он мог убедиться в обратном. События, происходившие в VIII в., полностью возвратили святого на Родину.

Династия южного Уи Нейлла (Клани Холмаин) под предводительством воинственного короля Домналла Миди в 740-750 гг. заняла в Ирландии господствующее положение. Король покровительствовал коламбовскому монастырю в Дурроу, где,

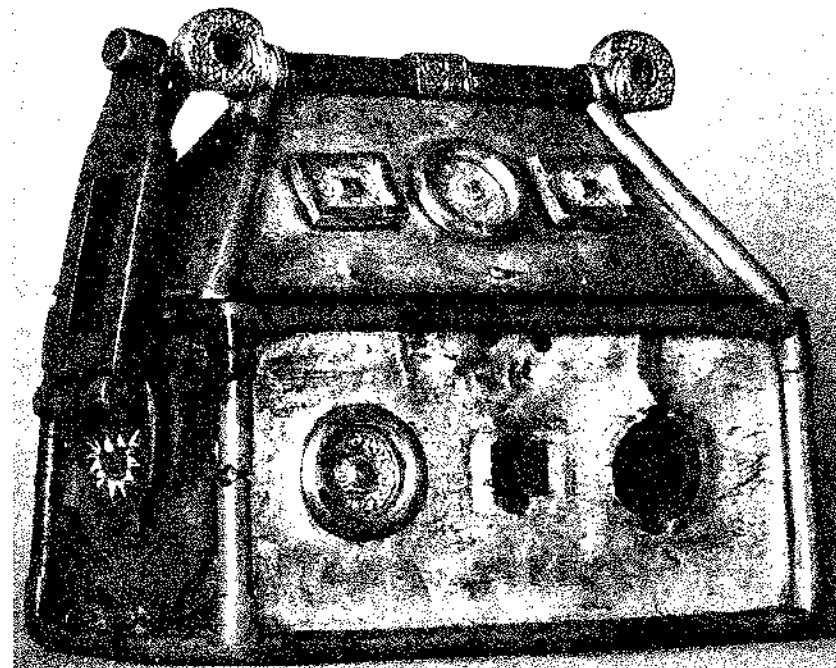
как считается, и был погребен. Его связь с Айной, согласно «Анналам Ольстера», просматривалась отчетливо, так как в 753 г. Домналл активно занимался продвижением «Закона Колмцилла». Содержание этого документа не вполне выяснено. С помощью «закона» король пытался остановить начавшееся еще в VI в. усиление власти королей Тары, связывавших себя со св. Патриком и городом Арма (Армаг), центром почитания «самого некельтского из кельтских святых».⁵ Домналл собирался утвердить верховенство Айоны над всеми ирландскими церквями. Но хотя этого не произошло, сотрудничество южного Уи Нейлла с шотландским островком продолжалось все столетие, а его кульминацией, самым важным достижением, стало сооружение в 807 г. на земле династии монастыря. Местом новой обители избрали Келле, которому предстояло стать центром парухии св. Коламбы, новым домом айонской «семьи».

Другой значительный процесс в Ирландии, который начался при активном участии коламбовских учеников или по крайней мере не без их влияния, известен историкам как аскетическое, реформаторское «движение калдиев». От кельтского *Céle De* «друзья (рабы) Божии» – *culdee*. Монахи, считавшие установившийся церковный порядок либеральным и далеким от евангельских положений, начали объединяться в группы по тринадцать человек (может быть, видя в этом символ Христа и двенадцати апостолов). Они вели строгий, в чем-то напоминающий сирийское пустынножительство, образ служе-

⁵ К IX в. св. Патрик «победил». Его епархиальная церковная система стала доминирующей над «Федерацией монашеских общин» – монастырской семьей коламбовского типа.

ния Богу и людям. «Друзья Божии» скептически относились к странничеству, старались селиться около кельтских монастырей или занимали пустующие обители. Сначала движение развивалось в южной части Ирландии, но потом его сторонники заявили о себе на другой стороне «Зеленого острова», а с IX в. и в Шотландии. Айонский игумен с 814 г. Диармайт и монах-мученик Блатмак имели прямое отношение к калдиям, которые на шотландских землях размещались в Брегине, Абернети, Махиле, Айоне и острове пиктского святого Сёрфа в Лох-Левенс. Не случайно, что свой «устав Отшельников» «друзья Бога» называли еще и «Уставом Колумкилле». Довольно продолжительное время общины Céle De рассматривались как форпост сопротивления римскому влиянию. Считая себя духовными преемниками св. Коламбы, калдии старались сохранить, может быть, несколько идеализируя их, традиции «золотого века кельтской святости», чем, конечно, сильно раздражали почитателей англо-норманнских церковных структур. Им удалось просуществовать до 1144 г., когда король Давид I Шотландский, насаждая римские порядки, начал организованное преследование «друзей Божиих».

Судьбы всех соотечественников Коламбы с VII по IX в. складывались весьма причудливым образом. Народы, населявшие Северную Британию, постоянно вели войны друг с другом, отражали как ирландские, так и скандинавские набеги. Дал Риата пережила время упадка, раздробленности, страдала от чумы и голода, но в IX в. сумела не только возродиться, но и собрать шотландские провинции в единое королевство, по-гэльски называемое Альба, по-латински Scotia. В последующие два столетия оно расширится в южном направлении до линии залива Солуэй и реки Твид (Туйд), где будет положена граница с

Ларец (рака) „Брехеннох“

англичанами, и то благословение, что св. Коламба дал королю Айдану в айонском храме, исполнится и над потомками скоттов Дал Риаты. При святом игумене им удалось создать маленькое национальное королевство, а спустя несколько столетий стать во главе сильного кельтского государства Северной Европы. Забыть свою «Утреннюю звезду Шотландской веры» они, конечно, не могли.

В главе 5 упоминалась довольно загадочная история

разделения и перемещения мощей св. Коламбы. К уже известному следует добавить вот что. В 849 г. король Кеннет I мак Элпин, которого обычно считают объединителем пиктов и скоттов, горячий почитатель Коламбы, забрал часть святых останков из Айоны. Стараясь спасти мощи от рук викингов, он привез их в свою столицу Скоун и поместил неподалеку в церкви местечка Данкелд (может быть храм построили специально для обретенной святыни) – район современного города Перт (Perth). Шло время, и скандинавы, захватив прибрежные земли, стали все глубже проникать на каледонские территории. Появилась новая угроза, так что мощи, предположительно в 878 г., отправили в Ирландию. Но возникают вопросы: например, каким образом шотландский король Уильям I в 1178 г., то есть спустя 300 лет, передает аббату Арброута священные останки Коламбы с инструкцией использовать их для благословения королевских войск перед битвой? Или почему правитель островов Дональд, посещая в 1410 г. Айону, одаривает бенедиктинских монахов золотом и серебром в знак благодарности за то, что они не только «сохранили руку святого, но и допускают к ней паломников»? Также любопытен случай, произошедший в 1500 г., когда епископ Данкелда Джон Браун посылал в зараженную чумой деревню кувшин с водой, в которую погружали мощи св. Коламбы (см. Mac Kinley, *Ancient Church Dedications*, p. 41). Или мощи «путешествовали» между Шотландией и Ирландией, или их надежно укрывали в Данкелде, а все остальное не более чем слухи.

Кроме этой святыни, в новую шотландскую столицу привезли тогда же (IX в.) еще два предмета, традиционно связываемые с памятью преподобного. Данкелдский собор хранил у себя посох Коламбы, известный под названием «Кат-буайдх» – «талисман битвы». Когда викинги в 918 г. совершали крупный военный рейд,

то, по приказу Константина II, священники обносили войска горцев в сражении при Корбридже именно Катбуайдхом. Шотландцы победили. В XI - XII вв. посох находился в церкви Данкелда и запечатлен на Соборной печати 1250 г. Вторая реликвия оказалась не менее важной. Ею был «Брехеннох» – ларец или рака, где могли находиться фрагменты мощей святого. Перед военными действиями ларец появлялся и духовенство с псалмопением, молитвами благословляло «высокогорные» отряды.

В Ирландии, в свою очередь, оказалось несколько других почитаемых реликвий.

Несколько северо-западнее графства Донегал волнами Атлантического океана омывается островок Тогу. Согласно преданию, именно туда с Айоны доставили так называемый «Великий Крест» – подарок, который св. Григорий Великий сделал Коламбе вместе с книгой гимнов и прочими ценными предметами. Этот крест, «великая жемчужина», упоминается в предисловии к латинскому *Altus Prosator* (VII в., см.: Гл. 2), традиционно приписываемому св. Коламбе. Считается, что Ангелы дали Григорию Великому материал для изготовления подарка. Крест был довольно большим, украшен различными драгоценностями и содержал в себе часть Истинного Креста Господня. С XII в. его судьба неизвестна⁶.

Утерянным оказалось и литургическое опахало Коламбы, флабеллум (Cuilebad Coluim Cille). В 1034 г. диакон, служивший в монастыре Келлса, возвращался из Шотландии домой на «Зеленый остров». Он вез опахало святого вкуче с какими-то реликвиями св. Патрика и весь драгоценный груз случайно уронил в

⁶ Св. Григорий (Двоеслов) был современником Коламбы и живо интересовался британскими делами. Именно ему принадлежит идея отправить в Англию епископа Августина. Во времена Адамнана работы св. Григория, особенно его «Диалоги», были хорошо известны на Айоне, а эпизод «Жития Коламбы», в котором туника и книги святого проносятся через поля, изможденные засухой, имеют параллели с описанием аналогичного характера в «Житии св. Григория Великого», составленного Бенедиктом Нурсийским.

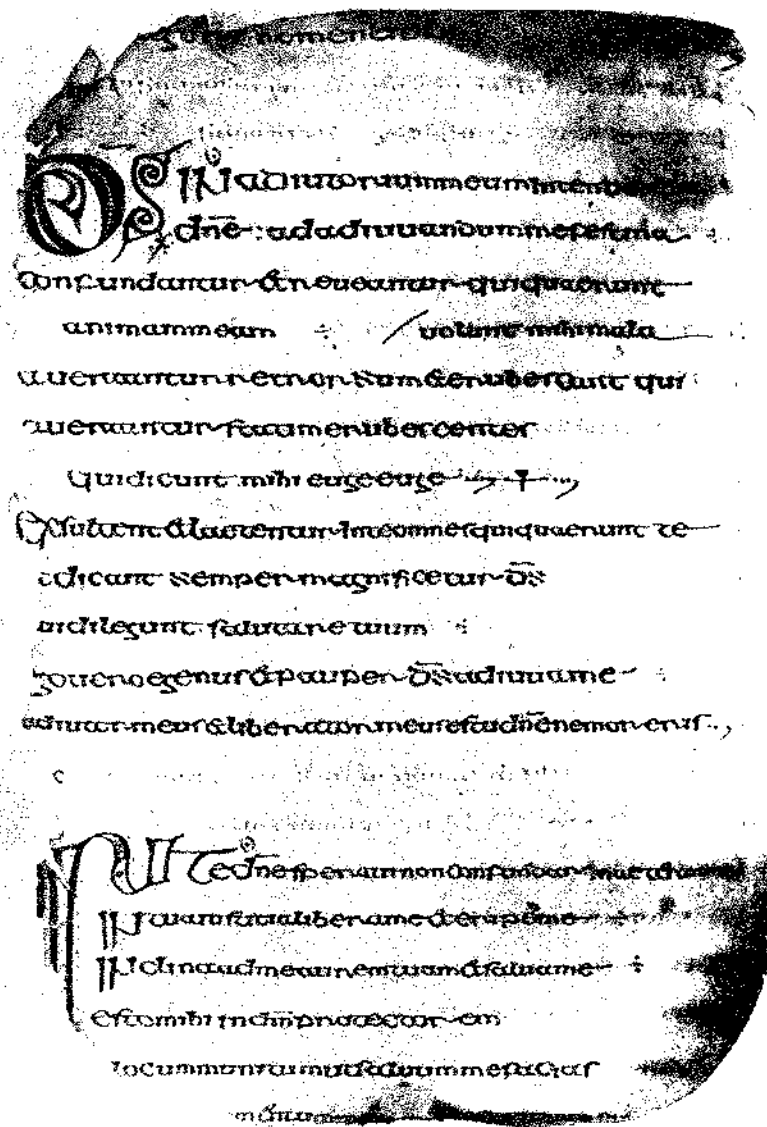

море. Представить, как выглядел флабеллум все же возможно. Кельтская Церковь заимствовала литургические опашала с православного Востока, и в VI в. они широко применялись для богослужебных целей. На ряде «высоких» ирландских крестов, в миниатюрах «Книги Келле» обнаруживаются изображения флабеллумов. Западная Церковь, к слову, познакомилась с опашалами только в первой половине IX в.

Единственной дошедшей до нас святыней – современной Коламбы остается «Катах» (Cathach), «воин» преподобного⁷. В Келлсе оказалось несколько айонских манускриптов, среди которых была Псалтирь, датируемая концом VI – началом VII в., то есть ее мог переписывать собственноручно св. Коламба. Между 1062 и 1098 годами для манускрипта изготовили специальный серебряный оклад, точнее небольшое хранилище. Наследники святого О'Донеллы из Донсгала ревностно охраняли реликвию, считая, что Катах не что иное как рукопись, ставшая причиной битвы при Кул Дребне. Катах трижды обносили вокруг места того или иного грядущего сражения, в надежде получить помощь святого предка.

Некоторое отношение к памяти Коламбы имеет также самое восхитительное и наиболее почитаемое сокровище кельтского христианства – «Книга Келле». В «Анналах Ольстера» параграф, посвященный 1066 г., сообщает, что «Великое Евангелие Колумкилле было нечестиво похищено ночью из западной ризницы большой каменной церкви Келле – главная реликвия западного мира по своим украшениям», и что позднее она обнаружилась без золотых украшений под дерном. С 1661 г. «Евангелие Колумкилле» хранится в Дублинском Тринити-колледже. Для «Книги» устроили специальный музей, о ней написаны сотни исследований. Для кельтолога это «Евангелие»,

⁷ Хранится в Royal Irish Academy. (Королевская Академия Ирландии), Дублин.

Страница «Катаха». Псалтирь св. Коламбы

как для египтолога пирамида в Гизе. Место и время ее создания остается предметом споров. По одной версии «Книгу» изготовили в Ирландии конца IX в., по другой – несколько раньше и на Айоне. Для нас важно, что, с точки зрения качества и специфики иконографии, «Книга Келлс» поразительно отражает темы адамнановского «Жития св. Коламбъ», – монахи, над ней корпевшие, словно посвящали свой труд славе преподобного отца.

События, что разворачивались на «Зеленом острове» в последующие 200 лет, полны драматизма, но мы коснемся лишь некоторых из них. После гибели короля Харальда при Гастингсе (1066) и «крушения Православия в Англии»⁸, практически независимый Северо-Запад Европы оказался перед угрозой норманнской духовной и политической оккупации. Вильгельм Завоеватель принес новый порядок, частью которого стала повсеместная церковная реорганизация. Как пишет Дж. Берроу: «Над всем западным христианством под властью и гегемонией обновленной папской монархии распространилась высокая степень единообразия. В результате специфика многих региональных церквей была искоренена» (цит. по: Bradley I., p. 40). Династия Плантагенетов, пришедшая к власти над Эйре (1171 г.), вводит, естественно, континентальный устав. Собор, заседавший в Ратбреасаиле (1111 г.), обозначил территории двадцати трех епархий, часть из которых основывались на местах прежних знаменитых монастырей – Килдар, Дерри, Клонмакнойз, Глендалог, Арма. Собор Келлса (1152 г.) – его проводил папский легат – увеличил число епархий до тридцати шести, поставил четырех архиепископов, объявил десятину обязательной для всех и закрепил первенство чести Армы (то есть и св. Патрика) над всей Ирландской Церковью. Еще дальше пошел Собор 1171 г., собрав-

⁸ См.: Мосс В. Крушение Православия в Англии. Тверь: Миссия, 1999.

шийся в Кэшеле. На нем было объявлено, что вторжение англо-норманнских рыцарей Генриха II Плантагенета явилось карой Божией за грехи ирландцев, покупавших в рабство англичан. Собор отменил гэльскую Литургию, восстановил латынь как богослужебный язык в местах, где предпочитали молиться на родном кельтском, и постановил, чтобы все службы «проводились в соответствии с обрядом Церкви Англии».

Хотя перемещение айонских реликвий в Келлс сделали его прямым наследником коламбовских традиций, сам святой стал объектом споров среди монастырей по поводу главенства внутри «семьи». Первенство активно оспаривали Дурроу и особенно Дерри. Последствия дискуссии оказались чрезвычайно серьезными для политических судеб главных ирландских кланов. В начале XII в. могущественные Уи Неиллы пришли на помощь Келлсу, но их влияние быстро ослабло, так что выиграл Дерри, заключивший союз сначала с Сенел Коннаил, а затем с Сенел Еугаин. Уже в 1150 г. центр парухии преподобного сместился из Келлса в Дерри. В этой обители было суждено появиться знаменитому циклу из 150 стихотворений либо о Коламбе, либо ему приписываемых, а также ирландскому «Житию» преподобного. Безымянные авторы представляли святого героем, поэтом, вставшим на защиту филидов. Он изображался как изгнанник, тоскующий по Ирландии, мечтающий возвратиться в донегальский Гартан – место своего рождения. Одна из поэм, авторство которой соотносили с ним лично, начиналась словами: «Я лучше умру в Ирландии, нежели вечно останусь жить на Альбе». Патриотическое «Житие» больше рассказывало о жизни святого на родине, изображая его основателем трехсот церквей. Главной целью гэльского текста

было поднять престиж Дерри, «первой, любимой обители Коламбы», и представить айонского игумена как ирландского миссионера на чужбине, в противовес Адамнану, у которого преподобный оказывался скорее человеком, нашедшим новую родину. Выделяя принадлежность Коламбы ирландским корням, агиограф из Дерри словно пытался выставить свою, альтернативную кандидатуру покровителя Ирландии против Армы и св. Патрика. О результате было сказано несколько выше.

В русских переводах поэмы из Дерри представлены фрагментарно. Наиболее известен текст «Думы изгнанника»:

Сказал Колум Килле:
Боже, как бы это дивно,
славно было –
волнам вверяясь, возвратиться
в край мой милый,
В Эларг, за горою Фойбне
в ту долину –
слушать песню над Лох-Фойлом
лебедину;
В Порт-на-Ферг, где над заливом
угром ранним
войско чаек встретит лодку
ликованьем.
Много снес я на чужбине
скорбной муки;
много очи источили
слез в разлуке.
Трудный ты, о Тайновидец,
дал удел мне;

век бы не бывать ей, битве
при Кул Дребне!
Там, на западе, за морем –
край любимый,
где блаженная обитель
сына Диммы,
Где отрадой веет ветер
над дубравой,
где, вспорхнув на ветку, свищет
дрозд вертлявый,
Где над дебрями Росс-Гренха
рев олений,
где кукушка окликает
дол весенний...
Три горчайших мне урона,
три потери:
отчина моя, Тир-Луйгдех,
Дурроу, Дерри.

Теперь вернемся в Шотландию. Если судить по документальным источникам, то в середине IX в. там прокатилась первая волна интереса к кельтскому христианству. Но скандинавы разрушали не только монастыри, они уничтожали уникальные библиотеки и множество рукописей тех лет погибло. Оставались люди, сохранившие и передавшие теплые чувства к «Эпохи свя-тых», запоминавшие различные предания и легенды. Поэты, агиографы и церковные историки вдохновили или очаровали не только простой народ. Многие знатные особы попадали под их влияние.

Одной из поклонниц «кельтского христианства» оказалась супруга «Великого вождя» (Ceann Mor), Малколма мак Данкана,

победителя Макбета – Маргарита Шотландская. Саксонская принцесса⁹ внучка Эдмунда Железнобокого.

Она родилась в Венгрии, воспитывалась при дворе Эдуарда Исповедника. В 1070 г. вышла замуж за овдовевшего Малколма III и правила с ним до самой кончины в 1093 г. Маргариту обычно изображают англоманкой и проримски настроенной королевой. При ней, действительно, языком шотландского двора был более английский, чем гэльский; она всячески поощряла почитание св. Андрея, поддерживала создание епархий и вводила континентальное монашество бенедиктинского образца. Поэтому некоторые исследователи обвиняют Маргариту в разрушении остатков Кельтской Церкви. Кое-что из варварских пережитков скоттов» она справедливо подвергла суровой ревизии. Распущенность в браке, непостоянство совершения Литургий, нерегулярное исповедание грехов, небрежение к Воскресному дню и недостаточно строгий Великий Пост вызывали ее претензии к шотландцам. Тем не менее, королеву глубоко тронуло благочестие сохранившихся кельтских монашеских общин, которым в трудную минуту она приходила на помощь. Именно Маргарита пожаловала большие земли монастырю св. Сёрфа в Лох Левене. А в 1072 г. вместе с Малколмом она посетила Айону, где поразились, обнаружив горстку отшельников, живущих среди развалин обители, пятьсот лет назад основанной св. Коламбой. Интересно, что покровительница континентальной системы Маргарита пожертвовала деньги для реконструкции и нужды общины, не пытаясь устроить на острове бенедиктинский порядок. Ее вдохновила перспектива оживить древние ирландские традиции, сохранить остатки кельтского монашества. (Лишь

⁹ Возможно, Маргарита была дочерью русской княжны. См.: Пашуто В.Т. Внешняя политика Древней Руси. М., 1968. С. 136.

через сто лет бенедиктинцы закрепятся на Айоне.) «Хроника скоттов» XV в. сообщает, что королева, опасаясь бесплодия, обращалась с молитвами к св. Коламбе. Айонский игумен просьбу без внимания не оставил. За годы супружества Маргарита родила восьмерых детей. Ее муж трижды в 1079, 1091, 1093 годах устраивал смелые вылазки против Вильгельма Завоевателя и разорял Нортумбрию. Никаких особых территориальных выгод походы не принесли. Малколм III и его старший наследник Данкан погибли, а через два дня после их смерти, разбитая горем, скончалась и сама Маргарита. В 1249 г. ее причислили к лику святых.

Королевские сыновья, правившие в первой половине XII в., следовали церковной политике матери, осуществляя реформы и романизацию, но при этом продолжали почитать кельтских святых. Правитель Шотландии с 1094 г. по 1107 г. Эдгар передал бенедиктинцам Дюргема королевское поместье в Колдингэме за то, что они совершали службы св. Коламбе. Взошедший на трон Александр I († 1124) основал монастырь августинского устава в Инчколме около 1123 г. и посвятил его Коламбе. Поздние хроники рассказывали, как король, попав в шторм около Форта, призывал имя святого. Судно Александра пристало к Инчколму, где за больным монархом три дня ухаживал отшельник, почитавший Коламбу. Монах питался рыбой, молоком и ютился в келье. В благодарность за спасение Александр на месте скромного жилища возвел обитель. Его преемник Дэвид I, организовавший преследование калдиев, тем не менее, молился кельтским святым – Мунго, Кутберту и Коламбе, в честь последнего он даже царек своего первенца.

Во второй половине XII в. авторитет айонского игумена был все так же высок. С именем Коламбы связывали основания храмов и монастырей. Большое количество преданий, восходящих к тому столетию, приписывало святому непосредственное

участие в закладке церквей и обителей по всей Шотландии. Такое впечатление, что скотты, смирившись с епархиальной реорганизацией, старательно разыскивали свои духовные корни в далеком «веке святых». Для монастырей, терявших независимость, подобный поиск имел вполне практический смысл, так как им приходилось обороняться от имущественных притязаний и растущих поборов норманнских баронов.

Особенно свойственны «легенды-основания» Северо-Восточной Шотландии. Монастыри в Адердуре, Туриффе и Абердиншире считали Коламбу своим основателем. Хроники рассказывают о посещении преподобным мест св. Дростана. Два святых встретились и обратились к королю с просьбой выделить землю под обитель. Король отказал, но тут заболел его сын. Коламба и Дростан молились об исцелении юноши, а когда тот чудесным образом выздоровел, король изменил свое решение и пожаловал землю.

В первой половине XIII в. основатель Айоны считался любимым святым шотландских монархов. Он являлся им в видениях, давал советы, благословлял, пророчествовал о грядущих победах и предостерегал от опрометчивых шагов. Согласно норвежской саге, Коламба в сопровождении скандинавских свв. Олафа и Магнуса таинственным образом посетил короля Александра II (1214 – 1249) и отговаривал начинать военную кампанию. (Несколько раз до видения Александр безрезультатно предлагал норвежцам вернуть шотландской короне захваченные еще в 1098 г. Гебридские острова.) Не прислушавшись к воле преподобного, король снарядил флот и отправился отвоевывать Гебриды. На острове Керрера в июле 1249 г. он занемог и скоропостижно скончался¹⁰.

¹⁰ Anderson A.J. Early Sources of Scottish History. Edinburg, 1922. P. 557.

На печати, которой пользовался его преемник Александр III, в 1250 г. были начертаны слова из Евангелия от Матфея (10, 16): «Будь мудр как змей и прост как голубь» – *Esto prudens ut serpens et simplex sicut columba*» (в свангельском тексте употребляется множественное число). Авторитетнейший историк Шотландии убежден: «Такой девиз был избран только потому, что в нем находилось слово «голубь» (=Коламба)¹¹. Александру, кстати, удалось присоединить Гебриды к королевству скоттов. После его смерти в 1286 г. мастера изготовили новую печать, где уже размещался другой текст: «*Andreas dux esto Scotis compatriotis*» – «Андрей пусть будет вождем шотландцев». Так апостол официально занял почетное место святого покровителя Альбы и крест андреевский крест стал знаменем Шотландии. Но Коламбу не забыли. Во многих сельских районах, особенно имевших к нему прямое отношение, или связанных посвящением храмов, он почитался как защитник домашних животных, его именем называли даже растение, ценившееся за целительные свойства.

После кончины Александра III и его наследницы «Норвежской Девы», вокруг королевского трона развернулась ожесточенная борьба, которой не преминул воспользоваться английский монарх Эдуард I. В 1296 г. он вторгся на земли скоттов. Последние поднялись в горы и следующие восемнадцать лет вели ожесточенную войну за независимость. Тогда кельтские святые обрели не только духовное, но и политическое значение.

Национальная память шотландцев хранит два ключевых события героической истории сопротивления: битву при Бэннокберне и принятие «Арбротской декларации». Соратник легендарного Уильяма Уоллеса, король Роберт Брюс 23-24 июня 1314 г., встав во главе высокогорного ополчения, около Бэннокберне разгромил сильнейшую армию Эдуарда II. Накануне сражения мощи святых Колаамбы и Филлана выносились перед

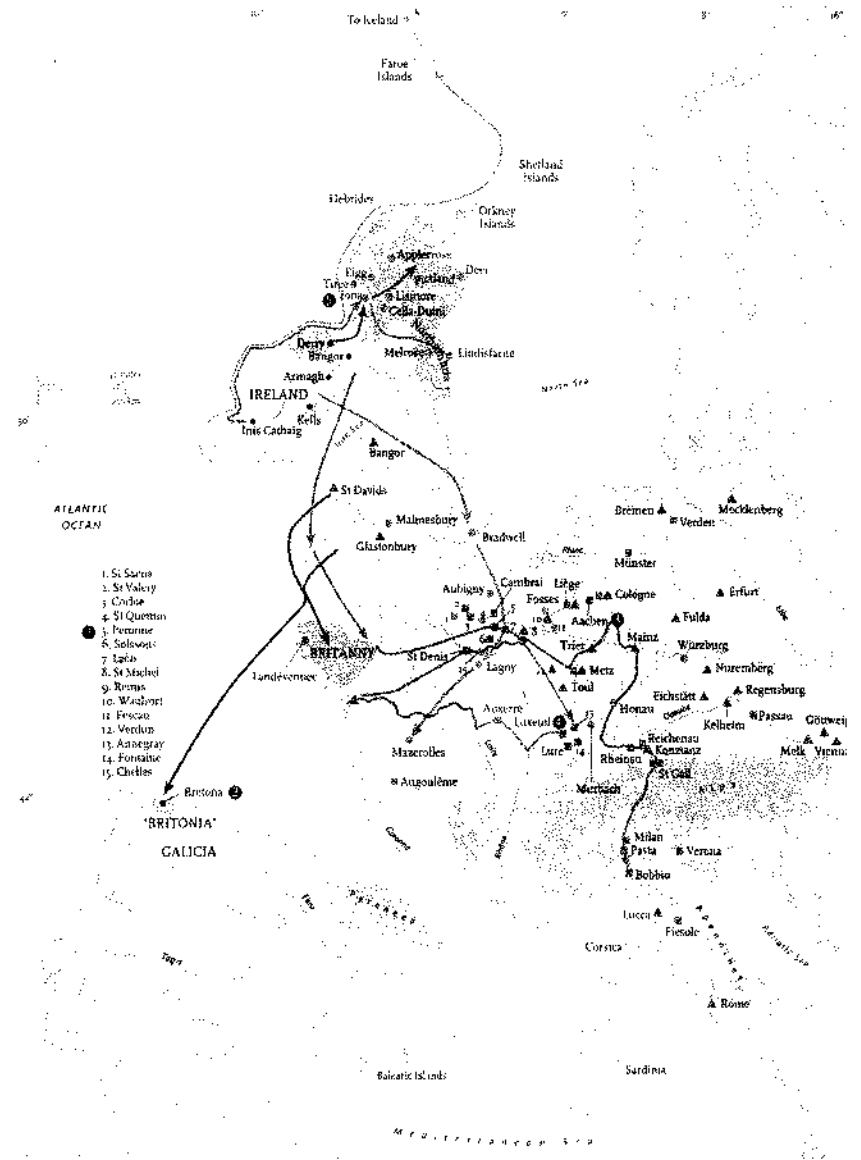
¹¹ Duncan, Scotland, Edinburg, 1978. P. 556.

шотландскими отрядами, священники пели старые гэльские гимны и благословляли скоттов кельтскими реликвиями. Невозможное свершилось – Роберт Брюс победил. А 6 апреля 1320 г. была подписана Арбротская декларация, уникальный средневековый документ, воспевающий национальную независимость и свободу. Обращаясь к папе Иоанну III, при всех вежливых оборотах, вроде «Святой отец и Господин», «Ваше Святейшество», «наместник Господа», шотландцы предупреждали, что, если римский понтифик «не откажется поддерживать англичан, к нашему смятению, мы сочтем, что Всевышний вменит Вам в вину умерщвленные тела, погубленные души и прочие тяготы...» А также обещали: «...доколе хоть сотня из нас останется в живых, никогда и ни в какой мере не покоримся мы английскому владычеству. Ведь не ради славы, богатств и почестей мы сражася, но единственно во имя свободы, кою каждый добрый человек утратит лишь вместе с жизнью»¹².

Мир с Англией оказался недолгим. В 1337 г. началась Столетняя война, и хотя главный враг Лондона находился по ту сторону Ла-Манша, Шотландия со счетов не списывалась¹³. Хроника Пласкадерна (см. вступление данной главы) рассказывает, как английский рейд на Инчколм (1385 г.) был вновь остановлен вмешательством св. Коламбы. Солдаты графа Ланкастера Генри, разграбив украшения в монастырской церкви, уже собирались предать храм огню, «но вдруг сильный ветер налетел на их факелы, развернул пламя и почти все разбойники сгорели; так святой явил чудо, спас обитель от пожара». Благодарные монахи-августинцы составили множество молитв и хвалебных

¹² Полный текст Арбротской декларации см. в «Приложении».

¹³ До конца XVI в. шотландцы будут оказывать сопротивление Англии.

Кельтская миссия в Европе

стихов преподобному, исполнявшихся на богослужениях и переписывавшихся в библиотеках. Текст одного антифона, певшегося во время Мессы, свидетельствовал о том, что иноки Инчколма в начале XIV в. прекрасно знали «Житие», составленное Адамнаном:

Ты сладкими делаешь горькие фрукты
И воскресаешь умерших людей
Ветрами владеешь, и веют те ветры
Чуму отгоняя от наших полей
Ты воду из камня пробиться заставил
Ты зеркало церкви, отчизны защитник
Взгляни на сей хор и храни ту обитель
Что славу Христа всему миру несет.

(перевод с латинского Ю. Варзоница)

В XIV-XV вв. службы кельтским святым стали довольно популярными, появились новые компилятивные жития, расширился интерес к идее святых – покровителей нации. Изобретение книгопечатания открыло большие возможности для распространения историй о людях «золотого века», о древней, мудрой, скромной и миссионерской Церкви Северо-Запада христианского мира. «Навигация св. Брендана» вышла в Аугсбурге около 1476 г., «Житие Бригиты» издали в Милане (1486), «Житие св. Патрика» напечатано было в Антверпене (1514). А в 1532 г. Манус о'Доннал опубликовал то, что стало энциклопедией св. Колаамбы – результат многолетней работы историков, изучавших фольклор, местные легенды и агнографические источники. В предисловии О'Доннал говорил: «Я подготовил книгу во славу Бога, для поднятия имени Колаамбы, ради людей, слушающих, читающих, и для бесчестия и падения дьявола».

ГЛАВА 7. РЕФОРМАЦИЯ

*«Старая Ирландия! Я подрастал с нею рядом,
Сказки и песни, и косые колочие взгляды,
Непримиримость вражды, заскорузлость проклятий.
Тощие тени, отталкивая и маня,
Долгие годы они являлись в мои сновиденья
И, наконец, отвердев, превратились в каменья,
Темной, высокой толпой обступили меня...»*

Джон Монтегю¹

Последователи Мартина Лютера на Британских островах от своих континентальных единомышленников ничем особенным не отличались. Плеть Реформации методично прошла по всему наследию кельтского христианства. Как только заседавший до этого пять лет парламент в 1534 г. принял «Акт о верховенстве» и король Генрих VIII стал главой Англиканской церкви, отношения с Римом сошли на нет. Через год так называемые визитационные комиссии занялись оценкой монастырских владений. Обители закрывались, земли переходили под власть короны. К 1539 г. около трех тысяч монастырей прекратили свое существование.

Крупнейшая усыпальница древней церкви в Гластонбери, где, согласно преданию, покоились останки Иосифа Аримафейского, была жестоко разграблена. Аббат и два монаха приняли смерть. Их повесили на скалистой вершине гластонберийского холма. Храмы рушились, иконостасы сжигались. По прошествии 12 лет практичные протестанты превратили хозяйственные здания монастыря в промышленный городок для ткачей-гугенотов, перенравившихся на остров из Фландрии.

¹ Дж. Монтегю родился в 1929 г. Его называют «первым североирландским католическим поэтом мирового значения со времени раздела Ирландии».

Айона – многострадальный остров! В свои древнейшие скалы он впитал кровь кельтских праведников. Эта известная всему христианскому Западу шотландская обитель периодически оживала после бессмысленных разрушений викингов, но чуть было не погибла в недоброе время реформаторских войн. Акт 1561 г. позволил пресвитерианам Собора, заседавшего в Аргилле (Argyll), превратить цветущую землю в священную пустыню. Многочисленные строения оказались снесены, 360 крестов (даже если цифра завышена вдвое – ужасно все равно! – *Авт.*) были разбиты, сняты или брошены в море. Колокола аббатства были похищены, могилы и захоронения разграблены. Самой тяжелой утратой стала гибель обширнейшей библиотеки, где хранились сокровища искусства и литературы, старинные шотландские манускрипты и записи, сделанные рукой самого св. Коламбы. То,

Лютер

что удалось спасти от огня монахам, бежавшим с острова, нашло прибежище в Дублине, Риме, Париже. Лишь немного укрылось в самой Шотландии. Некоторые святые якобы спрятали на острове Saimburg Mog, но ненадолго. Их нашли и уничтожили войска Кромвеля или сторонники «Ковенанта».

Генрих VIII

В Уэльсе, этом сердце валлийского иночества, первый англиканский епископ Уильям Барлоу заявил о необходимости перенесения кафедры из благословенного Сэнт-Дэвиса в захудалый Карматен. Ему не терпелось очистить свои владения от «неугодной Богу службы, отвратительных идолов и поповских паломников». Все, что так или иначе связывалось с памятью покровителя Уэльса св. Давида, приводило Барлоу в бешенство. И хотя кафедра осталась на прежнем месте, былой поток паломников иссяк, а все имена кельтских святых из уэльской Литургии оказались изъяты. Напуганные и сильно притесняемые католики, не обрета иной надежды, обратились за помощью к тем, кто стоял у истока их национальной Церкви. Протестантское иконоборчество в Британии, начиная с 1536 г., сплотило сотни людей, возмущенных «реформаторскими бесчинствами», вокруг движения, известного как «Паломничество Благодати» (Pilgrimage of Grace). Собравшиеся в Йорке под знаменем св. Кутберта, они мужественно выступали против роспуска монастырей и прочих нововведений. При Марии Тюдор (1553-1558) последовала непродолжительная католическая реставрация. Правительство Марии примирилось с папой, и начались преследования уже протестантских теологов. С восшествием на престол Елизаветы I (1558-1603) все это прекратилось окончательно.

В Ирландии дела обстояли тоже не лучшим образом. Сначала Генрих VIII принял титул короля «Зеленого острова» и потребовал, чтобы «Его величество» считали единоличным собственником всей земли. После чего совершился захват угодных ирландских кланов, лежавших вне пределов Пэля, района, «огороженного» еще Генрихом II в 1170-1171 гг. Мария Тюдор

продолжила эти массовые конфискации, щедро раздавая отнятое английским колонистам. При Елизавете I наступление расширилось уже и на кельтские монастыри. Когда ее войска оккупировали Ольстер, почитаемые останки святых из разных храмов и обителей стали методично собираться. Одни оказались в Дублине, другие переправили на британский берег, третьи увезли в Европу. Исчезали вдобавок реликвии и старинная утварь. В 1584 г. богато украшенный крест св. Колаамбы попал в руки английского поверенного сэра Джона Пэррота. Из Ирландии сэр Джон выслал его главному секретарю королевы лорду Бурлейу с припиской такого содержания: «Отправляю крест Вам, чтобы, сделав над ним то, что сочтете нужным, зная Ваше отношение ко всякой идолатрии², Вы, если пожелаете, могли бы преподнести его дражайшей леди Уолсингэм или леди Сидней, дабы они носили его словно украшение и знак величия».

Как и прежде, кельтское сопротивление оказалось сотканным не столько из национальных, сколько из религиозных мотивов. Написанная по-гэльски поэма конца XVI в. «Fada héisteacht a Mhuire» обращалась ко Пресвятой Деве с просьбой: «Разбудить Колаамбу и Патрика» и не дать угаснуть католическому христианству. Святые слышали эти мольбы, и на протестантов посыпался град невзгод. Когда в английском гарнизоне Дерри от взрывов боеприпасов погибло свыше 30 человек (1566 г.), то солдаты королевы кричали: «Это ирландский бог Колаамба всех погубил». А так как подобных случаев было довольно много, то и реформаторы продолжали жестоко подавлять все, что казалось им «кельтским», насаждая в Британии и Ирландии свои континентальные практики Женева и Виттенберга. Эхо этого сурового противостояния довольно скоро проникло в кабинеты

² Идолатрия – идолопоклонство.

историков и литераторов. Именно там развернулась настоящая баталия, не завершенная до наших дней, как, впрочем, и ольстерские перестрелки.

Протестанты решили, будто возможно так изложить историю кельтского христианства, что кельтизм древней Церкви

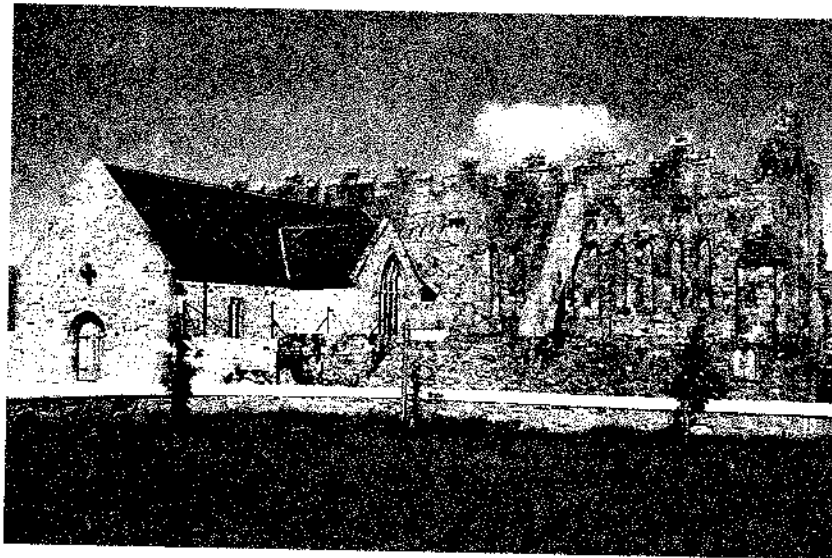
ELISABETH REGINA ANGLIAE, FRANCIAE, HIBERNIAE, ET YERGINIAE REGINA,
FIDEI CHRISTIANAE PROPUGNATRIX ACERRIMA ENUNCIATA PER QUAEFFLENS

Елизавета I

Британских островов будет выглядеть некоей предтечей Реформации, которая в этом случае оказывалась бы своеобразным возвращением к забытым ценностям «золотого века». Процесс переписывания истории осуществлялся несколькими авторами одновременно и в разных местах, но ключевой фигурой среди этих пионеров можно считать Уильяма Тиндейла (William Tyndale). Будучи изгнанным из Британии, Тиндейл поселился в Голландии, где написал две книги: «Послушание христианина» (1528) и «Практика прелатов» (1530). В этих многостраничных томах читателю предлагалась картина бытия евангельски чистой, независимой от Рима британской Церкви, которая постепенно в течение средних веков скатывалась под папское господство. Любимым героем кельтского «золотого века» для Тиндейла стал, как ни странно Гильда, тот самый валлийский монах-писатель, перу которого принадлежит трактат «Разорение Британии». У Тиндейла Гильда выглядел фигурой пророческой, обличителем, которого Господь послал для вразумления бриттов, забывших Святое Писание. Просмотрев или намеренно не заметив проримские симпатии Гильды, Тиндейл создал странный образ протопротестантского апологета Реформации, который многим пришелся по душе.

Так, вдохновленный этими идеями, один бывший нищенствующий монах-кармелит по имени Джон Бейл решил двигаться в схожем направлении. Для начала он порвал с католиками, а потом, оказавшись в антверпенской ссылке (1540-е годы), написал пространное исследование: «Деяния английских служителей», где была воссоздана пасторальная идиллия древней британской Церкви, равно независимой как от Рима, так и от

местных властей. Бейл смело обратился к еще более ранним временам, взяв за основу своих изысканий гластонберийское предание о миссии св. Иосифа Аримафейского в 63 г. на Альбу. Указание на такое апостольское преемство давало ему прекрасную возможность продемонстрировать, сколь чистой, правильной была жизнь британской общины и ее кельтского народа – ирландцев, шотландцев, валлийцев до появления вероломных

*Развалины монастыря св. Брендана.
Ардферт. Ирландия*

саксонцев и впоследствии норманнов, ассоциировавшихся, в свою очередь, с католицизмом. На протяжении последующих 150 лет этот «гластонберийский путь» оставался главным пунктом протестантской историографии и пропаганды. Католики предпочитали вспоминать миссию, предпринятую в конце II в.

двумя монахами Фогане и Дамианом, которых направил в Британию папа Элевтерий в ответ на письмо короля Луция. Историчность этого события, о которой свидетельствовали только труды Джоффри Монмаута, принималась и некоторыми протестантами, поспешившими, правда, убрать из рассказа участие папы и считавшими миссионеров простыми проповедниками.

Руины древнего монастыря

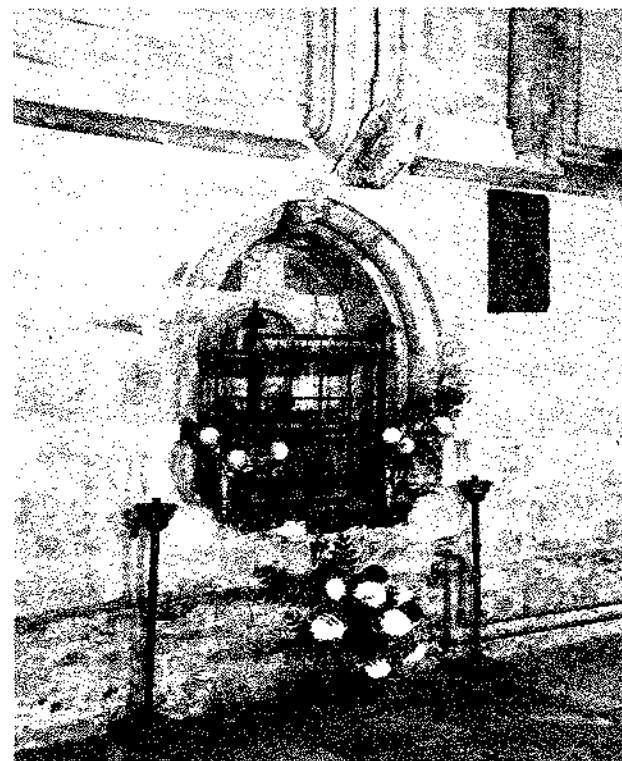
Шотландцы, как обычно, старались не отставать от англичан, и в 1582 г. Джордж Буханан, ведущий исследователь-гуманист, к тому же руководитель Генеральной Ассамблеи Церкви Шотландии, опубликовал книгу «История деяний скоттов» (George Buchanan Rerum Scotiarum Historia). До Буханана никому и в голову не приходило серьезно заняться сравнительным исследованием топонимов в Шотландии, Южной Британии, Галлии и Испании. Пораженный массой географических совпадений в этих землях, он выдвинул очень смелое по тем временам предположение о единой расе, которую назвал кельтами или галлами. Прежде никто

столь серьезно и доказательно не заявлял, что современные ирландцы, шотландцы и британцы принадлежат к народу, что примерно за тысячу лет до Рождества Христова распространился на Запад через Европу. Автор «Истории деяний скоттов» не верил в средневековые легенды, рассказывающие про связь кельтов с одним из потерянных колен Израиля или о некоей финикийской прародине галлов. Много страниц он посвятил подробному описанию специфической природы древней Церкви, ее практикам, устройению и обычаям, которые Буханану виделись как по существу протестантские и национальные. Особенно он старался показать, что от самых своих истоков Церковь Шотландии прекрасно обходилась без римского покровительства.

Его наблюдения вполне справедливы. С первых десятилетий существования Кельтской Церкви, то есть со св. Патрика, епископ Рима считался главным епископом Запада, в определенных обстоятельствах наделенным не очень точно определяемой властью над этой Церковью. Но папа был далеко и сообщаться с ним оказывалось сложно, так что для св. Патрика самой важной оставалась его родная британская Церковь, благословившая всю ирландскую миссию (это мнение Буханана. – *Авт.*).

В течение первых десятилетий XVII в. шотландские пресвитеры, заимствовав идеи Буханана, продолжали разыскивать все новые и убедительные свидетельства в пользу протопротестантского облика кельтского христианства. Наиболее значительной работой в этом деле стала «История Кирки Шотландии», написанная Дэвидом Калдервудом в 1625 г. (David Calderwood, History of the Kirk of Scotland). Разделяя гипотезу своего предшественника касательно происхождения скоттов, Калдервуд

изобразил идиллическую картину жизни ранней шотландской общины, в которой путешествующие священники обучали горцев

Рака с мощами св. Давида. Сент-Дэвис. Уэльс

евангельскому Откровению, и где не находилось места для епископов и «зверских суеверий». Кельтское духовенство получило массу похвал, а св. Коламба был особенно почтен за строгую жизнь, высокий авторитет и за то, что его монахи на Ионе «сильно отличались от зверья возросшего позднее, в развращенные времена». Автор специально подчеркнул, что св. Коламба был «пресвитером», но не епископом.

И хотя протестантизму присуще отрицательное отношение к почитанию святых, некоторые реформированные церкви и верующие люди сохранили теплое чувство или просто живой интерес к христианским подвижникам прошлого. Для пресвитериан св. Коламба стал выдающейся фигурой в значительной степени оттого, что историки говорили о нем как о священнике, стоящем чуть ли не у истоков их традиции.

До Ирландии протестантский энтузиазм в отношении всего «кельтского» добрался приблизительно тогда же. Сооруженный в 1628-33 гг. новый собор для реформаторов города-колонии Лондондерри был освящен в честь св. Коламбы, а не св. Патрика или, например, св. Андрея. Английские патроны учитывали новые веяния. В Армаге, месте, где, по преданию, св. Патрик основал свою первую ирландскую кафедру, в то время епископом оказался Джеймс Ашер (James Ussher). Человеком он был талантливым и во многих отношениях выдающимся. Карьера Ашера удачно началась на англо-ирландской торговой бирже. Затем он поступил в недавно открытый протестантами Тринити-колледж в Дублине и стал одним из первых его выпускников. Свободно владея несколькими языками, Ашер начал заниматься литературством. Но делом всей своей жизни епископ Армаги считал сбор доказательств в пользу того, что Англиканская церковь Ирландии полностью согласуется и с учением Нового Завета о Церкви и с основанной в V в. св. Патриком митрополией. Для подтверждения этого тезиса Ашер разослал своих людей по многим библиотекам Европы и Ирландии. Те, за его счет, скрупулезно собирали все, что касалось подобной темы, а сам Ашер, где только удавалось, активно скупал старинные манускрипты. В 1631 г. из-

под епископского пера вышла книга «Очерк религии, которую в древности исповедовали ирландцы и британцы». Рассмотрев множество прямых и косвенных свидетельств, Джеймс Ашер пришел к выводу: «Религия, которую исповедовали в древности епископы, священники, монахи и другие христиане в этой стране, была по существу той же самой, которую теперь исповедует здешний народ в противоположность чуждому учению, занесенному от последователей епископа Рима». Самое принципиальное заявление находилось в главе «О папской духовной юрисдикции; о том, как мало первоначально она была укоренена». Здесь он приложил массу усилий, обращая внимание читателей на то обстоятельство, что никто из святых людей, давших Ирландии название «Остров святых», не был канонизирован папой вплоть до времен Малахии и Лоренса из Дублина.

Может показаться странным, но при всем том Ашер поддерживал тесные связи с несколькими католиками-ирландцами, жившими на континенте и трудившимися над составлением Житий святых «Зеленого острова». Эти люди, выброшенные из своего родного дома религиозными гонениями и нетерпимостью соотечественников, тем не менее, с трепетом смотрели в духовное и историческое прошлое Ирландии. Они надеялись защитить свое кельтское и католическое наследие от набиравшего силу английского и англо-ирландского протестантизма. В первой половине XVII в. они заговорили о собственной преемственности.

Первого звали Генри Фитцсимсонс (Henry Fitzsimons), второго – Стивен Уайт (Stephen White). Оба были иезуитами и бежали на континент. Нашедший приют сначала во Франции, а

потом в Италии Фитцсимсонс, между 1604 и 1630 гг. трудился над составлением каталога ирландских святых. Часть его работы удалось опубликовать в 1611 г., и уже к 1619 г. «Каталог» был расширен до четырехсот имен. Его собрат по ордену Стивен Уайт, занимавший академические посты в Италии и Германии, к 1629 г.

Джеймс Ашер

сделал целый ряд очень важных открытий. Он отыскивал, а потом исследовал списки ранних рукописей: «Житие св. Бригиты» Когитоза и, что важно, «Житие св. Колаамбы» Адомнана. Уайт называл свой труд «радостными и неустанным», который был «во-первых, во славу Бога, а во-вторых, во славу нашей любимой Ирландии».

За иезуитами пришли францисканцы, которых может поблагодарить любой нынешний кельтолог. Если бы не монахи этого ордена, без устали копавшиеся в европейских и ирландских книгохранилищах, многое из агнографического и литургического наследия «Зеленого острова» сгинило бы навсегда. Майкл О'Клериг (Michael O' Clerigh) в 1630 г. подготовил «Календарь святых Ирландии». Он являлся, как бы сейчас сказали, директором проекта «Анналы четырех мастеров». С 1632 по 1636 гг. францисканский монастырь, располагавшийся в Донегале, издавал под его покровительством хроники кельтской Ирландии от самого возникновения вплоть до XVII в. Другой агнограф, который пытался систематизировать католические исследования, Джон Коглан (John Coglan) успел опубликовать два из шести намеченных томов про ирландских святых. Слишком мало оказалось средств. Тем не менее, читатель получил «Деяния святых древней и большой Скотии или Ибернии», а также «Деяния Триады» (1647 г.), посвященные свв. Патрику, Бригите и Колаамбе. Несмотря на незавершенность этот францисканский проект имел большое значение. По мнению Дж. Леерсена (J. Leerssen «Mere Irish»), «он способствовал определению кельтской национальной гордости в терминах ее церковной истории... Здесь подразумевалось, что католическая, антианглийская Ирландия все более соотносится с кельтской Ирландией; давние английские притязания поглощаются и уничтожаются общим отождествлением кельтской культуры и ирландской святости».

Так или иначе, но Реформация и последовавший «католический ответ» обнаружили в Британии и Европе большое количество симпатий к христианской кельтологии. Обе стороны упорно оспаривали право наследования. Св. Коламба словно незримо благовествовал со своего крошечного острова англичанам и европейцам о необходимости обращения к древней христианской традиции Северо-Запада и ее православных корнях. Никто этого, похоже, не услышал, и «кельтское возрождение» XIX – XX вв., к сожалению, двинулось в противоположном направлении.

ГЛАВА 8 «КЕЛЬТСКИЕ СУМЕРКИ» И КЕЛЬТСКИЙ РАССВЕТ

*На наши берега, забытые во мраке,
Где волны Запада имеют свой предел,
С любовью пастырской Ты посылал приливы,
И знамя крестное, спасающее нас.
Святые и герои подвиг веры здесь совершали...
А мы, наследники их рвенья,
Теперь имен тех славу понесем*

*Тимоти Риз¹
(пер. Ю. Варзони)*

Автор непревзойденной мифологической эпопеи «Властелин Колец» Дж. Р.Р. Толкиен однажды заметил, что понятие «кельтский» представляет собой «волшебный мешок, в который можно положить, что угодно, и из которого почти все можно достать». Англосакс и католик Толкиен кое в чем прав: в британский или франкский мешок ничего особенного не опустишь, а доставать и вовсе окажется нечего. Для «Властелина» он не поспешил, и прокельтские персонажи («народ холмов» – хоббиты, Мерлин – Гэндалф, Уоллес – Арагорн) искусно перемещивались с германскими и скандинавскими (гномы, люди-волки и т.п.). Кельтофилом Толкиен не был, но без «кельтских сумерек» «Властелин Колец» ему бы не удалось создать никогда.

¹ Тимоти Риз (Timothy Rees) – епископ Лландафа (Уэльс) в 1931-1939 гг., автор большого количества духовных гимнов.

К преподобному Коламбе все то, что будет изложено ниже, имеет довольно косвенное отношение, но без этой главы образ святого игумена, что до сего дня остается дорог сердцам сотен тысяч христиан различных конфессий, оказался бы неполным.

Итак, с завершением основных реформаторских «завоеваний» во всей Европе, включая Британию, идеализированный кельтизм стал одним из главных конструктов растущей волны романтизма. Становление «Кельтской идеи» приходится на период с 1650 по 1850 годы. Хронологически этот двухсотлетний процесс совпал с формированием псевдорелигиозного культа Природы, воспеванием всяческой архаики, сельской идиллии в противовес рационализму и Просвещению. Особый интерес к дохристианской религии кельтов и мифологии на самой заре романтического движения имел большое значение для принятия кельтского подхода к христианству. К XVIII веку развилась идея, что кельтское христианство значительно ближе находится к ценностям языческого мира, чем считалось прежде. Деизму Просвещения такой синкретизм вполне соответствовал. Первоначально внимание было обращено на сходства между друидизмом и раннебританским христианством. В одном из первых исследований о мегалитах Британии – «Стоунхендж, Храм британских друидов» (1740), священник из Линькольншира Уильям Стьюкли высказал мнение, что друиды пришли в Британию вскоре после Потопа и «имели религию, настолько похожую на христианство, что фактически она отличалась от евангельской веры одним: христиане ожидали Мессию, друиды воспринимали его пришествие совершившимся фактом». Более

Современные язычники

того, Стьюкли предложил считать Троицу сугубо кельтским изобретением. Его книга² изображала друидов людьми кроткими, культурными и толерантными – совсем в духе англиканства XVIII века. Оставалось совершить небольшой шаг к тому, чтобы предположить, что раннебританское христианство впитало в себя многое из древнейшей религии. Развивая идеи Стьюкли, Джон Келланд (John Cleland) в 1766 г. сделал сенсационное «открытие»,

² Stukeley W. Stonehenge, A Temple restored to British Druids. 1740.

которое до сих пор любят вспоминать авторы ньюэйджевских (неоязыческих) книжек. Клеланд заявил, что слово «Месса» берет свое название не от фразы «missa est» («послана есть»), а от «mistletoe» – омела белая, магическое растение друидов.

Зарождавшийся романтизм предпочитал изучать и рекламировать прежде всего языческую кельтскую культуру. К христианскому наследию он относился с предубеждением. Приверженцы новых идей понимали, что открыли настоящую европейскую цивилизацию, способную конкурировать с Грецией и Римом. Исключить из «цивилизации» Церковь было нельзя, но ее наследие можно было по-своему интерпретировать и преподнести неподготовленному читателю. В начале 1760-х шотландец Джеймс Макферсон объявил об открытии большого цикла героических поэм, якобы принадлежащих легендарному барду третьего века Ошину (Оссиану³). Макферсон представил Ошина как поэта, равного Гомеру, и почитание кельтского сказителя быстро распространилось в Европе. Гете, Шиллер, Гюго, Наполеон и Пушкин в разное время отдали дань памяти Ошину.

Несколько позже однофамилец Макферсона, Джон Макферсон, опубликовал «Введение в историю Британии и Ирландии» (1771 г.), где поместил говорящих по-гэльский кельтов в Шотландию за 400 лет до их фактического прибытия. Он изобразил их коренными каледонцами, смело противостоящими римлянам. Его скотты возводили свое наследие к героическим воинам, что прославлены мифами и эпической поэзией, а его валлийцы связывались с друидами, бардовскими песнями. Арфа превращалась в символ Ирландии, наряду с уэльским луком-поресем св. Давида и шотландским чертополохом.

³ См.: Макферсон Дж. Поэмы Оссиана. Л., 1983.

Большую роль для романтиков сыграло то обстоятельство, что древние кельтские монастыри, как правило, располагались в местах диких, уединенных. Те, кто был разочарован цивилизацией и старался отыскать спокойное красивое местечко, отправлялись в длительные путешествия. Сэмюэл Джонсон и Джейм Босвелл в 1773 г. осматривали острова и шотландское высокогорье в надежде «найти простоту, нетронутость и все признаки отдаленных времен и мест, столь близких нашему родному острову». И хотя им пришлось убедиться, что они опоздали увидеть людей давней эпохи, путешественники не были разочарованы, так как им «предстали руины религиозного величия», стоявшие словно «меланхолические напоминания об утраченном веке веры». Особенно их тронули кельтские места на Внутренних Гебридах, сначала на Инч Кеннете, где «со слезами они взирали на развалины храмов», а затем уже на Айоне – «этом почтенном месте древней святости». Именно тогда Джонсон произнес фразу, ставшую знаменитой: «Не стоит завидовать тому человеку... набожность которого не возрастет на развалинах Айоны».

Другой романтик, викарий Овелстона в Глочестершире Дэвард Дэвис описал Айону как «великое прибежище друидов Севера» и настаивал на том, что «ранние христиане часто сознательно сооружали свои церкви на останках языческих храмов». Ему принадлежит замечание: «Друидизм, конечно, отличался от религии Ноя, но куда меньше, чем римский папизм, поскольку был значительно ближе к чистоте и простоте Евангелия, чем иные способы исповедования христианства»⁴.

Бесчисленные путешественники, вдохновленные этими

⁴ Davies E. Mythology of the British Druids. London, 1809.

людьми, отправлялись паломническими маршрутами к святым местам кельтского христианства. Художники изображали скиты отшельников, полуразрушенные круглые башни и высокие кресты. Поэты воспевали таинственные пещеры калдиев, чудесные источники и рощи, в которых некогда селились мудрые анахореты. Участник знаменитой «Озерной школы» Уильям Вордсворт, посещая Лох Ломонд, был настолько очарован видом «великолепных руин» на одном из островов озера, что взялся за перо. В поэме «Келья Брауни» он описал отшельника в образах, которые можно считать прямым заимствованием из «Ощина» Макферсона: «Гордый остаток бесстрашной расы». Вордсворт воспевал кельтское монашество вполне искренне и без излишней идеализации:

В пустырь, поросший вереском,
В страну глухих болот,
В леса непроходимые и горы кто идет?
От мира отреченные, забывшие уют
Монахи, Бога иноки, смиренные идут.
Их сила в покаянии, молитва – подвиг их,
Господь создаст им кельи, как для своих святых.

(пер. Ю. Варзони)

Небывалый рост интереса к раннекельтской Церкви в общей сложности складывался из трех составляющих: увлечения древностями, патриотизма и протестантизма. На католической почве романтизм развивался куда слабее, даже в Ирландии.

Протестантские пропагандисты «Зеленого острова» очень охотно эксплуатировали движение «друзей Бога», калдиев. В трактате, опубликованном около 1822 г. и направленном против

римо-католиков, Генри Мэсон (H. Mason) отождествлял общины Celi Dei с первыми монахами, прибывшими в Ирландию примерно за сто лет до св. Патрика. Он писал про их тесные связи с православной Грецией и Египтом и считал, что «эти христиане не смотрели на папу или какую-либо другую чужеземную фигуру как на своего духовного лидера», а Писание «читали скорее на родном языке, нежели по-латыни». В менее полемическом духе исследователи и искатели артефактов интересовались письменными и археологическими останками кельтской Ирландии. Важная пионерская работа в этом направлении была выполнена еще в XVIII столетии.

В 1787 г. вышел первый том исследований Королевской Академии, посвященный ирландской истории, а уже в первые десятилетия XIX в. растущий интерес к древностям слился с волнами романтизма и национализма. Так родилось движение кельтского возрождения в Ирландии. То, что христианские аспекты кельтского прошлого страны получили развитие в этом движении, произошло благодаря художнику-пейзажисту по имени Джордж Петри. В исследованиях, посвященных ирландскому патриотизму, его называют «Опора кельтского возрождения». Подобно многим, кого привлекало (и привлекает) кельтское христианство, Дж. Петри был человеком посторонним. Его родители, этнические шотландцы, эмигрировавшие в Дублин из Британии, носителями «кельтской идеи» не были, но их сын неожиданно стал. Почувствовавший еще в юные годы особый интерес к церковным древностям, он много рисовал. Снова и снова Петри отправлялся к высокому кресту Монастербойза и на развалины Клонмакнойза. Самым известным полотном художника

считаются «Последние пилигримы в Клонмакнойзе» (1828). Он думал, что римо-католики и протестанты могут стать ближе, если признают кельтское наследие общим достоянием. Петри часто рассуждал о глубоко христианской природе ирландского национального самосознания и пытался отыскать его корни в монастырской культуре V-X вв. Ему одинаково претили английский снобизм, всегда старавшийся представить ирландцев тупыми варварами, и теоретики европейского Просвещения, изображавшие кельтов исключительно как языческих героев. Он рассматривал кельтское христианство в качестве нравственной силы, инструмента, способного исцелить разногласия между католиками и протестантами, а также помочь решению внутривосточных проблем Ирландии начала XIX века.

Позицию Дж. Петри разделяли многие люди, вовлеченные после 1830 г. в движение «Молодая Ирландия». Их лидер Томас Дэвис (Т. Davis), полуваллийский-полуирландский протестант, особо почитал св. Айдана Линдисфарнского и активно пытался оживить в народе память о «золотом веке святых». В «Молодой Ирландии» считали, что возврат к интеллектуальному, рыцарскому христианству и просвещенной культуре откроет успешный путь к решению социального и политического кризиса «Зеленого острова». Но в 1845-1847-х годах Ирландия пережила тяжелейший «картофельный голод», поставивший сотни тысяч семей на край гибели и явившийся причиной массовой эмиграции в Америку.

Кельтские культурологические призывы уступили место обычному национализму, который, как водится, опирается на физическую силу и политическую власть. В качестве решения

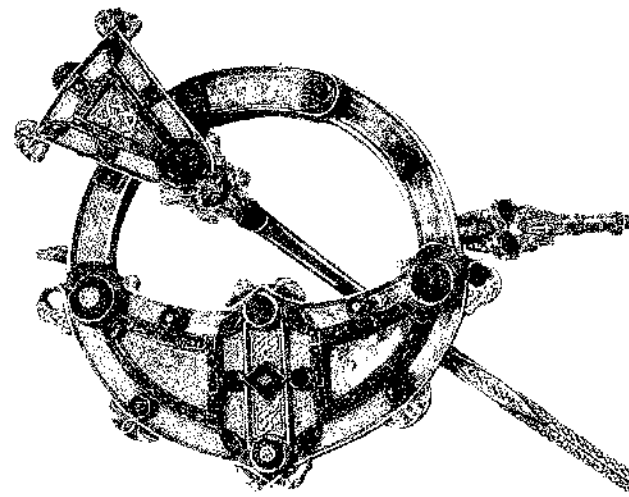
ирландской проблемы кельтское христианство потеряло свою привлекательность, но при этом оно осталось неизменно популярным для новой волны «духовного туризма». Древности Кельтской Церкви собирали тысячи паломников, которые вели себя, видимо, столь активно, что в 1840-х пришлось учредить Ирландское Археологическое общество. Одной из его задач стала защита памятников страны от наносимого посетителями ущерба.

На Континенте к этому времени начало оформляться то, что мы называем сегодня наукой о кельтах – «кельтологией». В 1848 г. были произведены раскопки в Хальштате, а в 1856 г. в Ла Тене. Археологические данные этих работ легли в основу официальной хронологии кельтской цивилизации. Затем последовали важные лингвистические исследования во Франции и Германии. Первый академический журнал, посвященный исключительно кельтским проблемам, учредили в Париже в 1870 г. – «Кельтское ревю». Второй – «Журнал кельтской филологии» – издала Германия в 1896 г. Большое значение для «кельтофилов» Европы имели книги историка религии Эрнеста Ренана (в России он более известен как автор «Жизни Иисуса»). Ренан в 1854 г. опубликовал труд «Поэзия кельтской расы», в котором представил кельтов, в первую очередь, как поэтический народ, по характеру женственный, но отличающийся от других европейцев воображением, чувственностью и интуицией. Ренан писал: «Эта кроткая малая раса была от природы христианской», и замечал, что «на фоне контраста того, как неспешно и трудно принимали христианство тевтонские народы, кельты перешли к евангельской вере легко». Он одобрительно отзывался о «полубардовских, полухристианских школах св. Кадока и св. Иллтуда» в Уэльсе. Энтузиаст

«золотого века святых» Эрнест Ренан говорил своему читателю важные вещи: «Когда мы пытаемся определить точный момент истории кельтов, в который нам нужно переместиться, чтобы понять их цельность, то мы должны вернуться в шестой век... Немногие формы христианства представляют идеал христианского мировоззрения так чисто, как Кельтская Церковь шестого, седьмого и восьмого веков». Для Ренана наиболее отличительной характеристикой кельтов было «следование невозможным мечтам», и «Плавание св. Брендана» он называл «уникальным продуктом комбинации кельтского натурализма с христианской духовностью».

Если сегодня вы зайдете в любой магазин сувениров Дублина, Корка, Эдинбурга или посетите «ирландские лавки» США, то обнаружите трехцветный республиканский флаг «Зеленого острова», фигурки лепреконов, кельтские кресты, шляпы, трубки и, непременно, «традиционное кельтское украшение» – брошь из Тары. Ее история такова. В 1850 г. дублинский ювелир Джордж Вотерхаус приобрел некое украшение, найденное на северо-восточном побережье близ Дрогхеда. Приметив растущий интерес к антиквариату кельтского происхождения, он решил назвать находку в честь легендарного холма Тары, резиденции верховных королей Ирландии, и продавать ее копии. Идея оказалась чрезвычайно удачной. Среди первых покупателей «броши Тары», которую Вотерхаус презентовал на Большой Выставке 1851 года, оказалась сама королева Виктория. Журнальные и газетные статьи, освещавшие события выставки активно способствовали развитию моды на кельтские украшения, а «брошь Тары» стала чем-то вроде символа

кельтского возрождения в Ирландии. В 1868 году Королевская Академия выкупила у дублинского ювелира оригинал броши. Художники и ремесленники, почувствовав спрос, быстро взяли на вооружение витые и зооморфные дизайны древних кубков, посохов, книжных ларцов и охотно компилировали фрагменты орнаментов с высоких крестов. В результате все то, что вначале представлялось как формы церковного искусства, быстро потеряло религиозное содержание, стало цениться за исключительно декоративные свойства и оказалось в витринах ювелирных магазинов.

Брошь Тары

Сходную привлекательность имели орнаменты и каллиграфия раннесредневековых манускриптов. В 1843 г. энтомолог Дж. Вествуд, увлекшийся изучением животных и птиц, нарисованных в монастырских рукописях и книгах, выпустил первую иллюстрированную серию «Палеография священной живописи». А в 1861 г. Маргарет Стоукс использовала на титульном листе издаваемой ей поэмы Фергюсона «Кромлех из Хаута» фрагменты Книги Келлс. И это, вероятно, первые примеры использования раннекельтского христианского дизайна с сугубо декоративной целью.

Содержание самих рукописей тоже становилось предметом внимания «кельтских энтузиастов викторианской эпохи». В 1857 г. епископ ирландского Дауна Уильям Ривз опубликовал важное критическое издание и перевод «Жития Коламбы» Адамнана, переложил слатъни на английский коламбовский гимн «Великий Гворец». А в 1874 г. он представил публике комментированные «Жития» св. Ниниана и св. Кентигерна, датируемые XII в.

В Шотландии эдинбургский писатель Уильям Скин, ставший в 1881 г. королевским историографом, издал ряд средневековых шотландских и валлийских хроник. Его монументальная работа «Кельтская Шотландия: история древней Альбы» выросла до трех томов, один из которых был целиком посвящен Кельтской Церкви. Скин отстаивал стандартную протестантскую линию, изображая «древнекельтскую Церковь» гордой, независимой, но втянутой в конфликт с Римом, а калдиев называл «героическим остатком, храбро противостоящим чуждым континентальным влияниям». Позиции Скина разделял талантливый английский поэт и художник Уильям Белл Скотт. Он родился в Эдинбурге, но большую

часть жизни провел на юге Британии. Возглавляя школу искусства в Ньюкастле, Скотт увлекся христианским наследием Нортумбрии и в особенности Бедой Достопочтенным. Несмотря на агностические симпатии поэт оставался англиканином и не сомневался, что, случись Бедо восстать из мертвых, он найдет свой духовный дом в Церкви Англии. Это убеждение он выразил в одной из своих поэм, где Беда воскресает и встречает римского кардинала такими словами:

Облаченный в пурпур, кто ты есть, человек!

Дыхание смерти исходит от тебя...

Положите меня снова под дерн!

Самые же яростные схватки за право представлять кельтское христианство происходили, конечно, в Ирландии, где свое участие в романтизации древнего наследия определенно обозначили католики. Апологеты Рима и сторонники национальной Церкви затеяли буквально «войну памфлетов». Каждая из сторон говорила, что именно ее епископы образуют непрерывную линию преемства епископата, рукоположенного св. Патриком. Время от времени свой «вклад» в дискуссию вносили пресвитериане, заявляя, что раннеирландская Церковь вообще обходилась без епископов. Больше всего споров происходило вокруг св. Патрика и св. Коламбы. Преподобного игумена Айоны атаковали с двух сторон. Католики настаивали на том, что монашеская жизнь коламбовской общины соответствовала правилам и обычаям католической Церкви и справедливо обращали внимание на практику частной исповеди, почитания святых угодников, молитв за умерших, использования крестного знамени, поста и безбрачия

духовенства. Протестанты, в свою очередь, ставили под сомнение связь коламбовской общины с Римом и подчеркивали универсальную независимость Айоны.

Шотландские поэты и художники почитали своего Коламбу. В их представлении он являлся прежде всего национальным героем, а уже после монахом и миссионером. В 1870-1880-е годы романтические портреты святого писал Роберт Гибб («Коламба на Айоне», «Смерть Коламбы») и Роберт Хердман («Коламба спасает пленника»). Один из главных активистов кельтского возрождения Высокогорья, Стюарт Блэки, в 1882 г. создавший первую в стране кафедру кельтологии при Эдинбургском университете, представлял Коламбу как одухотворенного гэлла и подвижника. Он связывал прибытие святого в Дал Риату с началом «появления первых признаков искусства и цивилизации Альбы».

Викторианское кельтское возрождение достигло своего апогея к последнему десятилетию XIX века. Христианские темы прочно обосновались в области декоративного искусства. Специфические декоративные мотивы, обнаруженные на украшенных манускриптах, высоких крестах и литургических сосудах, то есть то, что закономерно принадлежало церковной традиции, теперь оказалось не только на ювелирных изделиях, но и на столовых скатертях, в убранстве жилых комнат и т.п. Именно с этих пор входит мода на ношение украшений с кельтским дизайном, особенно подвесок и кулонов в форме кельтского креста. Икона превратилась в аксессуар.

Писатели и драматурги, всегда чутко реагирующие на все новое, пользующееся спросом у интеллектуальной публики, не

пропустили возможности заявить о себе. Но участники литературной части кельтского возрождения 1890-х годов практически не искали вдохновения в христианской традиции. Несмотря на свою принадлежность к англо-ирландскому протестантизму значительная когорта литераторов тщательно избегала евангельских тем, предпочитая различные формы мистицизма и оккультизма. Их главное внимание привлекал дохристианский и языческий фольклор. В 1893 г. ирландский поэт Уильям Батлер Йетс выпустил книгу под названием «Кельтские сумерки», в которой были собраны и изящным образом пересказаны старинные предания «Зеленого острова». Они очаровывали и завораживали читателя своими мистическими тонами, какой-то глубокой грустью, если не сказать тоской. После первой публикации «Кельтских сумерек» так стало именоваться целое движение, квазирелигиозный орден, основанный в 1897 году. В него, кроме Йетса, входили Джордж Рассел, Эдмунт Хантер и еще несколько энтузиастов, среди которых причудливым образом объединились художники, поэты и политики, убежденные в том, что «кельтская духовность могла бы искупить мир» (Йетс). Они призывали к освобождению Ирландии от английской оккупации, но, повторяю, концепция «Сумерек» никогда не была христианской. Современное движение «Нового века» (New Age) во многом обязано именно этим людям. Йетс любил порассуждать о грядущей «схватке между Церковью и мистиками». Его позиция вполне объяснима. Еще в 1885 г. он помогал организовать Герметическое общество в Дублине, где, видимо, познакомился с революционером Дж. О'Лири, а в 1893 г. после ритуального экзамена был посвящен в высший круг «Ордена Золотой Зари».

Другие участники «Сумерек», может быть, и не имевшие подобной масонской степени, тем не менее, больше вдохновлялись языческим прошлым Ирландии, нежели «веком святости». Покровительница Йетса леди Августина Грегори предпочитала св. Патрику «человека страсти и несгибаемой воли Кухулинна» и писала о «богах и сражающихся» с большей охотой, чем о древних монастырях. Джорж Рассел утверждал, что Ирландия «издавня известна как Остров святых, поскольку боги обитали на нем».

Тем не менее, «Кельтские сумерки», сами того не желая, сыграли и положительную роль. Сочинения участников движения заставили многих других авторов пересмотреть существующее популярное восприятие кельтского христианства. Влияние «Сумерек», вкупе с книгами Ренана и «Оссианом» Макферсона, сыграло выдающуюся роль в изменении восприятия кельта как варвара и дикаря. Обозначилась особая связь от Коламбы до наших дней через христианство Ирландии, Шотландии, хотя проблем оставалось еще достаточно много.

Так, в 1897 г. на Айоне состоялись торжества, приуроченные к 1300-летней годовщине кончины преподобного. Шотландская Церковь сделала все возможное, чтобы праздник получился общенациональным, но католиков 9 июня на остров просто не пустили. Целых шесть дней 615 паломников терпеливо ждали, пока им разрешат вступить на благословенную землю и совершить богослужение среди монастырских руин. Рим проявил мудрость. Папа Лев XIII не только не затаил обиды на каледонцев, но в 1898 г. благословил восстановить памятные дни Адамнана, Колмана, Дростана, Фергуса, Филлиана, Маэлрубры, а также

распространить празднование святых Ниниана и Кентигерна по всей Шотландии. «Кельтскую идею» католики активно продолжали осваивать. Самуэль Стоун, англичанин, не имевший каких-либо кельтских корней и связей, в 1897 г. выпустил книгу «Пласты Айоны» (Stone S. Lays of Iona), в которой довольно четко обозначил, чем, по его мнению, Церковь Англии обязана Айоне: «Что касается духа и сердца религии, самых достойных и чистых принципов миссионерской работы – как бы ни был велик и действителен вклад миссии св. Августина Кентерберийского, а также и более ранних евангелизаторов, главный долг англосаксонского христианства – перед Кельтской Церковью и ее отцами. В самом высшем смысле колыбель нашей ветви католичества должна отождествляться с двумя святыми островами – Айоной и Линдисфарном, с именами Коламбы, Айдана и их духовных сыновей». Стоун был поэтом, и «Пласты...» представляли собой антологию стихотворений, «адресованных сынам и дочерям католической Церкви Англии, с надеждой, что те поймут, чем они обязаны чистому духу Кельтской Церкви». Он ободрял тех, кто считал, что после Собора в Уитби кельтское христианство сошло на нет:

Не говори, будто Кельтская Церковь угасла,
Словно луч солнца за горою исчезнув.
Кельта душа все живет и живет,
А старое чистое сердце стучит неустанно.

В его длинном гимне, прославлявшем общины Нортумбрии, говорилось: «Англия наша поступью кельтов идет», и не Рим, но Айона должна считаться «Англии кормящей матерью».

Постоянный рефрен Стоуна наиболее четко проговорен в «Лирике прошлого Айоны и будущего», здесь предсказывается, что Острову предстоит стать центром христианского возрождения:

Господа воли ждет вечный Айона,
Ждут острова в океане седом.
Сквозь сумрак и холод края земного
Солнце надежды согреет наш дом.
Хор пробудится и песнь разольется
В самых глухих и забытых местах...

(пер. Ю. Варзоница)

Через два года после того, как эти строки прочитали англичане, в последние месяцы XIX века, граф Аргайла передал все стросния на острове Шотландской Церкви и любая деноминация обрела равные права на совершение богослужений.

Оставались, правда, еще и те люди, кто находился вне церковных структур и был более занят мистическими и эзотерическими аспектами движения «Кельтских сумерек». Юбилей св. Коламбы для них также оказался важным событием. Поэт, драматург Артур Гудчайлд (A. Goodchild) в книге «Свет Запада» (1897) представлял св. Коламбу, наряду со св. Иоанном Богословом, Пелагием, Саймоном Магнусом, хранителем «древней мудрости» и придавал большое значение упоминанию в «Чуде» (Amra) факта изучения преподобным не только Писания, но также «святой мудрости». Под последней Гудчайлд подразумевал античное знание, апокрифы и Кабалу. Он полагал, что Адамнан и последующие биографы Коламбы скрыли историю знакомства айонского игумена с засскреченным знанием из-за

своих проримских симпатий и что теперь пришло время использовать учения древних бардов, друидов, которые сохранялись в наследии Кельтской Церкви. На самом деле наступало совершенно другое время, для которого Господь избрал нескольких выдающихся людей, энтузиастов Кельтской Церкви. В двадцатом веке было два значительных кельтских христианских возрождения, и первое связано с именем Александра Кармайкла.

В отличие от многих, кого привлекало кельтское христианство, Кармайкл непосредственно принадлежал гэлльскому миру. Родившийся в 1832 г. на острове Лисмор, он происходил из семьи, которая связывала себя с церковью, основанной св. Молаугом, современником Коламбы. С детства Александр говорил по-гэлльски. Работа у Кармайкла была специфической, он служил акцизным офицером (аналог современной налоговой полиции) и занимался сборами с незаконного производства виски на Высокогорье и островах. Такая деятельность предоставляла замечательные возможности для путешествий в самые глухие и отдаленные места, где с конца XV века шотландцы производили собственную «воду жизни». Невзирая на свою, в общем-то, презираемую горцами, должность Кармайкл смог установить добрые отношения с крестьянами и рыбаками Гебридских островов. Он говорил одному своему другу, что собирает гэлльский фольклор, поскольку вдохновлен намерением «показать миру, что наш любимый народ не является грубым, варварским, неверующим, необразованным, каким представляли его предубежденные писатели».

XX век начался с публикации первого тома его работы «Кармина Гаделика» (Carmina Gadelica. Эдинбург, 1900), которая,

вероятно, сделала больше других для современного восприятия кельтского христианства и повлияла на всю «кельтологию». Кармайкла особенно интересовал религиозный компонент устной гэльской народной традиции. Молитвы, заговоры и благословения преобладали в двух первых томах (только они вышли при его жизни, то есть до 1912 г., остальные появились позднее). Кармайкл интересовался сравнительным религиоведением и обнаружил, что искусство, поэзия Гебрид стоят ближе к индийской духовной традиции, нежели к западному наследию. Впоследствии эту точку зрения будут планомерно развивать, в результате чего вопрос о кельтской прародине станет самым запутанным.

На страницах «Кармины» рассматривались популярные формы восприятия кельтского христианства. Многие стихи производили впечатление смеси язычества и евангельской веры – черта, которую сам Кармайкл считал особой характеристикой миссии Кельтской Церкви. Некоторые исследователи воспринимали «Кармину» как «литературную работу, а не литературную презентацию гэльского фольклора». Другие находили многочисленные параллели между ней и «Ошином» Макферсона. Но то, что Макферсон «видел как славу древнего гэльского барда, Кармихаэл воздал древнегэльскому клирику». Александр писал: «Кельтские миссионеры позволяли языческому фундаменту оставаться, воздвигая на нем христианскую Церковь». Это наблюдение подтверждалось тем, что языческие заклинания в «Кармине» тесно соседствовали с христианским материалом. Фольклорное богатство для антологии Кармайкл собирал на самых отдаленных островах, на краю Британии, и ощущение географической периферийности кельтского христианства

усиливалось, окрашиваясь в мистические тона. Он, кроме того, создавал трогательные описания жителей Гебрид, что «отправлялись на побережье, к океану распевать молитвы, подобно Коламбе, Кутберту и Давиду».

Личность преподобного настоятеля Айоны представлялась в «Кармине» подробно. Святой выглядел духовным воином, с триумфом побеждающим дьявола, защитником слабых и помощником в повседневной жизни. Его день (официально 9 июня, но, согласно местной традиции, выпадающий на второй четверг того же месяца) считался благоприятным для новых начинаний: «Четверг – день Коламбы, когда можно отправлять овец на пастбище и давать теленку кормилицу». Для жителей Гебрид в начале XX века св. Коламба был, прежде всего, благодетелем, несущим добро. Эта черта его характера увековечилась в регулярном применении гэльского прилагательного *saomh* (добрый), явно представляющего собой аллитерацию его кельтского имени.

Александр Кармайкл вдохновил сотни тысяч людей. «Кармина Гаделика» раскупалась чрезвычайно активно, и многие интеллектуалы навсегда связали себя с Кельтской Церковью. Одним из таких энтузиастов стал художник Джон Данкан (1866–1945). Из его наследия самыми известными считаются полотна, посвященные Айоне: «Св. Брида» (1913) и «Св. Коламба прощается с Белым Конем» (1925 г., см. иллюстр.), на котором изображается эпизод из последней части «Жития». Святой игумен привлекал людей самых различных религиозных убеждений. В 1920 г. вышла его биография, написанная Люси Мензис (епископальная церковь), в которой Коламба

Джон Данкан.

«Св. Коламба прощается с Белым Конем»

героем-покровителем пиктов, пионером цивилизации и культуры. Мензис утверждала: «Для Шотландии просто невозможно переоценить то, чем она обязана Коламбе. Он основал национальное единство, принес межплеменной мир, дал Хлеб Жизни». Рискуя вызвать гнев братьев-протестантов, Люси смело заявляла, что Коламба взял традицию прямо из Рима. Но ее голос, впрочем, оказался практически одиноким. Более типичной была линия, представленная Джоном Дюком в его влиятельной книге «Церковь Коламбы» (1932). Для Дюка независимость оказывалась

) «наследством, которое Церковь св. Коламбы завещала Церкви, поднявшейся затем в Шотландии, что должна была вырасти во время Реформации на руинах Римской Церкви, и которая, в конце концов, завершилась в сегодняшней Церкви Шотландии – самой независимой национальной Церкви во всем христианстве».

Чем «кельтское возрождение» первой половины XX века все же принципиально отличалось от подобных процессов предыдущих столетий, так это своей созидательностью и практичностью. Кроме идей, новых концепций, фиксируемых различными специализированными журналами, книгами, оно стало частью общественной жизни Британии, Ирландии и Уэльса. Деятельные люди, не собиравшиеся просиживать годами в тишине кабинетов над фолиантами и древними рукописями, скептически настроенные к «духовному туризму», заявили тогда о себе.

Двадцать четвертого апреля 1916 года в Дублине произошло знаменитое «Пасхальное восстание». Ирландские патриоты захватили центральную почту и другие государственные учреждения. Ими руководили Артур Гриффит, один из основателей «Шин фейн», Томас Кларк – лидер Ирландского республиканского братства и поэт Патрик Пирс. На почте Пирс зачитал декларацию, в которой объявлялось о создании республики и ее временного правительства. Сам он должен был стать первым президентом. Английские войска ввели в дублинский залив канонерку, на улицах разместили пушки и довольно быстро подавили мятеж. В своих выступлениях «поэт-правитель» Патрик Пирс постоянно обращался к «наследию предков», упоминая концепты христианского мученичества и историю независимой Кельтской Церкви. И хотя популярные кельтские образы присутствовали в

освободительном движении, в целом ирландские протестанты оставались к ним равнодушны. У.Б. Йетс, описывая в своих стихах Пирса на пике восстания, сравнивал его с Кухулином, а не с кем-либо из древнейших святых.

В Уэльсе христианская традиция валлийцев активно вовлекалась в политические кампании. В школах официально вводилось празднование дня св. Давида Уэльского, поощрялось ношение изображений лука-пороя и желтого нарцисса – символов независимости. Кульминацией «кельтского возрождения» можно считать анвеституру (формальное провозглашение) принца Уэльского, впервые с XIII в. произошедшее в 1911 году.

Но более всего преуспели шотландцы. В 1929 году владелец большой фабрики в Файфе, филантроп и любитель древностей Дэвид Рассел выступил инициатором создания Общества Айоны. Он хотел, чтобы студенты-теологи шотландских университетов проходили на Острове обучение. Рассел поручил архитектору Фэрли разработать проект реставрации монастыря и других зданий аббатства, где предполагал размещать студентов, а также многочисленных паломников. В его планы входило создание на Айоне внеконфессиональной атмосферы доверия, при которой любой христианин мог чувствовать себя свободно и уверенно. Среди тех, кто разделял взгляды Рассела и был готов помочь, оказался уже упоминавшийся выше Джордж Мак Леод. Для него св. Коламба представлял собой не только легендарную личность, но живой пример для подражания. Вспомнив историю создания обители руками ирландских монахов, Мак Леод предложил, чтобы строительные работы на острове выполнялись не подрядчиками за плату, а добровольцами «из числа опытных

каменщиков, плотников... тех, кто рад будет возможности показать свою искусность ради Славы Божией». Его инициативу поддержали. Работы начались в 1938 г. и продолжались даже во время Второй Мировой войны.

Мак Леод мечтал о том, чтобы Айона принимала христиан любых деноминаций одинаково радушно и привела разрозненные Церкви XX века к прежнему единству Кельтской Церкви. Он говорил: «Молитва наша о том, чтобы на Айоне собирались представители различных конфессий, вместе стремясь к тому дню, когда, как во времена Коламбы, Церковь Христова будет единой в каждой стране». Некоторые особенности жизни новой общины были специально построены согласно практикам кельтского монашества. Биограф Мак Леода Рон Фергусон отмечал: «День, организованный с воинской точностью, начинался побудкой в 6.45 и купанием в холодном море. Мак Леод обычно сбрасывал свой изодраный килт и вел за собой всю комнату. Он настаивал на том, что кельтские монахи купались ежедневно, круглый год и отвергал все возражения сомневающихся». Интересное совпадение: Мак Леод начал свою деятельность на Айоне в 42 года, то есть в том же возрасте, что и Коламба, когда приплыл из Ирландии.

Неизлечимый романтик Мак Леод сочинял о преподобном всякие истории, причем старался таким «творчеством» оправдать многое из собственных поступков. Люди, его слушавшие, никогда не могли быть до конца уверены, где кончается правда и начинается вымысел. Ссылаясь на замечание, «сделанное одним старым шотландцем», Мак Леод описывал Айону как «тонкое место, где небо и земля особенно близки». Его акцент на экологию помогал утвердить «зеленый» образ Кельтской Церкви. Он приложил свой весомый голос в защиту независимости кельтов от Рима, хотя столь же

тщательно держал дистанцию от реформаторских идей. С особой радостью этот энтузиаст указывал на то, что Арнольд Тойнби в своем монументальном «Исследовании Истории» одну из глав назвал «Айона или Рим», и придавал значение особому почитанию у кельтов евангелиста Иоанна Богослова: «Святой Иоанн являлся небесным покровителем Шотландии в течение веков, прежде чем римское доминирование произошло в Сэнт-Эндрюсе».

К сожалению, о Православии Мак Леод имел смутное представление. Посети он в те годы Афон (как раз в 1938 г. скончался преподобный Силуан Афонский), соприкоснись с древней восточной аскезой, поиски корней и осмысление наследия кельтского христианства могли сложиться иначе.

«Второе возрождение» обрело силу в конце 1980-х годов, хотя и в сороковые-пятидесятые годы появлялись различные исследования. Это «Возрождение» справедливо считают «книжным делом» и связывают с серией книг, опубликованных, а затем многократно переизданных в 1960-70-е гг. Дешевые, в мягких обложках («Кармина Гаделика» стоила дорого и выглядела солидно), популярно написанные работы представляли кельтское христианство как привлекательное и романтическое явление, чуть ли не как ожившую мифологию. «Поиск трех аббатов» Б. Лиэйна (1968), «Святые морские пути и поселения» Дж. Боузена впервые четко обозначили тесные связи коренных христианских сообществ западной Британии с православными Церквями Сирии и Египта. Уже неоднократно цитировавшаяся мною Нора Чэдвик в книге «Век святых» (1968) своим академическим подходом узаконила взгляд на специфическую кельтскую церковную практику: «Наиболее выдающейся чертой этой Церкви была широта и сила монастырской традиции, которые тщательно оберегались от Рима

и Кентерберри». Тогда же широкую популярность обрели Артурианские легенды, почитание Гластон-бери, Тары. Большую роль сыграла книга шотландского епископального священника Мартина Рейта «Бог среди нас» (1974), в которую он включил собственные версии молитв из «Карминь» вместе с переводами гимнов, приписываемых Коламбе. Рейт

Уэльс. «Кельтский пилигрим» у бензозаправки

настолько увлекся кельтской темой, что даже оставил приходскую деятельность и переехал на остров св. Сёрфа в Лох Левене. Ему принадлежит очень любопытное наблюдение: «Образ кельтской духовности, который сегодня так часто используется – это виски, поданный с ужасным количеством воды». Отличительной чертой раннекельтских христиан для Мартина Рейта было то, что они «воспринимали Евангелие целиком, не выбрасывали непонравившееся и не изымали крест из Писания».

Увлечение кельтским христианством в 1970-80-е гг. связывалось не только с книгами, но и частными инициативами различных людей. Так римско-католическая архиепископия Дублина в 1961 г. отметила 1500-летие со времени кончины св. Патрика, а в 1963 г. – 1400-летие прибытия св. Коламбы на Айону. В Шотландии экуменические ассоциации с кельтским христианством усилились, когда Коламбе была посвящена новая церковь в Бридж-оф-Дон (Эбердин), которую поделили между собой католики и пресвитериане. Одним из грандиозных «кельтских проектов» стало путешествие гарвардского профессора Тима Северина. Ирландец по происхождению, смелый моряк и писатель, Северин в 1976 г. решил повторить «навигацию св. Брендана Клонфертского». Он реконструировал по древним моделям типичный средневековый коракл, установил на нем современное оборудование и отправился через Атлантический океан. С небольшой командой Северин прошел под парусом мимо Фарерских островов, Исландии, Гренландии к американскому Ньюфаундленду. Его хроника, повествовавшая о приключениях в «навигации», стала бестселлером по обе стороны Атлантики и дала новую жизнь предположениям о том, что кельтские монахи достигали берегов Америки задолго до викингов и основывали там монастыри.

В 1990-е годы издательское дело стало еще более прибыльным. На рынке британских островов и в США появился целый ряд привлекательно оформленных новых антологий кельтских стихов и молитв. Кроме привычного, пусть даже и переработанного, материала «Кармины», в этих сборниках стали все чаще попадаться стилизации под кельтскую поэзию, псевдокельтские гимны. Художники-оформители, иллюстрировавшие такую продукцию, настолько модернизировали привычный «кельтский дизайн», что он неумолимо терял свою самобытность. Даже такие важные антологии, как «Крик оленя» (1986) (сборник ирландской религиозной поэзии) и «Книга валлийского паломника» (1989) (подборка молитв и стихов IX-XII вв. на валлийском и английском), не избежали нововведений. Но это, как говорится, полбеда. К сожалению, большое количество кельтских книг в магазинах соседствовали на полках рядом с томичками по дзен-буддизму, «откровениями» Блаватской, Штайнера, картами Таро, но не с Библией. На фоне развернувшейся в 90-е годы пропаганды идей «Нового века» (New Age) это обстоятельство дало повод для некоторых, особенно настороженных, консерваторов (как протестантов, так и католиков) объявить «кельтское христианство» одним из направлений движения «Нового века» и современного ультралиберализма. Причины для волнения были вполне обоснованны, ведь, кроме обычных антологий, стали появляться и откровенно провокационные работы. Так, Ширли Тулсон в своей книге «Кельтская альтернатива» утверждала, что «кельтское христианство» имело больше общего с буддизмом, чем с христианством Запада». У Ширли нашлось много почитателей.

Музыкальные магазины начали открывать новые витрины стаблечкой «кельтская музыка», где, кроме традиционных дисков The Sneiftains или Silly Wizard, появилась различная, в основном электронная, продукция. Любая меланхолическая композиция в тихих романтических тонах, имеющая значок «кельтская», могла рассчитывать на коммерческий успех. Сердце британского христианства – Гластонбери – незаметно превратился в Мекку «кельтского возрождения» и неофициальную столицу ньюэйджевской Англии. На главной улице разместились бесчисленные лавки, в которых торговали целительными кристаллами, холистическими средствами лечения, друидическими амулетами, артурианскими украшениями, романами в жанре фэнтези и «кельтскими молитвенниками». С появлением Интернета «кельтская альтернатива» стала еще более популярной. Количество сайтов на эту тематику давно перевалило за сотню. Кельты были ограблены неоязычеством.

Витрина с «кельтскими» сувенирами

Даунпатрик

То «кельтское христианство», что последние двадцать лет рекламируют на Западе, а теперь и в России, экологично, феминистично, поэтично и почти пантеистично. Оно увлекает молодых людей своей внесконфессиональностью, перспективой новых духовных открытий, независимых путей. Ирландцам и шотландцам оно помогает отомстить за себя англичанам так же, как пресвитерианцам и англиканам Британии – отомстить за себя римо-католикам. Пожалуй, только мы, православные, можем осмыслить кельтское христианство во всей его полноте и незамутненности. Кельтская Церковь была связана крепкими узами с Восточной Традицией, знала и любила наших святых отцов, изучала греческий, принимала преследуемых исламом египетских монахов, отправляла своих миссионеров в Славянские

земли, не родила ни одной ереси, достойной упоминания. Она – осколок Вселенской Церкви, о котором мы должны вспомнить.

И последнее замечание. В 1997 г. на Айоне проходили торжества по случаю 1400-летия кончины св. Колаамбы. Сотни тысяч паломников приехали на остров и молились по очереди в соборе аббатства. Празднества имели и свое политическое измерение. Шотландия тогда принимала ирландского президента Мэри Робинсон. Целый ряд событий способствовал укреплению шотландско-ирландских связей и формированию своеобразной кельтской оси. В частности, Англия «переваривала» результаты положительного голосования Эдинбургского парламента за экономическую независимость Шотландии. Президент Робинсон посетила Святой остров, и на другой день в ее выступлении прозвучала такая мысль: «Как принц, поэт и священник Колаамба символизирует многие связи между Гебридскими островами, Шотландией и Ирландией... Будучи отшельником во имя Христа, он основал Айону, которой суждено было стать великим монастырским поселением, центром Кельтской Церкви здесь и путеводной звездой учености в Европе. Вчера на Айоне я вдруг поняла, что именно он сделал, и насколько это существенно для нашего современного мира. Три нити: политика, знание и религия, воплощенные в Колаамбе, переплетены неразрывно».

В начавшемся веке св. Колаамбу еще не единожды призовут из его небесной обители. Четверть миллиона паломников ежегодно достигают Айоны, и это хороший знак. Как бы ни болел современный мир, куда бы ни вели дороги секуляризации, святые всегда с нами, а Церковь без святых – это Церковь без Неба.

ПОСЛЕСЛОВИЕ

Я заканчивал писать эти очерки на берегу Атлантического океана. Святой остров Айона располагался за сотни миль по другую его сторону. Нас разделяли внутренние воды большого мира – «морская вечно юная стихия». Вдоль берега прогуливались различные люди и смотрели на океан. Привычным ли взглядом, скупающими ли, влюбленными или любопытными глазами они вглядывались в «безупречную линию горизонта». Белые птицы и дельфины изредка становились предметом их наблюдений. Что приходило им на ум, не знаю. Я относился к тем путешественникам, что могут часами глядеть вдаль, ни о чем особенно не размышляя. Зеленые пенистые волны, пригнавшие суда Христофора Колумба к этой части земли, некоторое время занимали мое внимание, но затем уступили место воспоминаниям, вернувшимся к противоположной стороне Атлантики.

Странное дело, когда мы с о. Стефаном Красовицким, замечательным поэтом и терпеливым спутником, делились в срединной Британии своими планами посещения Айоны, наши приятели-англичане широко распахивали глаза. Их обычная, несколько дежурная, восторженность становилась достаточно натуральной. Они восхищались нашей смелостью. В какой-то момент эта неожиданная искренность меня даже насторожила. Казалось, мы собираемся отправиться в далекую и таинственную обитель, но, оказавшись в Шотландии, уже около Глазго, я совершенно успокоился. Во-первых, движение на трассе (мы ехали на автомобиле) стало напоминать российское. Ограничения скорости и предупреждения о полицейском контроле практически исчезли. Британская чопорность и дисциплинированность

растворились. В магазинах и на «заправках» преобладал легкий бедлам. Люди говорили по-английски, но настолько специфическим образом, что проще было догадаться, чем понять, о чем, собственно, идет речь. Стало больше елей, берез. На острове Малл мы попали в «маленькую Карелию». Тягачи возят строевой лес, вдоль дороги лениво прогуливаются высокогорные быки. Кругом то, что в России обычно называют «глухоманью».

Потом следовало ехать между холмов, минуя небольшие селения. Пахло йодом и морской свежестью. Как оказалось, океанский берег цивилизация испортить еще не успела. В проливе между Айоной и Маллом из изумрудных волн выныривали тюлени. Рыбаки сгружали на пирс плетеные коробы с живыми крабами, доставали садки, полные рыбы. Автомобиль пришлось оставить на Малле. Только айонские поселенцы имеют свой транспорт, а все паломники превращаются незаметно в настоящих пилигримов и бродят среди скал «вечного острова» с длинными дорожными посохами. Еще я вспомнил, как почтительно здоровались с нами встречные прохожие, с каким интересом разглядывали православные рясы и наперсные кресты. Узнавая, что мы из России, становились словоохотливей и дружелюбней. Таинственным образом нас с ними в те дни сближало кельтское наследие святого Острова.

Полтора тысячелетия назад свет Христовой веры из Сирии и Египта достиг через зеленую Ирландию этих мест, «забытых во мраке». Отсюда он двинулся на Северо-Запад, коснулся Новгорода, Валаама, Киева, и то обстоятельство, что кельтская традиция древней, неразделенной Церкви сегодня не отождествляется с какой-либо одной из современных конфессий, делает ее особенно ценной для диалога, через который Православие будет свидетельствовать о себе западному миру.

Сегодняшняя Айона похожа на человека, который только что проснулся и вспоминает планы, составленные им накануне. И, быть может, наступит время, когда русские гиды станут водить экскурсии паломников по острову, рассказывая о святых Коламбе, Брендане, Колумбане и многих других миссионерах, монахах, шедших на огромный риск и неудобства во имя Христа. Они станут цитировать отрывки из «Жития», составленного Адамнаном, или стихи самого Коламбы, например, вот эти:

Славен в битве воин,
Наводящий страх;
Более прекрасен
В плаванье монах
Путь его опасен
И в молитве труд
День и ночь в кораклах
По морю гребут.

(пер. С. Красовицкого)

А в пустыющей часовне св. Орана можно устроить уютный православный храм, где будет совершаться Литургия Иоанна Златоуста и будут читаться, пока еще не сочиненные, акафисты кельтским святым. Так, возможно, и сбудется древнее пророчество Айонского игумена: «Где когда-то было слышно пение монахов, будет лишь крик скота, но, прежде чем мир достигнет конца, все станет, как было».

Преподобный отче Коламба, моли Бога о нас!

Тверь-Новая Смирна, 2003 г.

Amra Choluimb Chille
(Чудо святого Коламбы)

God, God, may I beg of Him
before I go to face Him
    through the chariots of battle.
God of heaven, may He not leave me
in the path where there's screaming
from the weight of oppression.

Great God, protect me
from the fiery wall,
    the long trench of tears.
Just God, truly near,
who hears my wailing
from cloudy heaven.

- I Not newsless is Níall's land.
No slight sigh from one plain,
but great woe, great outcry.
Unbearable the tale this verse tells:
Colum, lifeless, churchless.
How will a fool tell him – even Neire –
the prophet has settled at God's right hand in Sion.
Now he is not, nothing is left to us,
    no relief for a soul, our sage.
For he has died to us, the leader of nations who guarded
    the living,

he has died to us, who was our chief of the needy,
he has died to us, who was our messenger of the Lord;
for we do not have the seer who used to keep fears
    from us,
for he does not return to us, he who would explain the
    true Word,
for we do not have the teacher who would teach the
    tribes of the Tay.
The whole world, it was his:
It is a harp without a key,
it is a church without an abbot.

- II By the grace of God Colum rose to exalted companionship;
awaiting bright signs, he kept watch while he lived.
His lifetime was short,
scant portions filled him.
He was learning's pillar in every stronghold,
he was foremost at the book of complex Law.
The northern land shone,
the western people biased,
he lit up the east
with chaste clerics.
Good the legacy of God's angel
when he glorified him.

- III He reached the apostles, with hosts, with archangels;
he reached the land where night is not seen,
he reached the land where we expect Moses,
he reached the plain where they know the custom of
    music,
wher sages do not die.
The King has cast off His priests' troubles.

IV He suffered briefly until he triumphed:
 He was a terror to the devil,
 to whom Mass was a noose.
 By his mighty skill,
 he kept the law firm.
 Rome was known, order was known,
     knowledge of the Godhead was granted to him.
 Truly blessed when he died,
 he was wise about apostles, about angels.
 He applied the judgements of Basil,
 who forbids acts of boasting by great hosts.

V He ran the course which runs past hatred to right action.
 The teacher wove the word.
 By his wisdom he made glosses clear.
 He fixed the Psalms,
 he made known the books of Law,
 those books Cassian loved.
 He won battles with gluttony.
 The books of Solomon, he followed them.
 Seasons and calculations he set in motion.
 He separated the elements according to figures among
     the books of the Law
 He read mysteries and distributed the Scriptures among
     the schools,
 and he put together the harmony concerning the course
     of the moon,
 the course which it ran with rayed sun,
 and the course of the sea.
 He could number the stars of heaven, the one who could
     tell all the rest
 which we have heard from Colum Cille.

VI Who was, Who will be alive who might be as wonderful as
     he,
 the very restrained one in the northwestern lands?
 He knew the Laws from Old to New, he who knew no
     falsehood.
 His work poured out saints
 towards ladders for the City.
 He climbs to the depth
 for the sake of the God of Humanity.
 By longings he is stretched,
 he sold his eye's desire.
 A sound, austere sage of Christ:
 no fog of drink nor fog of delights –
 he avoided the fill of his mouth.
 He was holy, he was chaste,
     he was charitable, a famous stone in victory.
 He was a full light.
 He was an ample fort for the stranger.
 He was obedient, he was noble,
     his death was dignified.
 he was pleasant, he was a physician
     in every sage's heart.
 Our hero used to speak with the apostle.
 It was restraint for which he died.
 It was sweet, it was unique,
     his skill at priestly matters.
 To people, inscrutable:
 he was a shelter to the naked,
 he was a teat to the poor.
 Fresh was each bitter blast he suffered.
 From Colum, the restraint of nations.

A great honour we reckon his heavenly food.
Christ will take him to serve among the just,
through the long days he has gone with them.

VII Discerning the sage who reached the path of the four.
He went with two songs to heaven after his cross.
The guardian of a hundred churches, a wave which
accomplishes the sacrifice.
A mighty hero, no idolator,
he did not assemble a crooked company
who scattered under instruction.
He accepted neither indifference nor heresy.
He would do no fast which was not the Lord's law,
that he might not die an eternal death.
Living his name, living his soul,
from the crowds he prepared under the holy Law.
He averted his side's softness.
His body's desire, he destroyed it.
He destroyed his meanness:
truly the boy is a son of Conn's offspring.
He destroyed the darkness of envy,
he destroyed the darkness of jealousy.
You find his grave good in its virtue
appointed for every trouble of weather.
From among an idolatrous people,
he abandoned possessions,
for clerics, chariots.
He fought a long and noble baffle against flesh
so that he will not go to the King's son under God's
dual judgement

in the second saying, the second verse.
He was buried before age, before weakness
in Britain for fear of Hell.

VIII Great Áed pledged it for all people:
a solid song when the hero went to heaven.
Not worthless, not slight, not contentious
not a hero unvigorous towards Conall's covenant.
His blessing turned them, the mouths of the fierce ones
who lived on the Tay, to the will of the King.
From the dark journeys of man
he sat down with God.
In place of pomp, in place of splendour, he bestowed,
the pure descendant of Conall ruled in his monastery.
A fair sage at his death,
and master of a community,
he spoke with an angel;
he studied Greek grammar.
A freeman outwith the tribe, thus I declare,
the son of Fedelmid, he fought the tribe, he knew his
end.
He did not suffer for the world:
he was constant to the memory of the cross.
What he conceived keeping vigil,
by action he ascertained.
A splendid birth was born of Art's offspring
– they have not Níall's strength –
one who commits no wrong from which he dies.

IX Grief broke Conn's Region for the going to rest of such a
good one.

The son of the Cross his name:
to him his due – behold, heaven – I will truly tell.
In the otherworld, they find it sweet the pure one
anew.
Until death, how may I describe
in flesh his path to heaven?
His choice poured out joy, quiet peace;
he attained them, the famous man of wisdom.
Surely for him,
not the wail of one house,
not the wail of one string;
heavily does word wound the people.
He deserved the Lord God's light, which was quenched,
which has blazed again.

X This is the elegy of the king who rules me.
He will protect us in Sion.
He will urge me past torments.
May it be easily dark defects go from me.
He will come to me without delay,
the descendant of Cathair's offspring, Coirpre, with
dignity.
Vast the variations of the poem, vast the splendid sun of
heaven,
I have no time.

ALTUS PROSATOR
(Великий Творец)

- A Altus prosator vetustus dierum et ingenitus
erat absque origine primordii et crepidine
est et erit in saecula saeculorum infinita
cui est unigenitus Christus et sanctus spiritus
coaeternus in gloria deitatis perpetua
non tres deos depromimus sed unum Deum dicimus
salva fidei in personis tribus gloriosissimis
- B Bonos creavit angelos ordines et archangelos
principatum ac sedium potestatum virtutum
uti non esset bonitas otiosa ac majestas
trinitatis in omnibus largitatis muneribus
sed haberet caelestia in quibus privilegia
ostenderet magnopere possibili fatimine.
- C Caeli regni apice stationis angelicae
claritate prae fulgoris venustate speciminis
superbiendo ruerat Lucifer quem formaverat
apostataeque angeli eodem lapsu lugubri
auctoris cenodoxiae pervicacis invidiae
ceteris remanentibus in suis principatibus.
- D Draco magnus taeterrimus terribilis et antiquus
qui fuit serpens libricus sapientior omnibus
bestiis et animantibus terrae ferocioribus
tertiam partem siderum traxit secum in barathrum
locorum infernalium diversorumque carcerum
refigas veri luminis parasito praecipites.

E Excelsus mundi machinam praevidens et harmoniam
caelum et terram fecerat mare aquas condiderat
herbarum quoque germina virgultorum arbuscula
solem lunam ac sidera ignem ac necessaria
aves pisces et pecora bestias animalia
hominem demum regere protoplaustum praesagmine.

F Factis simil siderebus aetheris luminaribus
conlaudaverunt angeli factura pro mirabili
immensae molis Dominum opificem caelestium
praeconio laudabili debito et immobili
concentique egregio grates egerunt Domino
amore et arbitrio non naturae donario.

G Grassatis primis duobus seductisque parentibus
secundo ruit diabolus cum suis satellitibus
quorum horrore vultuum sonoque volitantium
consternarentur homines metu territi fragiles
non valentes carnalibus haec intueri visibus
qui nunc ligantur fascibus ergastulorum nexibus.

H His sublatus e medio deiectus est a Domino
cuius aeris spatium constipatur satellitum
globo invisibilium turbido perdueflium
ne malis exemplaribus imbuti ac sceleribus
nullis unquam tegentibus saeptis ac parietibus
fornicarentur homines palam omnium oculis

I Invehunt nubes pontias ex fontibus brumalias
tribus profundioribus oceani dodrantibus
maris caeli climatibus caeruleis turbinibus
profuturas segitibus vineis et germinibus
agitatae flaminibus thesauris emergentibus
quique paludes marinas evacuant reciproca.

K Kadica ac tyrannica mundique momentanea
regum praesentis gloria nuti Dei deposita
ecce gigantes gemere sub aquis magno ulcere
comprobantur incendio aduri ac supplicio
Cocytique Charybdibus strangulati turgentibus
Scyllis obtecti fluctibus eliduntur et scrupibus.

L Ligatas aquas nubibus frequenter cribrat Dominus
ut ne erumpant protinus simul ruptis obicibus
quarum uberioribus venis velut uberibus
pedetentim natantibus telli per tractus istius
gelidis ac ferventibus diversis in temporibus
usquam influunt flumina nunquam deficientia

M Magni Dei virtutibus appenditur dialibus
globus terrae et circulus abyssi magnae inditus
suffultu Dei iduma omnipotentis valida
columnis velut vectibus eundem sustentantibus
promontoriis et rupibus solidis fundamentibus
velut quibusdam basibus firmatus immobilibus.

- N Nulli videtur dubium in imis esse infernum
ubi habentur tenebrae vermes et dirae bestiae
ubi ignis sulphureus ardens flammis edacibus
ubi rugitus hominum fletus et stridor dentium
ubi Gehennae gemitus terribilis et antiquus
ubi ardor flammaticus sitis famisque horridus.
- O Orbem infra ut legimus incolas esse novimus
quorum genu precario frequenter flectit Domino
quibusque impossibile librum scriptum revolvere
obsignatum signaculis septem de Christi monitis
quem idem resignaverat postquam victor exstiterat
explens sui praesagmina adventus prophetalia.
- P Plantatum a prooemio paradysum a Domino
legimus in primordio Genesis nobilissimo
cuius ex fonte flumina quattuor sunt manantia
cuius etiam florido lignum vitae in medio
cuius non cadunt folia gentibus salutifera
cuius inenarrabiles deliciae ac fertiles.
- Q Quis ad condictum Domini montem ascendit Sinai?
quis audivit tonitrua ultra modum sonantia
quis clangorem perstreperere inormitatis buccinae?
quis quoque vidit fulgura in gyro coruscantia
quis lampades et iacula saxaque collidentia
praeter Israhelitici Moysen iudicem populi?

- R Regis regum restissimi prope est dies Domini
dies irae et vindictae tenebrarum et nebulae
diesque mirabilium tonitruorum fortium
dies quoque angustiae maeroris ac tristitiae
in quo cessabit mulierum amor ac desiderium
hominumque contentio mundi huius et cupido.
- S Stantes erimus pavidi ante tribunal Domini
reddemusque de omnibus rationem affectibus
videntes quoque posita ante obtutus crimina
librosque conscientiae patefactos in facie
in fletus amarissimos ac singultus erumpemus
subtracta necessaria operandi materia.
- T Tuba primi archangeli strepente admirabili
erumpent munitissima claustra ac poliandria
mundi praesentis frigora hominum liquescentia
undique conglobantibus ad compagine ossibus
animabus aethralibus eisdem obviantibus
rursumque redeuntibus debitis mansionibus.
- V Vagatur ex climactere Orion caeli cardine
derelicto Virgilio astrorum splendidissimo
per metas Thetis ignoti orientalis circuli
girans certis ambagibus redit priscis reditibus
oriens post biennium Vesperugo in vesperum
sumpta in proplematibus tropicis intellectibus.

X Xristo de caelis Domino descendente celsissimo
praefulgebit clarissimum signum crucis et vexillum
tectisque luminaribus duobus principalibus
cadent in terram sidera ut fructus de ficulnea
eritque mundi spatium ut fornacis incendium
tunc in montium specubus abscondent se exercitus.

Y Ymnorum cantionibus sedulo tinnientibus
tripudiis sanctis milibus angelorum vernantibus
quattuorque plenissimis animalibus oculis
cum viginti felicibus quattuor senioribus
coronas admittentibus agni Dei sub pedibus
laudatur tribus vicibus Trinitas aeternalibus.

Z Zelus ignis furibundus consumet adversarios
nolentes Christum credere Deo a Patre venisse
nos vero evolabimus obviam ei protinus
et sic cum ipso erimus in diversis ordinibus
dignitatum pro meritis praemiorum perpetuis
permansuri in gloria a saeculis in saecula.

[responsio]

Quis potest Deo placere novissimo in tempore,
variatis insignibus veritatis ordinibus,
exceptis contemptoribus mundi praesentis istius?

АРБРОТСКАЯ ДЕКЛАРАЦИЯ 1320 ГОДА

(по книге Д.Г. Федосова «Рожденная в битвах»)

Святейшему Отцу во Христе и Господину Иоанну, Божественным провидением Верховному Понтифику Святой Римской и Вселенской Церкви, смиренные и преданные сыновья его: Данкан, граф Файф; Томас Рэндолф, граф Морей, лорд Мэн и Эннандейл; Патрик Данбар, граф Марч; Малис, граф Стрэтэртн; Малколм, граф Леннокс; Уильям, граф Росс; граф Кейтнесс и Оркни; Уильям, граф Сатерленд; Уолтер сенешал Шотландии; Уильям Соулс, дворецкий Шотландии; Джеймс, лорд Дуглас; Роджер Моубрей; Дэвид, лорд Брихин; Дэвид Грэхем; Ингерам Амфравилл; Джон Ментит, хранитель графства Ментит; Александр Фрэйзер; Гилберт Хэй, констебль Шотландии; Роберт Кит, маршал Шотландии; Хенри Сент-Клер; Джон Грэхем; Дэвид Линдсей; Уильям Олифант; Патрик Грэхем; Джон Фентон; Уильям Эбернети; Дэвид Уимс; Уильям Масет; Фергус Ардроссан; Юстес Максуэлл; Уильям Рэмсей; Уильям Моуат; Элан Морей; Доналд Кэмпбэлл; Джон Кэмбрен; Реджиналд Чейн; Александр Ситон; Эндрю Лесли; Александр Стрэйтон и прочие бароны и свободные держатели, как и вся община Королевства Шотландии, шлют всяческое сыновнее почтение с благочестивыми лобзаниями блаженных стоп его.

Мы ведаем, Святейший Отец и Господин, и заключаем из древних преданий и книг, что среди других славных народов наш шотландский народ был отмечен многими хвалами. Перешедши

из Великой Скифии через Тирренское море и Геркулесовы Столпы и обитая в течение долгого времени в Испании меж свирепейших племен, он никогда не мог быть покорен ни одним из них, сколь бы варварскими они ни были. Удалившись же оттуда спустя тысячу двести лет после перехода израильтян через Красное море, многими победами и неустанными трудами он обрел себе пределы на западе, кои населяет и поныне, изгнав бриттов и совершенно истребив пиктов, и, невзирая на постоянные нападения норвежцев, датчан и англичан, всегда сохранял их свободными от всякой повинности, чему свидетельством старинные предания.

В королевстве их (скоттов) правили сто тринадцать королей из своего монаршего рода без какого-либо чужеземного вмешательства. Их доблести и заслуги, даже если бы они не явствовали из чего-либо иного, ярко воссияли оттого, что Царь Царей и Господь Господствующих Иисус Христос после страстей и Воскресения Своего одними из первых призвал их, населявших крайние пределы земли, ко святейшей Своей вере. Утвердить же их в вере сей возжелал Он никем иным, как Своим первым по призванию апостолом, хотя и по положению вторым или третьим, – именно Андреем, милостивейшим братом святого Петра, коему Он повелел пребывать всегда их Покровителем. Тщательно учитывая это, Святейшие отцы, предшественники Ваши, жаловали сие королевство и народ, как достояние брата святого Петра, частыми милостями и многими привилегиями.

Так народ наш под их защитой доныне жил вольно и покойно, когда сей знаменитый государь, король английский

Эдуард, отец того, что теперь правит, под личиной друга и союзника потревожил подобно врагу наше королевство и обезглавленный народ, не подозревавший никакого зла и обмана и еще не привычный к войнам и вторжениям. Те несправедливости, убийства, насилия, грабежи, поджоги, заключение в темницу прелатов, сожжение монастырей, разорение и избиение клириков и иные непомерные бесчинства, какие причинил он сему народу, не щадя ничего возраста, пола, сана и достоинства, никто не мог бы описать и в полной мере осознать, если не испытал этого сам.

С помощью Того, Кто излечивает и исцеляет раны, мы освобождены от этих бесчисленных бедствий доблестнейшим государем, королем и господином нашим Робергом, который во имя избавления народа и наследства своего от рук неприятелей с радостью перенес труды и лишения, голод и опасности подобно новому Маккавею и Иисусу Навину. Божественный промысел, а равно законы и обычаи наши, кои мы будем отстаивать до смерти, право наследия и должное наше согласие и утверждение сделали его государем и королем нашим, коему, как благодетелю народа, как по правам сего, так и заслугам, мы во всем будем хранить верность ради защиты нашей свободы. Если бы он отступился от начатого дела, захотев нас и королевство наше подчинить английскому королю и англичанам, мы тотчас постарались бы изгнать его, как нашего недруга и губителя прав своих и наших, и избрали бы другого короля, способного нас защитить. Ибо доколе хоть сотня из нас останется в живых, никогда и ни в коей мере не покоримся мы английскому владычеству. Ведь не ради славы,

богатств или почестей мы сражаемся, но единственно во имя свободы, кою каждый добрый человек утратит лишь вместе с жизнью.

Вот о чем, досточтимый Отец и Господин, мы смиренно и коленопреклонно просим Ваше Святейшество со всею настойчивостью. Коль скоро Вы, чистосердечно и благочестивым разумом помыв, что для Того, Чью службу вы несете на земле, нет превосходства и различия меж иудеями и греками, шотландцами или англичанами, призрите отеческим взором на беды и горести, причиненные англичанами нам и Церкви Господней, – благоволите наставить и побудить английского короля (коему надлежит довольствоваться тем, что имеет, ибо прежде земли в Англии было довольно для семи и более королей), чтобы он оставил в мире нас, обитающих в скудной Шотландии, далее коей нет обитаемой земли, и не желающих ничего чужого. Мы же ради достижения нашего покоя с готовностью сделаем для него то, что сможем, сохраняя уважение к нашему достоинству.

Сделать это, Святой Отец, тем более важно для Вас, что Вы видите, как неистовствует ярость неверных против христиан в наказание за грехи их, а христианские владения каждодневно уменьшаются. Вы заботитесь, дабы никто не оскорбил памяти Вашего Святейшества, если (упаси Господь!) какая-либо часть Церкви претерпит в Ваше время ущерб или несчастье. Убедите же христианских государей, дабы они не измышляли предлога, будто не могут отправиться на избавление Святой Земли из-за войн с соседями. Истинная причина, препятствующая этому, – что в войнах с малыми соседями они полагают ближайшую выгоду

и слабейшее противодействие. Но Тот, От Кого ничто не сокрыто, знает, с каким радостным сердцем помянутый господин наш король и мы отправимся туда, если король английский оставит нас в покое. Мы возглашаем и подтверждаем это заместнику Христову и всему христианскому миру.

Но если Ваше Святейшество искренно не поверит этому и, слишком легко вняв наветам англичан, не откажется поддерживать их к нашему смятению, мы сочтем, что Всевышний вменит Вам в вину умерщвленные тела, погубленные души и прочие тяготы, совершенные ими и нами, какие воспоследуют. За то, чем обладаем, мы ныне и впредь готовы во всем угождать Вам, заместнику Господа, как покорные сыны Ваши. Ему же, как высшему Владыке и Судие, вверяем мы защиту нашего дела, возлагаем на Него помыслы и твердо уповаем, что Он вселит в нас мужество и низведет врагов наших.

Всевышний да сохранит во здравии Ваше Святейшество для святой Своей Церкви на долгие времена. Дано в Арбротском монастыре, в Шотландии, месяца апреля шестого дня в год Милости тысяча триста двадцатый, в год же правления помянутого короля пятнадцатый.

ХРОНОЛОГИЯ

Годы   События

ДО РОЖДЕСТВА ХРИСТОВА

- 700 – этим периодом датируются относящиеся к железному веку материальные останки племен (особенно обнаруженные близ озера Халльштатт в современной Австрии).
- 450 – формирование культуры Ла Тэн; кельтские племена начинают использовать и производить металлические предметы.
- 390 – кельтская армия Бренна пытается захватить Рим.
- 335 – Александр Великий встречается с кельтскими вождями вблизи Адриатического моря.
- 279 – кельтские племена разграбляют Дельфы, Грецию и ее святилища.
- 278 – 20 тысяч кельтских воинов с семьями перескают Босфор и поселяются в центре Малой Азии.
- 101 – Гай Марий начинает завоевывать кельтские территории.
- 58-51 – Юлий Цезарь оккупирует Галлию. В ходе военной кампании убит один миллион человек.
- 55 – Цезарь совершает короткую экспедицию в Британию.

ПО РОЖДЕСТВУ ХРИСТОВУ

- 1-50 – согласно легендам, в этот период времени кельтам в Галлии и Британии проповедуют апостолы Иисуса Христа, Иосиф Аримафейский, даже сам Спаситель.
- 43 – в Британию вторгаются 40000 римских солдат.
- 49 – апостол Павел адресуется церквам Галатии (то есть кельтам, переселившимся в Малую Азию) назидательное послание.
- 120-22 – сооружение стены Адриана.
- 140 – возведение стены Антонина.

- ок. 177 – при гонениях по указу Марка Аврелия среди мучеников в Лионе значатся и христиане-кельты.
- ок. 178 – один из ведущих христианских ученых второго столетия Ириней становится епископом Лиона и одним из первых миссионеров среди кельтов.
- 178 – Симфориан из Отэна – галльский христианин – обезглавлен за религиозные убеждения.
- ок. 190 – римские границы в Британии занимают все более южное положение.
- 250 – Рим направляет семь епископов для учреждения церквей в Галлии в связи с растущим там христианским движением.
- ок. 250 – за укрытие священника и отрицание римского язычества казнен Альбан – первый признанный христианский мученик Британии.
- 297 – поэт-философ Эвмений впервые употребляет слово «пикты».
- 306 – пиктские набеги на Британию.
- 314 – епископы из Британии и других мест растущего христианского мира собираются на Собор в Арле (Галлия), где обсуждают вопрос о схизме донатистов, вопрошают папу Сильвестра об общей для всех дате Пасхи, рассматривают и другие проблемы.
- 345 – перенесение части мощей св. ап. Андрея Первозванного из греческих Патр в Шотландию.
- 357 – публикация «Жития Антония» Афанасием Великим вдохновляет монашеское движение по всему христианскому миру, включая Британские острова.
- 368 – пикты доходят до Лондона.
- 397 – кончина св. Мартина Турского, одного из «отцов кельтского христианства».
- 407 – император Гонорий начинает выводить римские войска из Британии.

- 417 – папа Иннокентий I отлучает Пелагия – британского христианина, отрицавшего учение о первородном грехе.
- 431 – папа Целестин направляет в Ирландию Палладия – диакона-антипелагианца.
- 432 – британский христианин, прежде бывший рабом в Ирландии, Патрик (Патрикий) возвращается на «Зеленый остров» в качестве миссионера.
- ок. 432 – кончина Ниниана. Он основал каменную церковь Кандида Каса (ныне Уитхорн, Шотландия). Это место постепенно превратилось в один из центров кельтского монашества.
- ок. 468 – св. Бригита – легендарная личность, ставшая вместе со св. Патриком покровительницей Ирландии, основывает монастырь в Килдаре.
- 476 – падение Западной Римской Империи.
- ок. 484 – св. Энда основывает монастырь в Иншиморе (считается первым монастырем в Ирландии).
- кон. V в. – переселение скоттов Дал Риаты из Ирландии в Шотландию. Фергус становится королем скоттов.
- ок. 500 – св. Иллтуд основывает Лланиллтуд Фавр (теперь Ллантвит Мэджор в Гламоргане), Уэльс.
- ок. 500 – св. Ронан покидает Ирландию и отправляется в Бретань.
- 520 – рождение св. Коламбы (С-3. Ирландия, Донегал)
- 540 – родился св. Колумбан (Коламба Младший) – человек, радикально изменивший ход европейской миссии христианства.
- 558 – св. Комгалл основывает большой монастырь Бэнгор (Ольстер), ставший впоследствии центром кельтской учености.
- 561 – св. Брендан, записи которого о путешествии в «Страну Обетованную» стали излюбленным повествованием в средние века, основывает монастырь в Клуаин Ферга Бренаид (Клонферт, Ирландия).
- 561 – св. Коламбу выдворяют из Ирландии, якобы за участие в битве при Кул Дребне
- 563 – Коламба основывает монастырь на о. Айоне, которому предстоит стать одним из самых влиятельных на всех Британских островах.
- ок. 565 – кончина Самсона из Дола – его монастырь в Доле стал центром Церкви в Бретани (Франция).
- 570 – кончина св. Иты, наставницы Брендана Мореплавателя. Ее школа в Килледи (Ирландия) сыграла огромную роль в истории Кельтской Церкви.
- ок. 570 – кончина св. Гильда, сурово осудившего кельтский аскетизм в «Разорении и покорении Британии».
- 575 – Собор в Друим-Кете. Св. Коламба заступает за поэтов.
- 590 – начало миссии св. Колумбана в Европе. Им были основаны монастыри в Льюсе, Сент-Галлене, Боббио. По сути св. Колумбан «вернул» на континент ученость и рукописи, утраченные после краха Римской Империи.
- 596 – папа Григорий Великий направляет с евангельской миссией в Британию римского епископа Августина и сорок монахов.
- 597 – кончина св. Коламбы. Августин прибывает в Кент.
- ок. 601 – кончина Дэвида Уэльского (по преданию, он дожил до 147 лет). Его монастырь Минив (ныне монастырь св. Дэвида) стал одним из самых аскетических монастырей Британии.
- 613 – кончина св. Колумбана в Италии. Он покинул Ирландию и основал десятки монастырей на европейском континенте.
- 618 – кончина Кевина (Козмгена). Он основал монастырь в «долине двух озер» (Грендалог) в горах Уиклоу, где первоначально искал уединения. Один из центров кельтской учености.
- 635 – начало деятельности св. Айдана на острове Линдисфарн.

- 644 – ирландский монах-миссионер св. Фурса, известный своими видениями, основывает монастырь в Ланьи близ Парижа.
- 644 – на Соборе в Уитби король Нортумбрии Оуви принимает римский способ счисления Пасхи. Первый «кельтский кризис».
- 672 – Собор в Хертфорде обрушивается на широко принятые кельтские практики – такие, как странствующее монашество.
- 685 – разгром пиктами англов при Даннихене.
- 687 – кончина св. Кутберта Линдисфарнского.
- ок. 695 – Муирху мокку Мактени пишет «Житие св. Патрика».
- 697 – Собор в Бирре (Ирландия) принимает «Закон невинных» (св. Адамнана) – веха в истории законодательства и прав человека.
- 704 – кончина св. Адамнана.
- 741 – англо-саксонский историк Беда завершает свою «Церковную историю». Он критикует кельтское счисление даты Пасхи и другие частные практики, но восхваляет кельтских святых за их праведность.
- 767 – Айона окончательно принимает римский способ счисления Пасхи.
- 787 – первое появление вооруженных отрядов викингов.
- ок. 790 – ирландские монахи поселяются в Исландии.
- 793 – викинги совершают набеги на некоторые британские монастыри и церкви, включая Линдисфарн.
- 794 – норвежцы вторгаются в Британию.
- 795 – первый из нескольких набегов викингов на Айону.
- 807 – в Келлсе (Ирландия) сооружается новый монастырь «Дом айонской семьи»
- 839 – викинги устраивают свой первый зимний лагерь в Ирландии
- 843 – основание единого королевства скоттов и пиктов.
- 920 – первое англо-шотландское поселение.
- 986 – полное разорение Айоны викингами.
- 1013 – датчане завосвывают Англию.
- 1054 – разделение Церквей.
- 1066 – битва при Гастингсе, гибель короля Харальда. Норманны оккупируют Британию. Падение православия в Англии.
- 1072 – Маргарита Шотландская посещает Айону и жертвует деньги на строительные работы.
- 1122 – Аргайл возвращен Шотландии.
- 1123 – Александр I Шотландский основывает монастырь в честь Коламбы на острове Инчколм.
- 1144 – начало планомерного преследования калдиев в Шотландии.
- 1154 – Английский престол занимает Генрих II Плантагенет.
- 1156 – папа Адриан V дарит Ирландию Англии.
- 1171 – английское завоевание Ирландии. Собор в Кэшеле уничтожает остатки независимой Кельтской Церкви.
- 1173-74 – англо-шотландская война и Фалезский договор.
- 1185 – «перемещение останков» свв. Патрика, Коламбы и Бригиты в Даунпатрик, Ирландия.
- 1192 – Шотландская Церковь – «особая дочь Рима».
- 1203 – на Айоне сооружается бенедиктинский монастырь.
- 1225 – нововведения в Шотландской Церкви.
- 1266 – начало войн за независимость Шотландии.
- 1297-98 – восстание Уильяма Уоллеса.
- 1303-05 – битва при Рослине. Казнь Уоллеса.
- 1303 – восстание и коронация Роберта Брюса.
- 1320 – Арбротская декларация.
- 1371 – воцарение династии Стюартов.
- 1314 – мощи кельтских святых (св. Коламбы) используются для сплочения шотландских войск против англичан в битве при Бэннокберне.
- 1623 – богослов-кальвинист Джеймс Ашр – архиепископ Армага, высказывает суждение о том, что ранне-кельтские христиане являлись протопротестантами.
- 1707 – Шотландия полностью теряет независимость.
- 1893 – У.Б. Йетс начинает публикацию «Кельтских сумерек» – серии эссе об ирландском фольклоре и мифологии.

- 1897 – на Айоне проходят торжества в честь 1300-летия со дня кончины св. Коламбы.
- 1900 – опубликован первый том «Кармина Гаделика» Александра Кармайкла – собрание древнешотландских молитв и благословений.
- 1938 – протестантский священник из Глазго Джордж Мак Леод основывает Общину Айоны и возрождает древнюю обитель.
- 1997 – празднование 1400-летия со дня кончины св. Коламбы.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. ANDERSON, A.O. & ANDERSON, M.O (edd. and tr.) *Adomnan's Life of Columba* (London 1961)
2. BEST, R. & LAWLOR, H. *The Martyrology of Tallaght* (London 1931)
3. BRADLEY, I. *Celtic Christianity: Making Myths and Chasing Dreams* (Edinburgh 1999)
4. CHADWICK, N.K. *The Age of the Saints in Early Celtic Church* (London 1961)
5. CHARLES-EDWARDS, T.M. *Early Christian Ireland* (Cambridge 2000)
6. CLANCY, T.O. 'Columba, Adomnan and the cult of the saints in Scotland', *The Innes Review* 48 (1997) 1-26
7. CLANCY, T.O. *The real St. Ninian*, *The Innes Review* 52 (2001) 1-28
8. HARDINGE, L. *The Celtic Church in Britain* (London 1972)
9. HENDERSON, G. *Vision and Image in Early Christian England* (Cambridge 1999)
10. HERBERT, M. *Iona, Kells and Derry: the History and Hagiography of the Monastic Familia of Columba* (Oxford 1988)
11. HERBERT, M. & YRIAN, P. (edd. and. tr.) *Betha Adamnóin: the Irish Life of Adamnón* Irish Texts Society 54 (London 1988)
12. HUGHES, K. *The Church in Early Irish Society* (London 1966).
13. ETCHINGHAM, C. *Church Organisation in Ireland A. D. 650 to 1000* (Maynooth 1999).
14. FARR, C. *The Book of Kells: its Function and Audience* The British Library Studies in Medieval Culture (London 1977).

15. MEEHAN, B. *The Book of Kells* (London 1994).
16. MEEHAN, D. *Adamnan's De Locis Sanctis* (Dublin 1958).
17. MEEK, D.E. *The Quest for Celtic Christianity* (Edinburgh 2000).
18. O'BEIRNE CROWE, J. *The Amra Choluim Chilli of Dallan Forgaill* (Dublin 1871).
19. O'LOUGHLIN, T. *Celtic Theology* (London 2000).
20. MacDONALD, A.D.S. *Aspects of the monastery and monastic life in Adamnan's Life of Columba / Peritia 3* (1984) 271-302.
21. MacQUARRIE, A. *The Saints of Scotland: Essays in Scottish History A.D. 450-1093* (Edinburgh 1997).
22. SHARPE, R. (tr.) *Adamnan of Iona: Life of St. Columba* (London 1995).
23. STEVENSON, J.B. 'Altus Prosator', *Celtica* 23 (1999) 326-68.
24. STOKES, W. *The Bodleian Amra Choluim Chille / Revue celtique* 20 (1899) 30-55, 133-83, 248-89, 400-37.

Summary

This book is an introduction to the life and historical context of St. Columba, Celtic saint of the 6th century A.D., founder of a monastic center on the Scottish island of Iona. As such, it is the first study of such sort to appear in Russian. Of the opening three chapters, each one begins with a part from the *Vita* of the saint as presented by St. Adamnan at the end of 7th century. Translation from the original Latin is not literal, but was rather adapted with the Russian Orthodox audience in mind. Chapter 1 ('The Guardian of One Hundred Churches') talks about the founding role of St. Patrick, medieval genre of hagiography as a whole, and initial stages of St. Columba's life and mission. It also contains information on St. Adamnan including his biography and his two other major works. Chapter 2 ('Holy Ostracism') is a study of the cultural and religious tradition of 'pilgrimage for the sake of Christ' in the Celtic lands, and concludes with a discussion of St. Columba leaving his Irish homeland. In Chapter 3, 'The Eternal Island of Iona' is presented the way it had first welcomed the saint and the way the saint had transformed it into an important ecclesial center which could at times challenge even Rome. History of Iona is then traced up until the 20th century A.D. Chapter 4 ('He has fulfilled ordinances of St. Basil') is more specifically about the personality of the saint, who was remembered as a righteous scribe, teacher of the monks and a container of true wisdom. Chapter 5 talks about St. Columba's mission to Picts and the saint's curious role in the beginnings of Scottish statehood. The following chapter (Ch. 6, 'The Morning Star of Scottish Faith') covers Columba's concluding years and his historical heritage in Scotland throughout the Middle Ages. Chapter 7 traces beginnings of the idea of the 'Celtic Church' to the conflict between the Protestants and the Catholics during the age of the Reformation. 'Celtic Twilight' and Celtic Dawn (Ch. 8) continues with a survey of 'Celtic Studies' from the period of European Romanticism up to the present day.

As presented above, this new book by Rev. Father Alexander Shabanov is a true encyclopedia of facts and stories not only about St. Columba but also on the topic of the Celtic church in general. The popular

form the book is written in serves only to its advantage, as is its easy-to-follow literary style and beautiful poetry one finds on its pages. With this publication, Fr. Alexander adds one more portrait to the gallery of Celtic saints which he had ventured to draw for his Russian audience. Just as his previous books about St. Patrick (came out in 2000) and St. Brendan (2001), this one is written deliberately with a missionary project in mind. As Fr. Alexander put it in his Afterword: *Millennium and a half ago the light of the Christian faith, having come from Syria and Egypt, reached also this place {Iona — SK} that 'dwelt in the darkness'. From here it took course to North East; it touched upon Novgorod, Valaam, Kiev, and the fact that the Celtic tradition of the ancient undivided Church is not associated today with any particular religious confession makes it especially valuable for the dialogue through which Orthodoxy will be witnessing about itself to the Western world.*

From the far-away South Eastern shores of the Western world I am saying 'Amen' to that statement.

Rev. Sergey Kozin
March 13, 2004
St. John Cassian

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие.....	7
<i>Книга первая</i>	16
Глава 1. Страна ста церквей.....	56
<i>Книга вторая</i>	82
Глава 2. Святое изгнничество.....	133
<i>Книга третья</i>	151
Глава 3. Вечный остров Айона.....	179
Глава 4. "Исполнивший заветы Василия".....	205
Глава 5. Миссия.....	229
Глава 6. "Утренняя звезда шотландской веры".....	253
Глава 7. Реформация.....	283
Глава 8. "Кельтские сумерки" и кельтский рассвет.....	299
Послесловие.....	331
Приложения.....	334
Summari.....	361

Научно-популярное издание

Протоиерей Александр Шабанов

**«Голубь Церкви»
святой Коламба Айонский
Просветитель Шотландии**

Художник
О. Шабанова

Редактор
священник Лев Семенов,
канд. ист. н.

Технический редактор
О. Кислякова

Подписано в печать 6.04.2004 г. Формат 84x108/32.
Бумага офсетная № 1. Печать офсетная.
Усл. п. л. 10,41. Тираж 1000 экз. Заказ № 5040.
Отпечатано в Тверской областной типографии.
170000, г. Тверь, Студенческий пер., 28.